

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Красноярское отделение Российского общества социологов

**Социология, философия, право
в системе противодействия преступности**

**Всероссийская научно-практическая конференция
(Красноярск, 22 ноября 2018 года)**

Материалы конференции

Ответственный редактор В.Е. Шинкевич

Красноярск
СибЮИ МВД России
2018

ББК 60+60.5+67+87

УДК 34+101+316

Социология, философия право в системе противодействия преступности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 22 ноября 2018 г.) / отв. ред. В.Е. Шинкевич. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – 224 с. – ISBN 978-5-7889-0266-1.

В сборник вошли тезисы докладов и выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «Социология, философия, право в системе противодействия преступности», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск) 22 ноября 2018 г.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего образования, научной общественности, специалистов, управленцев, исследующих процессы развития современного общества в контексте противодействия преступности и иного социально неодобряемого девиантного поведения.

ISBN 978-5-7889-0266-1

© Сибирский юридический институт МВД России, 2018

Содержание

ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРАКТИКЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СЛАГАЕМЫХ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

<i>Невирко Д.Д.</i> Экологическая безопасность как слагаемое национальной безопасности в современных условиях: на материалах социологических исследований	7
<i>Шинкевич В.Е.</i> Причины, личностные и общественно опасные последствия формирования различных форм зависимостей как предмет социологического изучения	12
<i>Егорышев С.В.</i> Социологический мониторинг в механизме обратной связи в управлении органами внутренних дел.....	18
<i>Соловьев М.Г.</i> Состояние общественного мнения о деятельности органов внутренних дел: по результатам социологических исследований.....	23
<i>Грабельных Т.И.</i> О важности социологического понимания вопросов безопасности в региональном социуме	29
<i>Курюкин А.Н.</i> Социологический подход к исследованию правосознания в российском гуманитарном дискурсе.....	34
<i>Белов Е.А.</i> Анализ неформальной занятости населения в контексте оптимизации трудовой деятельности различных субъектов: по материалам социологического исследования	40
<i>Титова М.П.</i> Наркотики как один из факторов подростковой преступности (социологический анализ).....	45
<i>Брюно В.В.</i> Включённость в наркопотребление лиц среднего возраста.....	51
<i>Салморбекова Р.Б., Акылбекова А.А.</i> Квалиметрические оценки методов воспитания в детских домах	57
<i>Шерстяных А.С.</i> Социологический анализ феномена патриотизма в образовательной среде: на примере образовательной организации органов внутренних дел	61
<i>Калиниченко Я.Н.</i> Проблемы организации и эффективности реабилитации наркозависимых как фактор сохранения социального здоровья современного социума: социологический контекст.....	66

<i>Куприянчик Т.В., Арская М.А., Ермякина Н.А.</i> Основное содержание программ реабилитации и ресоциализации наркозависимых: зарубежный опыт	71
<i>Власов В.А.</i> Принципы системы продовольственного обеспечения региона: анализ и дополнение доктрины	77

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

<i>Маслодудова Н.В.</i> Нравственная культура человека как фактор обеспечения социальной безопасности	80
<i>Кареева А.П.</i> Социальная безопасность: социально-философский анализ	84
<i>Некрасов Е.А.</i> Нигилизм молодого поколения по отношению к правоохранительным органам	90
<i>Сироткин Ю.А.</i> Духовные основания правовой культуры	94
<i>Карникова И.С., Нефедьева Е.И.</i> Социальное иждивенчество и паразитизм в контексте противоправного поведения (по результатам качественного социологического исследования)	97
<i>Хайдарова Г.Р.</i> Медиаполитика: проблемная ситуация пост-правды	103
<i>Маслакова М.В.</i> Информационное воздействие на информационное здоровье человека	108
<i>Дуреев С.П.</i> Особенности правового воспитания членов местного сообщества в российской действительности	111
<i>Ховес В.Ю.</i> Церковная проповедь как фактор детерминации правопослушного поведения молодежи	117
<i>Загутин Д.С.</i> Транспортные девиации молодежи как предмет социологического анализа	122

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Безруков А.В.</i> Роль полиции в реализации Конституции Российской Федерации и конституционализации правопорядка	127
<i>Максуров А.А.</i> Пробел в уголовном законе: определение понятия	134

<i>Мамина О.И.</i> Историко-теоретическое исследование института административной преюдиции в уголовном праве.....	139
<i>Рябинин Н.А.</i> Особенности правового сознания и правовой культуры в России и их влияние на правомерное поведение	145
<i>Морозов А.А.</i> Формирование профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел: в контексте философского осмысления	150
<i>Курсаев А.В.</i> Взаимосвязь форм юридической ответственности за нарушение трудовых прав граждан.....	156
<i>Гусева Т.А.</i> Противодействие коррупции в сфере государственных (муниципальных) закупок	162
<i>Абакумова Е.Б., Маматов Р.Р.</i> Нормативно-правовые основы профилактики коррупционных преступлений среди лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации.....	167

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

<i>Комлев Ю.Ю.</i> Постмодернизм о девиантности и преступности	174
<i>Иванова Т.Н., Польшкова М.М.</i> Социальная природа терроризма	180
<i>Излученко Т.В.</i> Девиантность экстремистского сознания: причины и последствия	185
<i>Ойдуп Т.М.</i> Вопросы профилактики и снижения преступности на тувинском участке Государственной границы России и Монголии	190
<i>Подгорнов С.С.</i> Анализ коррупционных практик в разрезе социального производства	195
<i>Тепляшин П.В., Тепляшин И.В.</i> Основы и перспективы общественного контроля в пенитенциарной системе современной России	200
<i>Яцук Т.Ф.</i> Проекты кодификации российского уголовного законодательства в конце 1920-х – 1930-х годов.	204

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

<i>Ростова А.В.</i> Оценка уровня террористической безопасности: по материалам анкетирования и экспертного опроса.....	208
<i>Еремеев С.Г.</i> Психологические основы формирования этнической толерантности в молодежной среде	212
<i>Коновалова О.В.</i> Формирование национальной и религиозной толерантности в процессе изучения гуманитарных дисциплин.....	216
<i>Хромова Н.М.</i> Влияние семьи на девиантное поведение несовершеннолетних.....	222

ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРАКТИКЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СЛАГАЕМЫХ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Д.Д. Невирко,

доктор социологических наук, профессор
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СЛАГАЕМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Впервые в России Стратегия экологической безопасности, то есть допустимого уровня негативного воздействия природных и антропогенных факторов экологической опасности на окружающую среду и человека, появилась в 2017 году.

Текущее состояние окружающей среды в России оценивается как неблагоприятное, что оказывает существенное влияние не только на экологическую безопасность, но и на уровень национальной безопасности в целом. В городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха проживают 17,1 млн. человек. Всего же 74% населения страны живет на территориях, где экология подвергается существенному негативному воздействию.¹ Одна из главных проблем – гигантские объемы мусора.

¹ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201704200016?index=1&>.

Согласно официальным данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, в 2017 году на территории Красноярского края насчитывалось 23 100 стационарных источников, загрязняющих окружающую среду. Общий объем их выбросов – 8 830 400 тонн. В воздух в 2017 году попало вредных веществ на 0,3% больше, чем в 2016 году. Более 14% питьевой воды края не соответствуют требованиям безопасности.

В целях изучения общественного мнения в рамках проведения Года экологии в 2017 году в России были проведены тематические социологические опросы по вопросу экологической безопасности и комфорта. Результаты различных исследований свидетельствуют о том, что граждане Российской Федерации, и в том числе Красноярского края, довольно хорошо знакомы с существующими экологическими проблемами.

К числу основных факторов ухудшения окружающей среды в России, да и в Красноярском крае, можно отнести:

- интенсивную деятельность промышленных компаний-недропользователей, что приводит к быстрому истощению природных ресурсов;
- неэффективность механизмов природопользования и охраны окружающей среды;
- отсутствие должного контроля со стороны органов государственной власти;
- недостаточное финансирование природоохранных мероприятий, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду;
- низкий уровень экологической культуры.

Об ухудшении состояния экологии говорят 27% россиян. Распределение ответов по федеральным округам показало, что для Дальневосточного федерального округа право на благоприятную окружающую среду является наиболее важным, в Уральском федеральном округе – на втором месте, в Сибирском федеральном округе – на третьем.¹

¹ Анализ ответов респондентов за 2016-2017 годы по вопросу экологической ситуации и состояния окружающей среды регионов показал, что эта проблема особенно волновала жителей Красноярского края, Омской,

По мнению респондентов, за 2016-2017 годы значительно ухудшилась экологическая ситуация в Челябинской области, в Красноярском крае, в Омской области.

Еженедельный опрос в августе 2017 года¹ показал, что наибольшее беспокойство у граждан вызывают мусор на улицах, стихийные свалки и бытовые отходы (26%), загрязнение водоемов, плохая питьевая вода (16%), воздействие промышленных предприятий на окружающую среду, отсутствие очистных сооружений (12%), состояние воздуха и уровень его загрязнения (11%), большое количество машин, близость автомагистралей, выхлопные газы, а также вырубка и уничтожение лесов, нехватка зеленых насаждений (8%), климатические изменения, пожары, наводнения (7%).

Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) провел социологическое исследование, в котором участвовали все федеральные округа, все типы населенных пунктов и все возрастные группы. Как следует из результатов, опубликованных на сайте Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 44% опрошенных указали, что наибольшую экологическую опасность для граждан представляют бытовые отходы, по мнению 35% – вырубка лесов, далее – транспорт (31%) и деятельность промышленных предприятий (28-29%).

По мнению респондентов, плохая экология вызвана деятельностью промышленных предприятий (30%) и загазованностью воздуха автомобильными выхлопами (17%). На уровне регионов проблемными вопросами являются загрязненность воздуха (18%), воды (14%) и «замусоренность» территорий (13%). Не случайно большинство граждан Российской Федерации считают загрязнение воздуха острой экологической проблемой в стране.

Находит отражение в общественном мнении и проблема сохранения лесного фонда. Леса занимают около 70% территории России, что составляет приблизительно пятую часть всех и

Астраханской, Московской областей, Республики Бурятия. ГеоРейтинг. Социологический атлас России. Март – апрель 2017.

¹ Еженедельный опрос «ФОМнибус» 19-20 августа 2017 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: map.rightsrf.ru/Karta_Yadro/prav_z_karta/zakon/...36/dokument_36web.pdf.

половину хвойных лесов мира. Как показали опросы ВЦИОМ, респонденты неоднозначно оценивают ситуацию в сфере охраны лесного фонда и создания зеленых зон: несмотря на то, что большинство опрошенных указали на положительные изменения в своем населенном пункте в сфере охраны лесов, зеленых зон и парков за последние 5 лет (37%), значительная доля (29%) указала на отсутствие изменений в данной сфере, а 21% респондентов выразили уверенность, что ситуация в сфере охраны лесов ухудшилась.¹ Данные проблемы зачастую становились и становятся аргументами политических технологий в борьбе за власть в ходе избирательных кампаний различных уровней.²

С 1 июля 2014 года по 30 июня 2017 года компанией «Медиадиалогия» проведены мониторинг и анализ публикаций в российских СМИ, включающих порядка 41 600 источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, Интернет-СМИ. За 3 года упоминаемость экологии в российских СМИ составила более 1,2 млн. сообщений. Наибольший пик приходится на март-апрель 2017 года – Владимир Путин и Дмитрий Медведев посетили Землю Франца-Иосифа и оценили результаты ее экологической очистки, Сергей Иванов заявил о необходимости подключить к ГЛОНАСС все мусоровозы России. На медиафоруме ОНФ «Правда и справедливость» экология стала одной из главных тем.

В сложившейся ситуации основные усилия российского государства должны быть направлены на обеспечение качества окружающей среды, создание условий для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики. К числу ключевых задач, требующих конструктивного решения, необходимо отнести прежде всего восстановление водных экосистем, предотвращение дальнейшего загрязнения воздуха и уменьшение уровня его загрязнения в городах, расширение мер по сохранению био-

¹ Экологическая ситуация в России: мониторинг (пресс-выпуск ВЦИОМ от 5 апреля 2018 г. № 3625)// Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116781> (дата обращения: 31.05.2018).

² Шинкевич В.Е. Политический маркетинг как разновидность политических технологий //Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3.

логического разнообразия, в том числе редких и исчезающих видов растений и животных.

Государство должно создавать эффективную индустрию утилизации отходов, в том числе их повторного применения, стимулировать внедрение экологически чистых технологий на предприятиях с тем, чтобы развивать в стране систему экологического образования и просвещения, активизировать проведение научных исследований в области охраны природы, проводить стратегические экологические оценки проектов и программ развития, создание системы экологического аудита.

Что же касается Красноярского края, то в ближайшие пять лет на улучшение экологической ситуации в Красноярске и Норильске будет направлено около 100 миллиардов рублей. Сегодня удалось добиться того, что решение экологических проблем Красноярска и Норильска отнесено к российским национальным проектам.¹

Ранее Президент России Владимир Путин поручил премьер-министру Дмитрию Медведеву совместно с правительством Красноярского края до 15 июня 2017 года разработать план по улучшению экологической обстановки в Красноярске.

В декабре 2017 года на заседании Госсовета по экологии Владимир Путин заявил, что откладывать решение экологических проблем «на потом» больше нельзя. Сегодня повышенное внимание к экологическим проблемам в нашей стране крайне необходимо. Экологическая безопасность – это состояние защищенности не только природной среды, но и жизненно важных интересов человека, общества и государства от потенциальных или реальных угроз, создаваемых последствиями антропогенного и техногенного воздействия на природу.

Соблюдение права на благоприятную окружающую среду, а также обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности установлены законодателем в качестве приоритетных принципов осуществления хозяйственной и иной оказывающей воздействие на окружающую среду деятельности всех хозяйствующих субъек-

¹ За пять лет на улучшение экологической ситуации в Красноярске и Норильске будет направлено около 100 миллиардов рублей // URL: <https://ria.ru/economy/20180617/1522868408.html>.

тов, включая органы государственной власти и местного самоуправления. Неразрывное единство указанных принципов предопределяет направления деятельности по значимому абсолютно для каждого из нас вопросу комфортного проживания, из которых важнейшими являются:

- сохранение природного богатства России, без чего невозможно обеспечить охрану здоровья населения;
- экологическая безопасность; рациональное и целевое использование земель и водных ресурсов страны;
- соблюдение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав граждан на владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами и устранение препятствий их свободного осуществления собственниками, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

Таким образом, несмотря на то, что состояние окружающей среды в России и в Красноярском крае оценивается как неблагоприятное, экологическая обстановка пока не вызывает острого беспокойства у россиян и красноярцев. Проблемы окружающей среды воспринимаются ими прежде всего как тематика «местного уровня». Все это подсказывает властям края и муниципалитетам сферу деятельности, позитивные изменения в которой способны коренным образом улучшить экологическую безопасность не только Красноярского края, но и Российской Федерации.

В.Е. Шинкевич,

доктор социологических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**Причины, личностные и общественно опасные последствия
формирования различных форм зависимостей
как предмет социологического изучения**

Само существование человека, его жизнь напрямую зависит от таких факторов, как еда, воздух, вода, жилье, безопасность,

состояние экологии, погодные условия. Вместе с тем сегодня актуализирована в социальной среде разнообразная масса зависимостей, которые небезопасны для человека. Зачастую зависимое поведение может быть следствием личностного или духовного кризиса – попыткой уйти от него, бегством от действительности или поиском хотя бы мнимой свободы путем «перехода» в иную реальность, в иное, измененное состояние сознания. Проблему таких зависимостей следует решать, необходимо находить пути как возвращения зависимого человека в общество, так и предотвращения его ухода в область зависимости. Говорить об этом просто необходимо, потому что ни ужасные истории про «азартных игроков-лудоманов», «жестко привязывающегося гемблинга», «сумасшедших транжир», «жертв анорексии» или «всепоглощающей булимии», «отпетых наркоманов и пропойц», ни самоуверенность в том, что они минуют ваших близких, вашу семью, дом – не самое лучшее средство противодействия различным зависимостям и профилактики недопущения проникновения их в ваш дом.

Одной из самых опасных зависимостей современности является зависимость от наркотических средств и психоактивных веществ. Данная проблема касается сегодня не отдельных людей, она приобретает массовость и, как снежный ком, все более и более разрастается в человеческом сообществе, вовлекая в сети зависимости все новых и новых его представителей. Как следствие – реальная перспектива разрушение социума.

Данная зависимость приносит большие проблемы не только отдельным людям и их ближайшему окружению, но и обществу. «Большую угрозу наркотиков для общества отметили 47,7% петербуржцев, а алкоголя – 41,2%, – пишет Ю.В. Верминенко, доцент кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета. – Проблемы наркотизации и алкоголизации являются социально значимыми соответственно для 75,5% и 72,2% петербуржцев». Далее в этой же статье автор обращает внимание на то, что от спиртного и наркотиков страдают не только пьяницы и наркоманы, но и их близкие. «Опрос показал, что в первую половину 1990-х гг. пьянство близких осложняло жизнь 6,7% семей, во вторую половину 1990-х гг. – 8%. Употребление наркотиков близкими осложняло

жизнь 3,1% семей респондентов в первой половине 1990-х гг., 1,7% во второй половине 1990-х гг.»¹. Как здесь не согласиться с житейской истиной, что семьи алкоголиков живут от запоя до запоя, подстраиваясь под ритм пьющего.

Пьянство, курение, употребление наркотиков, в разной степени актуальные для россиян уже продолжительное время, сегодня приобретают угрожающее значение. Главный научный сотрудник ИС РАН доктор социологических наук, профессор Г.Г. Заиграев в статье «Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации» отмечает: «Будучи для России и в прежние времена исключительно злободневной, проблема пьянства в начале XXI в. приобрела особенно болезненный для общества характер»². Данная проблема из относительно редкого порока мегаполисов за два десятилетия превратилась в одну из серьезнейших угроз национальной безопасности, стала «развиваться с ускорением по экспоненциальному закону»³. Сегодня наркоситуация считается одним из значимых показателей, определяющих прогноз изменения социального благополучия, качества жизни населения, поскольку наркопотребление влияет на социальную ситуацию территории в целом, будучи тесно связанным не только с проблемами здоровья населения, но и криминализацией его поведения, ростом социальной напряженности.⁴

Проблема формирования зависимости человека от всевозможных психоактивных веществ уже стала темой отдельного разговора, к ней обращаются и политики, и представители здравоохранения, образования, правоохранительных структур. Сегодня она нашла отражение в ряде научных исследований: диссертациях, монографиях, заключительных отчетах по темам научно-

¹ Верминенко Ю.В. Проблемы наркотизации и алкоголизации в общественном мнении петербуржцев // Социс. 2012. № 11. С. 113.

² Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социс. 2009. № 8. С. 74.

³ Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2009. С. 4.

⁴ Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Оценка состояния, основных детерминант и профилактика наркопотребления в Красноярском крае: по результатам социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации // Социологические исследования. 2018. № 2.

исследовательских работ. В основном выстроена государственная политика в отношении организации и проведения мониторинга наркоситуации, в том числе с использованием социологических исследований.

Необходимо отметить, что и в ряде других государств имеются исследовательские центры, занимающиеся проблемами противодействия наркотической зависимости. Речь идет о Национальном институте по проблемам злоупотребления наркотиками (NIDA) (США), Центре разработки и проведения исследования по проблемам наркотиков (Centre for Drug Research and Development) (Канада); Австралийском фонде по проблемам наркотиков (Australian Drug Foundation (ADF), Австралийском национальном совете по проблемам наркотиков (Australian National Council on Drugs (ANCD), Норвежском центре исследований проблем наркомании (Norwegian Centre for Addiction Research). Существуют и другие многочисленные центры исследований проблем наркозависимости и наркомании при университетах США, Великобритании, стран Европы и Азии.

Зависимость, как правило, «не ходит одна», она актуализирует сопутствующие проблемы, зачастую еще более опасные, чем само пристрастие к чему-либо или кому-либо, аккумулирует эти опасности, приводит не только к социальной дезинтеграции личности, но очень часто к ее физическому разрушению. Как показывают наблюдения, количество фактов распространения – торства – наркотиков, то есть наркопреступлений, прямо пропорционально наркопотреблению. Эти две темы очень тесно связаны между собой.

Следовательно, зависимость как социальный феномен уже давно перешла грань индивидуальной девиантности, став массовым явлением, проявившимся в социуме, приобрела некоторые особенности, позволяющие характеризовать ее как глобальную социальную проблему современности. Во-первых, сегодня это проблема не одного государства, а во-вторых, в одиночку справиться с рядом зависимостей очень проблематично.

Следовательно, сегодня природу зависимости необходимо изучать не только как физиологическую, психологическую, поведенческую или социальную проблему в отдельности. Необходимо использовать весь исследовательский арсенал и накоплен-

ный социологической наукой опыт при изучении различных зависимостей.

На необходимость систематизации научных исследований феномена зависимостей с использованием накопленных социологической наукой знаний о социальных явлениях и процессах говорят те факты, что сегодня органы государственного, муниципального и общественного управления при разработке оптимальной политики противодействия зависимости от различных видов психоактивных веществ используют результаты социологических исследований, выстраивают мониторинговую систему наблюдения за развитием ситуации в сфере оборота наркотиков и их прекурсоров. Данный факт, а также то, что сегодня имеется довольно большой массив различных научных, в том числе и диссертационных, исследований проблемы различных видов зависимости, научных публикаций другого уровня позволяет говорить о своевременности и необходимости институционализации специального социологического знания в рамках частных социологических теорий – социологии зависимости.

Социология зависимости включала бы не только теоретическую часть, составляющую ее содержание и специфику, но также разнообразный по направлению комплекс вопросов, которые представляют методологию и процедуру специфических исследования. Она видит своей задачей не только выявление различных видов зависимости, определение ее причин, выработку способов преодоления аномальных действий, но и формирование концепции социальной реабилитации зависимых индивидов, профилактики перерастания увлеченности человека чем-либо в зависимость от объекта хобби, в болезненную страсть обладания чем-либо. Одним из центральных направлений исследований, учитывая ее опасность для личности и общества, должно стать социологическое сопровождение проблемы зависимости от психоактивных веществ.¹

¹ См.: Шинкевич В.Е. Феномен зависимости как проблема социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1; Шинкевич В.Е., Куприяничик Т.В. Феномен наркотической и других зависимостей как проблема социологического исследования // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1(14).

Целью социологических исследований феномена зависимости должны являться: во-первых, анализ связи между конкретным видом физиологической, психологической, социальной зависимости и общественной системой, ее культурной сферой; во-вторых, исследование роли и места различных субкультур в формировании зависимостей, проявляющихся в социуме; в-третьих, природу и возможные пути предупреждения зависимого поведения в различных группах социального риска; в-четвертых, выявление и формирование социального механизма профилактики и противодействия опасным зависимостям.

Конкретные социологические исследования проблемы зависимости должны быть ориентированы, с одной стороны, на анализ социальной обусловленности тенденций к определенной зависимости и непосредственно зависимого поведения, а с другой – на оценку эффективности профилактических программ и иных социальных практик различных социальных институтов (семьи, образования, производства и пр.), их научно обоснованную корректировку.

В этом ключе мы видим предмет исследования социологии зависимости, во-первых, как комплекс социальных факторов, связанных с реализацией функций формальных и неформальных институтов социального контроля, по противодействию опасности формирования устойчивых видов зависимостей; во-вторых, как адекватную оценку эффективности специальных государственных, муниципальных программ и проектов общественных формирований; в-третьих, как выявление закономерностей противодействия формированию, распространению зависимостей и их регуляции; в четвертых, как механизм реабилитации и ресоциализации людей, страдающих от опасных форм и видов зависимостей.

С.В. Егорышев,

доктор социологических наук, профессор

Восточная экономико-гуманитарная академия (г. Уфа)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ В МЕХАНИЗМЕ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ¹

Проблемы совершенствования управления органами внутренних дел входят в разряд тех, решению которых уделяется самое пристальное внимание. Поэтому все нововведения, направленные на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел, всегда касались оптимизации их организационной структуры и управления.

Исходя в методологическом плане из сформировавшихся в теории и социологии управления социально-организационного и социально-психологического подходов к пониманию сущности управления в социальных системах, можно выделить следующие три узловые проблемы стиля управления в целом, касающиеся любых видов социальных организаций, включая органы внутренних дел.

Первую проблему составляет информационное обеспечение управления, его характер, структура, объём и качество. Вторая проблема связана с профессиональным уровнем управленческих кадров. И третья – это характер соотношения в управленческой деятельности интересов системы МВД России, её структур, сотрудников и общества в целом.

Содержание всех этих проблем взаимосвязано и объёмно, поэтому остановимся на одной из них, касающейся информационного обеспечения управленческой деятельности в органах внутренних дел, взяв в качестве предмета рассмотрения обратную связь в управлении.

Обобщая имеющиеся дефиниции, можно утверждать, что обратная связь – это специально созданная система, обеспечивающая информационный поток от объекта управления к его

¹ Материал подготовлен по результатам исследования в рамках гранта РФФИ № 18-411-020007.

субъекту через коммуникационные каналы для достижения баланса между целью управленческого воздействия и его результатом. Успешная коммуникация определяется прежде всего эффективностью или неэффективностью обратных связей.

В процессе управления органами внутренних дел обратная связь выполняет ряд следующих важных функций:

– коммуникативную, обеспечивающую субъект управления информацией о результатах управленческого взаимодействия и характере изменений, произошедших в объекте управления под этим воздействием. Эту функцию в литературе часто называют информационной или функцией информационного обеспечения процесса управления;

– интегративную, связанную с обеспечением взаимопонимания и взаимодействия органов внутренних дел и населения;

– функцию реализации демократических основ общества, предполагающую возможность населения или отдельных его групп выражать свои мнения, оценки и пожелания относительно состояния криминогенной обстановки и результативности работы органов охраны правопорядка.

Основным элементом обратной связи выступает общественное мнение, изучение которого вполне справедливо и обоснованно относится не только к сугубо ведомственным задачам, но и касается всех наиболее значимых сфер жизнедеятельности государственных органов, в том числе в сфере борьбы с преступностью и охраны порядка.

На необходимость специального изучения общественного мнения о состоянии криминогенной среды и эффективности работы органов внутренних дел было указано, начиная с 1992 года, в целом ряде нормативно-правовых документов МВД России. Практически сразу же к этой работе подключились ведомственные высшие учебные и научно-исследовательские институты, а позднее, после 2007 года, гражданские (вневедомственные) исследовательские структуры. Результаты этих исследований, часто в сопоставительном виде, публиковались в периодических изданиях, выпускаемых МВД России (например, журналы «Вестник МВД РФ», «Милиция», «Профессионал» в центральных СМИ, а также в изданиях ВЦИОМ, «Левада-Центра», Фонда общественного мнения и других исследовательских организаций).

К сожалению, в последние годы результаты опросов общественного мнения, выполненных по заказу МВД России вневедомственными исследовательскими коллективами, перестали публиковаться и быть достоянием общественности. Также прекратилась и практика отчетов ведомства в центральных СМИ о состоянии криминогенной обстановки и результатах влияния на нее органов внутренних дел. Вместе с тем в Федеральном законе «О полиции» (2011 г.) красной нитью проходит положение о важности тесного, включая коммуникационное, взаимодействия органов полиции с гражданским обществом и населением. А открытость и публичность отнесены к основным принципам деятельности полиции. На значимость и необходимость двухсторонней коммуникации указывается и в Федеральном законе «Об участии граждан в охране общественного порядка» (2017 г.). Это обусловлено переходом полиции на социально ориентированную модель организации и функционирования и, соответственно, на симметричную модель двухсторонней коммуникации.

Этот переход отражает общемировую тенденцию развития правоохранительных структур.

Система обратной связи в управлении органами внутренних дел, включающая в себя социологический мониторинг всех сторон их деятельности и внешней социальной среды, позволяет:

– собирать, обобщать, изучать и оценивать поступающую из подразделений МВД, УВД, горрайорганов, органов исполнительной власти, средств массовой информации, общественных организаций, образовательных и научно-исследовательских учреждений информацию о происходящих на обслуживаемой территории социально-политических, межнациональных, экономических, демографических и иных процессах, влияющих на криминогенную обстановку, о состоянии преступности и правопорядка, результатах профилактической, оперативно-розыскной, административно-правовой и иной деятельности в целом по региону, отдельным городам, районам, а также по наиболее приоритетным направлениям правоохранительной деятельности;

– осуществлять комплексный анализ всей внешней и внутрисистемной информации по проблемам борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и общественной безопасности;

– готовить и корректировать информационно-аналитические и справочные материалы, предложения по профилактике правонарушений и укреплению правопорядка в регионе, отдельных городах, районах с целью направления их в органы государственной власти и местного самоуправления;

– дополнять отчёты об итогах оперативно-служебной деятельности для представления в вышестоящие структуры;

– готовить и дополнять принимаемые управленческие решения и осуществлять оценку эффективности их реализации;

– составлять информационные и информационно-аналитические материалы для распространения во внешней среде, для пропаганды героики и результатов служебной деятельности;

– изучать состояние правовой культуры населения на обслуживаемой территории;

– определять меру удовлетворенности работой полиции, степень доверия ей и поддержки со стороны граждан.

Опыт проведения социологического мониторинга общественного мнения об уровне безопасности личности, состоянии криминногенной обстановки и результативности работы органов внутренних дел сложился не только в структурах МВД России и в российских центрах изучения общественного мнения, но и в регионах. Причем нередко мониторинг этот организуют органы муниципальной власти, привлекая для его проведения научно-исследовательские структуры, функционирующие на территории муниципалитетов.

Так, в столице Республики Башкортостан городе Уфе такой мониторинг проводится ежегодно с 2002 года. Администрация городского округа г. Уфы ежегодно составляет программу мониторинга состояния наиболее важных и, как говорится, «животрепещущих» проблем жизнедеятельности города. Как правило, исследуются 12 групп подобных проблем, включая социальную напряженность в городском социуме, безопасность горожан, состояние криминногенной обстановки и эффективность деятельности органов внутренних дел города. Все эти годы социологический мониторинг данных проблем осуществлялся социологической лабораторией Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (г. Уфа).

При расчете выборки применялась модель выборки, используемая ВЦИОМ, – 1200 единиц наблюдения (респондентов).

Длительность проведения социологического мониторинга по указанной проблеме позволяла получать, изучать и предоставлять социологическую информацию в динамике, так как анкеты содержали вопросы, сформулированные преимущественно с учетом одних и тех же критериев и показателей. Хотя периодически вносились изменения. Полученные результаты при возможности сопоставлялись с данными других исследований, проведенных в регионах страны различными специалистами.

За годы проведения мониторинга сложились и неплохо зарекомендовали себя ряд форм практического использования результатов. Информация систематически в виде обзоров печаталась в городских СМИ (журнал «Уфа», газеты «Вечерняя Уфа» и «Уфимские ведомости». Периодически социологи участвовали в тематических передачах городского ТВ «Вся Уфа»).

Составленные по результатам исследований аналитические отчеты представлялись руководителям города, в общественные советы при МВД Республики Башкортостан и Управлении внутренних дел г. Уфы. Результаты мониторинга докладывались руководящему составу органов внутренних дел города.

Кроме того, материалы мониторинга за 15-летний период в той или иной мере использовались при написании монографий, научных статей и диссертационных исследований. Но главное заключается в их практическом использовании подразделениями органов внутренних дел города, о чем свидетельствуют те же мониторинговые исследования, выявляющие позитивные изменения в работе этих подразделений.

Несомненно, кратко описанный опыт не исчерпывает всех возможностей, которые содержат в себе социологические исследования правоохранительной сферы. Текущая научная социологическая периодика свидетельствует о том, что в целом ряде регионов страны мониторинговые исследования аналогичных и родственных проблем проводятся и весьма активно. Это стимулирует к обмену опытом таких исследований и практического внедрения получаемых результатов.

М.Г. Соловьев,

Восточная экономико-гуманитарная академия (г. Уфа)

**СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Социологическое исследование в широком смысле – это специфический вид систематической познавательной деятельности, направленной на изучение социальных объектов, отношений и процессов с целью получения новой информации и выявления закономерностей, тенденций и особенностей современной общественной жизни на основе теорий, методов и процедур, принятых в социологии.

В более узком смысле социологическое исследование представляет собой систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, подчиненных единой цели: получить точные и объективные данные об изучаемом социальном объекте, явлении или процессе. Иными словами, социологическое исследование – это специфическая разновидность социальных (обществоведческих) исследований (их «ядро»), рассматривающая общество как целостную социокультурную систему и опирающаяся на особые социологические методы и приемы сбора, обработки и анализа первичной информации.

Начавшаяся в начале 2000 годов реформа системы МВД России среди прочих своих целей, связанных с существенным повышением результативности противодействия преступности и ее профилактики, преследовала цель восстановить разрушенный механизм взаимодействия с гражданским обществом и населением, усовершенствовать коммуникационную деятельность, сформировать новую практику работы по связям с общественностью, укрепить имидж и восстановить утраченную репутацию.

В правоохранительных органах, включая полицейские структуры, как в России, так и в других странах накоплен богатый и разнообразный опыт взаимодействия с различными категориями населения. За рубежом в основном сложились две модели

обеспечения внутренней безопасности: централизованная модель с доминирующей ролью министерства внутренних дел (Франция, Италия, Испания, Германия) и децентрализованная модель (США, Великобритания, Япония), предполагающая высокую роль муниципальных органов власти в управлении полицией. Ориентация полиции на тесное взаимодействие с населением хорошо видна в децентрализованной модели, особенно в англо-саксонских странах.

Имея различные традиции, исторический опыт, зарубежные страны использовали доступные им ресурсы и инновации для максимального повышения эффективности обеспечения общественной безопасности в интересах гражданина и общества, осуществив переход от «кризисной модели деятельности полиции» – репрессивные меры к «социально ориентированной модели» – профилактика и предупреждение преступности в рамках осуществления социального партнерства полиции и граждан. Мониторинги общественного мнения – главный инструмент оценки деятельности полиции в зарубежных странах, которая стремится подтвердить статус эффективной государственной структуры, профессионально защищающей права населения. Реализация проблемно-ориентированного подхода, ориентация на социальное партнерство полиции и населения увеличивают доверие граждан, что в их практическом поведении выражается как желание соблюдать законы и содействовать полиции в ее деятельности, что можно рассматривать как индикатор правоохранительной интеграции общества, способствующей эффективному снижению преступного поведения.

Одно из важных направлений повышения уровня доверия общества к полиции заключается в развитии работы в сети Интернет и социальных сетях как наиболее массово посещаемых ресурсах. Правоохранительные органы получают возможность своевременно информировать граждан о совершенных преступлениях, пропаже людей, кражах транспортных средств, а население, в свою очередь, может предоставлять информацию полиции.

В настоящее время многие специалисты считают, что при оценке эффективности полицейских органов важную роль играют социологические исследования, включая опросы общественного мнения. Однако, по их мнению, результаты этих опро-

сов нельзя абсолютизировать, так как значительная часть населения не имеет непосредственного отношения к обеспечению правопорядка, а значит, не в состоянии представить все факторы, которые необходимо учитывать для адекватной характеристики деятельности полиции. Людями преимущественно используется информационный образ преступности и состояния правоохраны, который зачастую является искаженным. Отношение к полиции и ее оценка складываются из целого ряда элементов: культуры поведения полицейских, стереотипов отношения к правоохранительным органам и к власти в целом, восприятия проблемы преступности. Так, в частности, оценка уровня преступности в местах проживания респондентов влияет на уровень удовлетворенности работы полицией.

Вместе с тем современные методики социологических исследований общественного мнения предлагают ряд способов, ограничивающих роль субъективного фактора в ходе проведения опросов. Как показывает зарубежный и отечественный опыт, выявляемое с помощью социологических опросов общественное мнение о работе полиции может быть вполне компетентным и адекватным. В Великобритании, США, Японии и других странах принят комплексный подход, основанный на учете всей суммы факторов, которые необходимо принимать во внимание, вынося суждение об эффективности деятельности полиции.

В России 7 февраля 2011 г. был принят Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции», в котором среди приоритетных задач реформы ведомства был определен курс на переход от количественных показателей в оценке работы полиции к качественным критериям. И одним из таких качественных критериев было определено общественное мнение.

Закрепление в федеральном законе данной нормы способствовало активизации работы в направлении изучения общественного мнения как ведомственными, так и независимыми социологическими службами.

Социологические исследования дают более полную картину происходящего в стране касаясь работы полиции. Так, например, данные опроса, проведенного Левада-центром в 2018 г., показали, что уровень доверия полиции за последние два года практически не изменился. Так, если в январе 2017 г. правоохра-

нительным органам доверяли 40% опрошенных, то в 2018 г. – 43%. Несколько увеличилось количество респондентов, удовлетворенных работой местной полиции. В 2017 г. таких было 44%, в 2018 г. стало 47%.¹

Аналогичные социологические исследования общественного мнения проводит и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ФГКУ «ВНИИ МВД России»), оно называется «Работа полиции: доверие и оценки», его результаты публикуются на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации и находятся в открытом доступе.

В 2018 г. подобное социологическое исследование было проведено Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Результаты показали, что большинство опрошенных не видят в действиях сотрудников полиции ни особой пользы, ни вреда для сограждан (39%). Полиции в целом сегодня доверяет каждый второй россиянин (49%). Так, согласно социологическим исследованиям, проведенным ВЦИОМ в 2017 г., приуроченным ко Дню сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, доверие к сотрудникам полиции выразили 47% опрошенных россиян, что является рекордно высоким показателем, в сравнении с 2015-2016 гг., когда соответствующий показатель составлял 42-43%; уровень недоверия снизился до 27%, в сравнении с предыдущими годами – 33-31%. Наиболее высокие показатели доверия (среди представленных для оценки) у сотрудников дежурной части (47%), участковых инспекторов (45%), инспекторов по делам несовершеннолетних (42%), полиции на транспорте (40%), сотрудников патрульно-постовой службы (37%). Индекс оценок работы полиции в 2017 г. достиг максимума за всю историю измерений (47 п. из 100 возможных – против 42-43 п. в 2015-2016 гг.). Доля граждан, положительно оценивших работу полиции, достигла 46% (почти вдвое превышен показатель 2016 г. – 24%), тогда как число респондентов, давших негативные оценки, снизилось с 31% до 27%.

В общественном сознании сложился более чем положительный образ полицейского: ему в первую очередь приписыва-

¹ Россияне о полиции // Официальный сайт Левада-центра. URL: <http://www.levada.ru/04-09-2018/rossiyaneo-politsii>.

ются такие качества, как опрятность (57% россиян считают, что это качество присуще ему в большей степени, чем неряшливость), вежливость (46%), дружелюбие (46%), порядочность (45%), храбрость (45%), компетентность (44%), готовность оказать помощь (44%). Представление о работе органов внутренних дел во многом складывается на основе опыта общения с сотрудниками ГИБДД (за последний год подобного рода опыт был у 33% граждан и в сравнении с 2016 г. он вырос на 3%) и участковыми инспекторами (22% в сравнении с прошлым годом, где он составлял 20%). Согласно данным последнего опроса, 22% наших сограждан знакомы с участковым инспектором лично, еще 27% знают, кто занимает эту должность (опрос проведен среди совершеннолетних). Суммарная доля этих ответов за год выросла до 39% (в сравнении с 2016 г. показатели выросли на 3%). Фактор знакомства с участковым инспектором связан с доверием и оценками деятельности полиции: у лично знающих своего участкового они выше, чем у остальных. Уровень декларируемой готовности в той или иной ситуации оказать содействие сотрудникам полиции высок: так, 50% опрошенных сказали, что прояснили бы подробности инцидента, свидетелем которого стали, 44% согласились бы стать понятыми и т.д.¹

Результаты исследования показали также положительные изменения в отношениях между населением и правоохранительными органами. Повышение уровня доверия констатирует не только гражданское общество, но и само ведомство, в сравнении с 2015-2016 гг. Но в данном направлении еще много работы, которая должна быть направлена на установление партнерских отношений между полицией и населением.

Вместе с тем социологическое исследование дает возможность сделать вывод о том, что имеется достаточный резерв для конструктивного сотрудничества населения и сотрудников органов внутренних дел. Таким резервом является психологическая готовность населения оказывать содействие сотрудникам органов внутренних дел.

¹ Работа полиции: общественная оценка // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113269/02-09-2018>.

С этой точки зрения результаты социологических исследований имеют большой научный и практический интерес и способствуют оптимизации организации обеспечения безопасности личности, общества, государства от противоправных посягательств. Анализ функций общественного мнения показывает, как данный социальный феномен влияет на управленческую, административно-служебную деятельность органов внутренних дел. Однако сам по себе мониторинг не способствует оптимизации, необходима реакция полиции на выявленные критические замечания. Важно учитывать высказанные предложения, исправлять ошибки. В этом случае можно говорить о предупреждении нежелательных последствий и об укреплении законности, служебной дисциплины в полиции, обеспечении общественной безопасности, предупреждении и пресечении нарушений прав, свобод и законных интересов граждан.

Следовательно, изучение общественного мнения позволяет выявить проблемные моменты во взаимодействии населения и полиции, а также обозначить управляемые факторы, требующие экстренного воздействия. В целом анализ общественного мнения является неотъемлемым условием существования правового демократического общества. С его помощью необходимо управлять функционированием различных социальных институтов, в том числе и полицией. Практические аспекты изучения общественного мнения имеют огромное значение для работы полиции в целом и возможности использования социологических исследований в повышении эффективности коммуникаций с населением. Использование результатов общественного мнения может принести немалую пользу обществу и внести неоценимый вклад в развитие его социальных институтов, в том числе в процесс оптимизации деятельности полиции.

Т.И. Грабельных,

доктор социологических наук, профессор
Иркутский государственный университет

**О ВАЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ
ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ**

На рубеже XX-XXI вв. актуализировался весь блок социальных проблем, связанных с обеспечением безопасности и достижением политического консенсуса, обусловленных процессами стремительного нарастания социальных угроз и вызовов в России и мире. Появилась необходимость в выработке новых подходов как на уровне государственных и ведомственных структур – в работе надзорных, контрольных, правоохранительных органов, так и на уровне институтов общественного контроля посредством развития технологий общественно-государственного партнерства, обеспечивающих должный уровень скоординированности действий всех субъектов социального процесса. Как справедливо стало подчеркиваться, в этом направлении работы должны активно участвовать все уровни власти, институты гражданского общества, политические партии, правозащитные организации, системы образования и науки, институты культуры и др. Появилась острая потребность в социологическом понимании вопросов безопасности в региональном социуме. Отражая трансформацию социальных пространств под влиянием угроз, вызовов и рисков, социология безопасности стала занимать важную нишу в структуре социологического знания, все больше приобретая высокоинтегрированный характер. Прежде всего внимание научного сообщества сфокусировалось на вопросах методологии, связанных с выработкой новых подходов и моделей объяснения социальных изменений на макро- и микро- уровнях. Последние с необходимостью предполагают «прямое постижение» и адекватное отображение прослеживаемых закономерностей и тенденций посредством разработки новых структур понимания социальной реальности. Очевидно, что в процессе научного поиска соответствующего языка толкования ключевых смыслов и значений векторы понимания также трансформируются.

Современная система обеспечения безопасности требует определения четких концептуальных основ рассматриваемого процесса, разработки методологии исследования каждого из новых международных и социальных вызовов как феноменов нынешнего столетия. Мы делаем на это особый акцент, принимая во внимание возрастание спроса на объективное, полное и достоверное знание. В этой связи существенно повышается роль социологических, философских, правовых и других исследований в решении проблем социальной безопасности региона. Кроме того, возрастает значимость научно-практических мероприятий (конференций, круглых столов и проч.), посвященных ключевым вопросам безопасности и отражающих различные векторы обсуждений и выработку консолидированного мнения. В свете такого рассмотрения феномена безопасности интересен опыт различных регионов, где социологическим подходам и исследованиям уделяется особое внимание.

Так, в Иркутской области на протяжении многих лет регулярно проводятся научно-практические мероприятия, посвященные вопросам безопасности. Значительная часть конференций и круглых столов проходит на базе Иркутского государственного университета с участием Общественной палаты региона. В качестве примера обратимся к практике 2014 года, когда вектор рассмотрения все больше приобретает социологический характер.

16 декабря 2014 г. был проведен региональный научно-практический круглый стол «Новые международные и социальные вызовы: условия консолидации и механизмы партнерства государства, бизнеса и негосударственного сектора в России (на примере Иркутской области)», в рамках которого состоялось обсуждение таких актуальных вопросов, как: а) новые международные и социальные вызовы и их влияние на развитие международного сотрудничества в начале XXI в.: региональный аспект; б) Россия в современном международном пространстве: проблемы и перспективы международной интеграции и кооперации (экономика, политика, культура); в) специфика подготовки кадров в российских вузах в условиях научных и образовательных вызовов; г) гуманитарная помощь в условиях международных вызовов (Россия, Иркутская область); д) формирование культуры восприятия новых международных и социальных вызовов как условие совер-

шенствования технологий партнерства государства, бизнеса и негосударственного сектора в Иркутской области. Инициатором и организатором всех названных мероприятий в данной статье выступили социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций Института социальных наук и научно-исследовательская часть Иркутского государственного университета.

Социологическому пониманию вопросов безопасности в региональном социуме способствовало открытое обсуждение таких аспектов проблемы, как: стратегический подход государства к проблеме безопасности; отношение общества к проблеме (в части формирования общественного мнения, роли институтов гражданского общества, повышение эффективности системы общественного контроля); роль науки, образования, культуры в развитии общества и обеспечении его безопасности (научное сопровождение, научный контроль, экспертное обеспечение, просветительская деятельность); цели и функции СМИ в современных условиях; безопасное развитие региона, города, территорий и др.

По результатам обсуждения с участием социологов прослеживалось понимание, что в современных условиях приобретают большую социальную значимость вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности России, требуется углубление партнерства государства, бизнеса и негосударственного сектора в России и консолидация усилий общественных сил и политических партий для обеспечения единства страны в целях ее развития.

В соответствии с резолюцией круглого стола в первую очередь требуют решения четыре группы проблем: а) определение четких подходов к информационно-просветительской (пропагандистской) работе в условиях новых вызовов; б) формирование культуры восприятия международных и социальных вызовов молодежью и другими категориями и группами населения, в том числе «культуры политического консенсуса»; в) определение эффективных инструментов и механизмов противостояния международным и социальным вызовам на региональном уровне; г) активизация сетевого взаимодействия субъектов регионального развития в новых условиях национальной безопасности.

Данное мероприятие, как и последующие другие, проведенные в Иркутской области с опорой на научные традиции и концептуальные наработки иркутских социологов, несомненно,

способствует и консолидации экспертного сообщества региона. Среди мероприятий последних лет по фактору их социальной значимости для региона как инициаторы и организаторы мы выделяем два: межрегиональная научно-практическая конференция «Культура политического консенсуса и толерантность в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов» (г. Иркутск, 10 апреля 2017 года) и VI всероссийская научная конференция с международным участием «Роль социального образования в обеспечении национальной безопасности» (г. Иркутск, 29-30 марта 2018 года).

Межрегиональную конференцию мы посвятили выработке механизмов реализации стратегии по противодействию экстремизму и терроризму на региональном уровне в России. Данная конференция стала первым крупным научно-практическим мероприятием в высшей школе региона по ключевым проблемам обеспечения безопасности в социальном пространстве региона, в том числе в университетском сообществе. Обсуждение актуальных проблем становления и развития культуры политического консенсуса и толерантности в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов, формирование молодежного дискурса по особенностям внедрения в молодежной среде технологий противодействия идеологии терроризма было призвано объединить усилия органов власти, общественности региона, ученых и студенческой молодежи в решении острых проблем национальной и личной безопасности. При определении подходов на региональном уровне по противодействию идеологии терроризма и обеспечению безопасности мы исходили из того факта, что студенчество является одним из самых серьезных ресурсов социальных преобразований.

Что касается конференции о роли социального образования в обеспечении национальной безопасности, то здесь был сделан акцент на поиски ответов на угрозы и вызовы национальной безопасности с опорой на возможности социального образования. Участниками конференции фокусировалось внимание на новых ориентирах развития социальных наук и социального образования в эпоху угроз и вызовов, роли социологии в решении приоритетных государственных задач в сложных условиях, новых проблемах и тенденциях развития университета в системе соци-

альных взаимодействий в России и мире, моделях и практиках обеспечения национальной безопасности в рамках современных концепций образования, управления и экономического развития.

Мы отмечали, что университеты всегда стояли на передовых позициях, в том числе и благодаря опоре на социальное образование: «Социальная (социально-гуманитарная) составляющая университетского образования как базовый элемент системы высшего образования сегодня требует переосмысления и выхода на новый уровень развития. Новые вызовы современности требуют выработки новых подходов, в числе которых на первом месте и политика по выработке устойчивости к вызовам системы образования как фактору национальной безопасности. В этой связи повышается ответственность ученых (социологов, философов, психологов, юристов, педагогов, историков, филологов и многих других), в целом государства и общества» (из программы конференции).

Материалы названных и других конференций были опубликованы в сборниках научных трудов.¹

Таким образом, мы говорим о важности социологического понимания вопросов безопасности в региональном социуме для формирования общественного мнения через открытые обсуждения на разных уровнях.

¹ Социально-демографические процессы в XXI веке : кризис, вызовы, стратегии безопасности : сб. науч. тр. / науч. ред.: Т.И. Грабельных, А.В. Аргучинцев ; ФГБОУ ВО «ИГУ» ; Служба ЗАГС Иркутской области. Иркутск: ООО Оперативная типография «На Чехова», 2017. 330 с.; Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности : сб. науч. тр. / науч. ред.: Т.И. Грабельных ; ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 366 с.; Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. / науч. ред.: Т.И. Грабельных, А.Ф. Шмидт ; ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 485 с.

А.Н. Курюкин,

кандидат политических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос правосознания как явления и особенно трактовка и интерпретация его теоретического осмысления и практико-прикладного использования для оптимизации процесса понимания истинных насущных общественных проблем формирования конкретного, а не мифического представления о реальном состоянии социальных отношений и практик волновал отечественных исследователей давно, практически с последней четверти XIX века. За прошедший период в отечественном научном (гуманитарном) дискурсе сформировался социологический подход к исследованиям правосознания, в рамках которого представляется собственная методология, в фокусе которой изучают влияние социальных факторов на формирование правосознания и, естественно, выявляют закономерности влияния правосознания индивидов, групп, страт, классов и пр. на социальные отношения, социальные практики и процессы жизнедеятельности общества в целом.

Анализируя эволюцию социологического исследования правосознания в отечественном гуманитарном дискурсе, нельзя не отметить, что она может быть подразделена на определенные этапы:

- 1960-е годы – этап выделения социологи права и правосознания из философии и теоретического правоведения;
- 1970-е – 1980-е годы – этап бурного развития советской социологии права;
- 1990-е годы – современность – этап развития российской социологии в целом и социологии права и правосознания в частности.

Фактическим основоположником советской социологии права может и должен быть назван В.П. Казимирчук, ознаменовавший начало первого этапа публикацией монографии «Право

и методы его изучения» (1965). В этом труде он декларировал новые – социологические – методы исследований, которые должны были преодолеть формализм и догматизм теоретических и прикладных правовых работ, свойственных для предыдущих периодов изучения, в области теоретического правоведения. В этой работе он констатировал, что юридическая методология не есть сумма определенных способов исследования и инструментов и предложил внутреннюю дифференциацию научно-правовой методологии, где выделил, с одной стороны, систему логических (абстрактно-научных) приемов исследования (методы анализа и синтеза, индукции и дедукции; восхождения от «абстрактного» к «конкретному»; метод формализации, а также, методы моделирования и кибернетики в праве), с другой – специальные методы исследования правовых проблем: конкретно-правовой, сравнительно-правовой и метод судебной статистики.

Особое место в сформулированной им методологии занимает метод социологического исследования в праве. Именно он, по его мнению, мог стать залогом получения объективных научных данных, которые, однако, достижимы лишь при применении комплексного подхода. В.П. Казимирчук отрицал использование какого-либо одного метода или инструмента в социологических исследованиях в праве (например: опросы, анкеты, «фокус-группы», интервью: (индивидуальные, групповые; поверхностные, глубинные) и т.д.) и призывал использовать сочетание целого спектра приемов конкретно-социологического анализа: статистического, анкетного, экспериментального, метода математической обработки и др., в сочетании с логическими и иными способами познания общественной реальной жизнедеятельности.

Относительно проблемы правосознания В.П. Казимирчук отстаивал расширительный подход, в рамках которого правосознание воспринималось в системе иных правовых явлений и институтов, таких как правовые нормы и правоотношения. Именно диалектическое единство правосознания, правовых норм и правоотношений в предметном поле исследований социологии права, могло, по его мнению, дать объективное и истинное представление обо всех этих трех ключевых элементах, как по отдельности, так и в совокупности.¹

¹ См.: Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 19, 66.

Следующий этап – 70-е-80-е гг. XX века – ознаменовался для отечественной системы научного знания в контексте социологического гуманитарного дискурса бурным расцветом исследований правосознания. В его рамках наметились несколько векторов. Генеральным и магистральным направлением была теоретическая парадигма, заложенная ещё в 1960-х гг. И.Г. Фарбером, в рамках которой предметом изучения выступало общественное правосознание, которое толковалось как совокупность взглядов, выражающих отношение социальных групп к праву, законности, правосудию. Тем не менее изучение отдельных конкретных вопросов на уровне индивидов и малых групп все-таки проводилось. Так, в 1973 году вышла работа Е.А. Лукашевой «Социалистическое правосознание и законность», в которой автор попыталась провести рассмотрение правосознания личности и его проявлений в поведении и индивидуальном правоприменении самосознания в правовой сфере жизни социума.¹ Годом раньше представитель ленинградской правовой школы И. Покровский напрямую поставил в фокус своих исследований вопрос формирования правосознания конкретной личности, а не больших социальных общностей, которым, как предлагала считать официальная точка зрения, только и было присуще правосознание.²

Этапной для развития социологического подхода к исследованию правосознания в нашей стране стали такие работы, как кандидатская диссертация «Правосознание как объект социологического исследования» и позже монография «Социология правосознания» В.А. Щегорцова.³

В этих работах автор концептуализирует феномен правосознания как целостное состояние, включающее в себя идеи, взгляды, представления и чувства, взаимосвязанные с ключевым элементом – правом, занимающим в этой части сознания человека ведущую позицию по отношению к остальным.

¹ См.: Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.

² См.: Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

³ См.: Щегорцов В.А. Правосознание как объект социологического исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ, 1976; Щегорцов В.А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981.

Формулируя собственную методику именно социологического исследования правосознания, В.А. Щегорцов предлагает использовать комплексный источник информации о нем. На первом плане у него справедливо стоит опрос, реализуемый в таких формах, как собеседование, анкетирование, интервьюирование, тестирование, который применяется при исследовании как индивидуального, так и группового правосознания. Однако опрос им не абсолютизируется, а обязательно должен быть дополнен другими методами, такими как:

- изучение документов, позволяющее получить информацию о прошлом и настоящем объекта исследований;

- стороннее или/и включенное наблюдение, что позволяет не только констатировать насущные характеристики правосознания объекта, но и прогнозировать его развитие и проявления вовне, то есть в системе общественного поведения в различных вариативных социальных ситуациях.

Отбор и формирование комплексного метода исследований зависит от ряда факторов, среди которых:

- величина выборки, определяющая, какие методы будут основными, а какие дополнительными;

- тип поведения обследуемых объектов (респондентов), определяющий назначение исследования правосознания;

- тип социального статуса респондентов, определяющий социокультурные стереотипы поведения.

Опрос, по мнению В. Щегорцова, должен строиться по схеме «дедуктивной воронки», то есть идти от наиболее «общих вопросов к более конкретным», от «простых к сложным» и т.д. Однако, как справедливо указывает В. Щегорцов, одних данных опроса, интервьюирования или анкетирования недостаточно для реализации главного назначения исследования правосознания – формирования представления и прогнозирования правового поведения индивида или группы в разных социальных ситуациях общественных взаимозависимостей; прежде всего и главное необходимо учесть и рассмотреть их поведенческих привычек, ожиданий от правового поступка, социальных представлений, правовых и моральных рассуждений, степени тяготения к социальным нормам.

Следующим этапом в развитии социоправового подхода в исследовании правосознания в отечественном гуманитарном дискурсе выступает период, начавшийся в 90-х годах XX века. При этом необходимо отметить, что с 1992 года и практически до конца десятилетия развитие сферы права в России проходило под знаком обновления ключевых документов – Конституции Российской Федерации, кодексов Российской Федерации и важнейших законов, поэтому в это время вопросу правосознания уделялось сравнительно малое внимание.

Своеобразным прорывом стал выход работы Ф.Э. Шереги «Социология права: прикладные исследования»¹. В ней он уделяет достаточно большое внимание вопросу правосознания, который в прикладном аспекте, по мнению автора, концептуализируется в правовом просвещении населения при помощи СМИ, характеристике целевых групп и характере восприятия правовой информации целевыми аудиториями. На основе комплексного анализа им были выявлены три основных группы носителей трех типов правосознания в прикладной социологии права: «прагматики», «энтузиасты» и «скептики». Первые, как он считал, отличаются функциональностью и узкой направленностью правосознания, ориентацией на решение конкретных правовых проблем. Вторые – стремлением повышать уровень своей правовой просвещенности и культуры. Третьи – сомнениями в действенности собственного правосознания и наличествующих знаний о праве, стремлением обращаться за решением проблем к специалистам.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что отечественный гуманитарный дискурс правосознания в системе ретроспективы научного знания в своем развитии прошел длительный путь. Интенсивное философское осмысление вопроса правосознания велось в сообществе революционно настроенных мыслителей, ведущими из которых во второй половине XIX века стали К. Маркс и Ф. Энгельс, а несколько позже их последователя – В.И. Ленина. Первые, закладывая основы философии марксизма, констатировали отсутствие для пролетариата необходимости в законе, морали и религии как буржуазных

¹ Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетия. 2002.

элементах, а позже, к чему примкнул и В.И. Ленин, провозгласили ликвидацию государства как такового с закономерной ликвидацией и присущих ему элементов: права, правосознания и др. Учитывая догматизм советской идеологии, развитие философского осмысления права и правосознания протекало в таких рамках, которые, в свою очередь, осложнялись целым рядом теоретических заблуждений, на преодоление которых потребовалось затратить достаточно много сил.

Психолого-правовой подход, возникший в 60-х годах XX века, развился на основе расширения представлений о проблемах общественного развития. Его можно охарактеризовать как подход, в рамках которого исследуется скорее не «правосознание», хотя оперируют именно этим термином, а «правопонимание». Правосознание выводится из общего определения категории сознания в психологии и представляет собой постоянную интеллектуальную деятельность человека по познанию права, его оценке с эмоциональных личностных позиций, равно как и отношение к праву как объективному явлению окружающей социальной действительности. Такое заключение делается психологами-юристами на основе исследования субъекта правосознания (правопонимания) – физического лица или группы, объекта – права в широком и узком смысле и его содержания – знания субъектом своих прав и обязанностей, правовых запретов и дозволений, оценки правовых.

Наивысшей формой исследования правосознания в современном гуманитарном дискурсе автор данной работы считает социологический (социоправовой) подход. Рассматривая его уровень развития на современном этапе системной модернизации, нельзя не остановиться на ряде вопросов и проблем, присущих именно ему. На переднем плане сегодня находится отсутствие в социологии понимания категории правосознания в специфическом социальном разрезе. Так, большинство словарей и справочников по социологии, включая двухтомную «Социологическую энциклопедию», не содержат определения термина «правосознание» вообще. В специальном словаре «Социология права» этот термин хоть и присутствует, но его определение практически не отличается от определения, даваемого юридической психологией.

На взгляд автора данной работы, источник такого положения в том, что, несмотря на наличие большого количества исследований, вопрос единого понимания термина «правосознание» не решен и в юридической науке, для которой оно является специфическим предметом. Причинами этого могут быть следующие: определенная догматичность в понимании правоведами-теоретиками правосознания как явления, основы которого были заложены ещё М.С. Строговичем в 1950-х – 1960-х гг. в ходе преодоления последствий господства теории А.Я. Вышинского, отсутствие широких и комплексных социологических и историко-культурных исследований правосознания в его современном виде с обязательным учетом средовых и индивидуальных факторов.

Е.А. Белов,

кандидат социологических наук, доцент

Казанский юридический институт МВД России

**АНАЛИЗ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ОПТИМИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Изменение механизма государственного управления может осуществляться прямолинейно сверху и косвенно снизу. Второй вариант предусматривает учет общественного мнения, который основывается на результатах социологических исследований. В сфере наших интересов находится проблема неформальной занятости населения, что предполагает оценку самого феномена и выработку рекомендаций для государства и общества по реагированию на процесс не зарегистрированной надлежащим образом занятости.

Под неформальной занятостью мы понимаем любую деятельность по производству легальных (разрешенных для реализации) товаров или услуг лицами, не имеющими надлежащего права на ее осуществление, что предусматривает отсутствие закрепленного в соответствии с Трудовым кодексом РФ договора

между работником и работодателем.¹ Данного рода деятельность является явно выраженной девиацией в силу отклонения от установленных государством норм заключения трудовых отношений. При этом, отталкиваясь от идей Э. Дюркгейма, мы считаем, что современное состояние неформальной занятости (объем, появление норм, формирование культуры и т.п.) сигнализирует об аномии трудовых отношений. Аномия независимо от того, прогрессивна она или регрессивна, освобождая желания от всякого ограничения, широко открывает дверь иллюзиям, а следовательно, и разочарованию.² Идентичная ситуация наблюдается в современный период, когда большое количество работников и работодателей освободились от государственного ограничения их деятельности. Итогом явилось разочарование как власти, так и значительной части населения в слабо регулируемом рынке труда.

Дальнейшая трансформация трудовых отношений в сторону расширения не учитываемых контактов работодателя и работника пагубна как для общества (в формате социальных связей и отношений), так и для государства (в формате экономической системы). Соответственно, в целях сохранения нормального функционирования социально-экономической системы необходимо значительное сокращение неформальной занятости населения. Безусловно, свести ее к нулю не представляется возможным и является бессмысленным по ряду причин.

В целях определения возможности повлиять на выбор работника в пользу заключения официально зарегистрированных трудовых отношений в феврале 2015 года на базе социологической лаборатории ЦАИР – Маркетинг проводилось фокус-групповое исследование. Набор респондентов осуществлялся методом «снежного кома» и в каждом случае корректировался предварительным формализованным интервью, что исключило попадание в группу лиц, не удовлетворяющих установленным требованиям. Численность респондентов в группах варьировалась от 7 до 9 человек. Исследованию подверглись следующие груп-

¹ Белов Е.А. Организационно-правовые способы предупреждения деформации трудовых отношений. Казань: КЮИ МВД России, 2014.

² Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994.

пы: лица без официального оформления в возрасте 35 лет и выше; лица без официального оформления в возрасте 18-35 лет; работники, получающие помимо официальной заработной платы определенную сумму неофициально (зарплата в конверте), в возрасте 35 лет и выше; работники, получающие помимо официальной заработной платы определенную сумму неофициально (зарплата в конверте), в возрасте 18-35 лет; самозанятые лица в возрасте 18-55 лет.

Анализ дискуссии респондентов позволил выявить некоторые отправные положения, необходимые для работы над заявленной проблемой. Во-первых, во всех группах в той или иной степени отмечается неприязненное отношение к государству в области социальной политики и регулирования трудовых отношений. Во-вторых, практически все респонденты оправдали свою неформальную занятость не зависящими от них факторами и не согласились с позицией модератора, утверждающего, что это их сознательный, волевой выбор. В-третьих, обсуждая плюсы и минусы неформальной занятости, большинство участников исследования позиционировали данный вид трудовых отношений как наиболее привлекательный для них и не соглашались с доводами о необходимости оформлять отношения с работодателем надлежащим образом.

Эмоциональность и иррациональность были присущи большинству респондентов в возрасте 18-30 лет по вопросам, связанным с приносимым неформальной занятостью ущербом. Эта позиция является достаточно настораживающей, т.к. складывалось такое впечатление, что она полностью осознанна и поддерживается ближним окружением. У молодых людей уже сформировалась своего рода программа лояльного или одобрительного отношения к неформальной трудовой деятельности.

Молодые люди, рожденные в постсоветский период, не стремятся начинать трудовую карьеру, не желают по примеру родителей весь день проводить на работе. Пенсионная реформа, повышение подоходного налога и ставки налога на добавленную стоимость, увеличение страховых взносов и т.п. не делают занятость, оформленную согласно Трудовому кодексу РФ, привлекательной.

Следует отметить, что точка зрения участников фокус-группового исследования существенно различалась в зависимости от получаемых денежных средств. Так, лица с доходом более 25 тыс. рублей фактически не видят плюсов формального трудоустройства, кроме возможности получения ипотечного и иного банковского кредита под низкий процент. Работники с доходом менее 25 тыс. рублей отмечали факт своей незащищенности перед работодателем, в большей степени говорили о том, что часто не получали оговоренной заранее суммы, и о том, что от них требовали большего, нежели было установлено в ходе устного договора. Кроме того, данная группа неформально занятых склонна рассматривать различные предложения в формальном секторе труда. Однако здесь появляются затруднения, связанные со слабой конкурентоспособностью этих лиц, т.е. отсутствием у них надлежащего образования, опыта заботы, квалификации и т.п. Фактически наблюдается ситуация, в которой слабо конкурентные работники ориентируются на официально оформленные трудовые отношения, а привлекательные для рынка труда лица достаточно часто заинтересованы в неформальных трудовых отношениях.

Отдельно, на наш взгляд, логично отметить позицию индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Они не видят никаких бонусов от формализации своей деятельности на ранней стадии. Основные доводы можно привести в конкретных высказываниях респондентов: «бизнес может не пойти, так зачем сначала мучиться оформлять его, а потом закрывать, причем налоги в любом случае платить придется», «помимо налогового бремени, имеются сложности при регистрации и сопровождении легального бизнеса», «клиентам все равно, с кем иметь дело, главное, чтобы оно делалось хорошо», «небольшой штат сотрудников и ограниченный круг клиентов предусматривают работу в тени». Все респонденты данной группы отметили, что оформят свой бизнес в двух случаях: во-первых, если организация разрастется и будет приносить стабильно хороший доход, во-вторых, если правоохранительные органы чрезмерно активизируются, а закрывать организацию будет нерационально.

На сегодняшний день в органах государственной власти обсуждается вопрос налогообложения самозанятых.¹ Этот процесс изначально предусматривает регистрацию данной категории лиц. На 1 июля 2018 г. в России всего зарегистрированы 1661 самозанятых. Эта цифра абсолютно не отображает настоящего состояния дел и сигнализирует о несостоятельности предложенного механизма. Самозанятые не желают легализоваться, т.к. государство не делает этот процесс сколь-нибудь привлекательным.

Обращает на себя внимание тот факт, что современные условия создают благоприятную среду для неформальной занятости различных категорий населения. Отталкиваясь от популярных в криминологии идей ситуационного предупреждения преступлений (SCP), можно отметить, что, если правонарушитель, в нашем случае лицо, не оформившее надлежащим образом трудовые отношения, обнаруживает чрезмерные препятствия на пути достижения цели, он отказывается от ее реализации.² Кроме того, если ситуация благоволит совершению противоправного деяния, то оно с большой долей вероятности произойдет.

Таким образом, основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод о том, что значительная часть населения, особенно молодежь, не рассматривает в качестве альтернативы занятость на основе надлежащим образом оформленных трудовых отношений. При этом основная часть лиц, работающих более трех лет в рамках неформальной занятости, уже не желают менять что-либо в своей трудовой карьере. В той или иной степени это обусловлено современными социально-экономическими условиями. Налоговые каникулы, меры административного и уголовного принуждения, «горячая линия трудовой инспекции» и другие меры никаким образом не локализуют проблему. Современное общество не желает формировать негативное, не одобряемое отношение к неформальной занятости населения. Соответственно, если государство заинтересовано в том, чтобы насе-

¹ Жизнь без пенсии: сколько налогов заплатят самозанятые // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/09/11/11960107.shtml> (дата обращения: 07.09.2018)

² Ronald V. Clarke Situational crime prevention: successful case studies. Guildersland, New York, 1997.

ление делало выбор в пользу надлежащим образом зарегистрированных трудовых отношений, то целесообразно акцентировать внимание на создании механизма предупреждения неформальной занятости. Это будет возможным при реализации следующих задач:

во-первых, создание многообразных схем, позволяющих работать открыто;

во-вторых, ни при каких условиях не поощрять тех, кто осуществляет неформальную трудовую деятельность, и ужесточать в отношении них санкции;

в-третьих, обеспечить прозрачность всех видов деятельности, что не позволит осуществлять операции «втемную»;

в-четвертых, упростить процедуры оформления отчетов, уплаты налогов и т.п.;

в-пятых, гарантировать постоянство правил реализации экономической и иной деятельности различных субъектов.

Безусловно, предложенный перечень задач не является исчерпывающим и требует дополнительной работы по приведению его к оптимальной форме.

М.П. Титова,

кандидат социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ (г. Москва)

НАРКОТИКИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)¹

Наркомания в России сегодня является следствием экономической, социально-политической, социокультурной политики реформирующегося общества. Меняются приоритеты, мораль, ценности. Употребление наркотиков подростками – это один из способов адаптации к современным условиям.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-03-00616-ОГН.

Проблема подростковой наркотизации и, как следствие, преступности должна встать в один ряд с наиболее острыми проблемами нашего общества, требующими серьезного подхода, изучения и незамедлительного решения.

Преступность несовершеннолетних, так или иначе связанную с наркотиками, можно рассматривать с двух позиций – употребление наркотиков несовершеннолетними и участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств.

Снижение уровня образования часто приводит к потере самоконтроля, подросток не может различить, что хорошо, что плохо, не контролирует свое поведение и не задумывается о последствиях. В учебных заведениях утрачена воспитательная функция, все время, которое подростки проводят в учебных заведениях, отдается образовательному процессу.

В семейных отношениях также не все обстоит хорошо. В семьях, входящих в группу риска, вопросу воспитания не всегда уделяется должное внимание. Чаще всего наркоманами становятся дети в семьях неблагополучных, в которых родители злоупотребляют алкоголем или сами являются наркоманами. Но эта проблема, правда, в меньшей степени, может затрагивать и вполне обеспеченные и благополучные семьи. В таких семьях причинами связи подростков с наркотиками являются или чрезмерный контроль, жесткое, порой жестокое обращение с детьми, или наоборот, когда родители заняты своими делами, работой, а подростку не уделяется должного внимания, откупаясь бесконтрольным выделением карманных денег.

В основе новой наркотической ситуации среди несовершеннолетних в России лежит контролируемое поведение подростков. Можно рассматривать две группы подростков, так или иначе связанных с наркотиками, – кто их употребляет и кто занимается распространением наркотических и психотропных средств.

Вопреки официальной статистике можно с осторожностью говорить о снижении уровня потребления и распространения наркотиков, особенно среди несовершеннолетних, так как это явление носит латентный характер.

Остановимся на проблеме потребления несовершеннолетними наркотических или психотропных веществ.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что контроль потребления наркотиков, в первую очередь среди взрослых, приводит к изменению способов и характера преступлений, совершенных лицами, употребляющими наркотики. Статистика показывает, что с 2010 по 2015 гг. число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, увеличилось более чем в 3 раза. В 2018 г., по данным Генпрокуратуры, из общего числа подростков, нарушивших закон, около 15% находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а анкетирование несовершеннолетних, осужденных за совершение насильственных и корыстных преступлений, показало, что более 65% из них находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.¹

По данным анализа социальных сетей (ВК, Facebook и т.д.) за последние несколько лет увеличилась групповая преступность, связанная как с незаконным оборотом наркотиков, так и непосредственно с употреблением, и все чаще членами этих групп являются несовершеннолетние, причем их возраст имеет тенденцию к снижению (употребление наркотиков отмечается среди детей, начиная с 10-11-летнего возраста).

Подросткам свойственно объединяться в группы. Эти сообщества, благодаря всемирной паутине, носят открытый характер. Так как большое количество подростков находятся в пограничном состоянии, у грани, не все могут справиться с соблазном или любопытством. Описываемые состояния «под кайфом» хотят почувствовать многие, не подозревая, что современные наркотические средства уже при первом употреблении влекут быстрое привыкание, а впоследствии и увеличение дозы. На это нужны деньги, а их отсутствие толкает подростков на преступления.

В силу психологических особенностей подросткового возраста инстинкт стаи, опасение выглядеть «белой вороной» берет верх, и, если в группе лидирует подросток с девиантными на-

¹ См.: Ображиев К.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: основные криминологические параметры // Правовая инициатива. 2015. № 2. URL: <http://49e.ru/ru/2015/2/17> (дата обращения: 3 сентября 2018 г.).

клонностями, в том числе и склонностью к употреблению наркотиков, велика вероятность приобщения остальных членов данной группы к употреблению психотропных веществ и наркотиков или к незаконному их хранению и сбыту.

Если раньше преступления носили «примитивный» характер, т.е. не были злостными (например, незначительные кражи продуктов с полок в супермаркетах, угон автомобилей с целью покататься) и совершались подростками в легкой степени опьянения, то сейчас увеличивается число тяжких и жестоких преступлений – воровство, грабежи, разбойные нападения и даже убийства, совершенные в алкогольном опьянении, усугубленном наркотиками. Целью таких преступлений является получение денег для очередной порции наркотиков. Так как преступления стали носить более изощренный характер, они стали труднораскрываемые, поэтому официальная статистика, вопреки действительному положению дел, показывает ежегодное снижение количества преступлений, совершенных подростками.¹

Не будем останавливаться на общеизвестных факторах и причинах девиантного поведения несовершеннолетних, выраженного в употреблении наркотиков. Рассмотрим факты, сопутствующие этому явлению преступности, а также преступности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Наш анализ сложившейся ситуации показывает, что в основе отклоняющегося поведения лежит психологическое состояние подростков, выросших на рекламе фильмов, компьютерных игр, пропагандирующих такой образ жизни – «под кайфом» легче жить, все подвластно и подчинено своим потребностям, а достичь целей можно любыми путями, включая насилие. Такой образ мыслей и действий ложится на благодатную почву – неустойчивую психику, ослабленный иммунитет, хронические и врожденные заболевания (медики отмечают, что практически 100% подростков можно отнести к неврастеникам).

Еще одна причина возрастания численности подростков-наркоманов – это новые виды наркотиков, спайсы (или «дешевые наркотики»). Получить их не составляет труда – продажа через

¹ Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2018.

Интернет, реклама курительных смесей, ныне официально запрещенная, до сих пор пестрит в Интернете.

Также контролирующее поведение проявляется в вовлечении потребления подростками наркотиков взрослыми, которые своими впечатлениями от наркотического состояния увлекают неокрепших психологически и еще только формирующихся физически несовершеннолетних в это пагубное и смертельное пристрастие.

Теперь коснемся второй проблемы – участие несовершеннолетних в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Число таких преступлений за последние пять лет увеличилось почти на 30%.

Чаще всего взрослые используют подростков в качестве курьеров, так как малолетки меньше привлекают к себе внимания. Еще одна причина, по которой взрослыми в преступное сообщество по сбыту наркотиков вовлекаются подростки, – это их контакты. Им легче сбывать наркотики, не привлекая внимания, в своих сообществах, группах, в школах, развлекательных заведениях и т.д.

Уголовная ответственность наступает только с 14 лет, а в сфере незаконного оборота наркотиков – с 16 лет. Поэтому количество несовершеннолетних наркопреступников в течение последних 10 лет неизменно растет. Статистика МВД подтверждает: с 2010 по 2015 гг. число подростков, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, увеличилось более чем в 4 раза.¹ Иногда подростки по причине своей юридической неосведомленности не осознают, что их роль в этом процессе – незаконном обороте наркотиков – является преступным деянием.

Если говорить о преступности несовершеннолетних в целом и преступности, связанной с наркотиками в частности, можно отметить, что она претерпевает некоторые изменения. Подростковые криминальные группы становятся более самостоятельными, не нуждающимися во взрослом лидере, наблюдается ста-

¹ См.: Радькова Л.С. Участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 226-233.

бильный рост рецидивной преступности, увеличивается количество девочек и девушек, вовлеченных в преступную среду.¹

В заключение хочется отметить, что для успешных результатов в искоренении или уменьшении численности преступлений, совершаемых подростками в состоянии наркотического опьянения, на первый план выходит профилактическая работа.

Профилактика должна проводиться всеми ведомствами – соответствующими структурами МВД, образовательными учреждениями, медицинскими и, конечно, социальными службами по работе как с подростками, так и с семьями, находящимися в группе риска. К работе в данном направлении надо привлекать и общественность; отметим, что по стране, особенно в больших городах, создано немало фондов, в которых работают квалифицированные специалисты – педагоги, психологи, медики, служба доверия для подростков, горячие телефонные линии, куда могут обращаться дети и подростки, попавшие в трудную жизненную ситуацию, из которой им нелегко или даже невозможно выбраться самостоятельно.

Еще один фактор, который, по нашему мнению, сыграет положительную роль в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних – это их трудоустройство. В летний период у подростков должна быть возможность при желании заработать самостоятельно какие-то деньги на личные нужды. Многие подростки, входящие в группу риска, выберут именно этот способ получения материальных средств вместо преступной деятельности. Также работа в летний период позволит занять свободное время подростков, ведь именно в этот период как спортивные, так и культурно-массовые учреждения уходят на каникулы.

Так как проблема подростковой наркотизации и участие подростков в преступных сообществах, связанных с незаконным оборотом наркотиков, имеет тенденцию роста и угрожает здоровью нации как физическому, так и нравственному в целом, необходимо ее решать на государственном уровне в социально-правовом русле.

¹ См.: Ображиев К.В. Указ. работа.

В.В. Брюно,

кандидат социологических наук, доцент
Институт социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

ВКЛЮЧЁННОСТЬ В НАРКОПОТРЕБЛЕНИЕ ЛИЦ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Употребление наркотиков принято рассматривать как проблему молодёжи. Предполагается, что по мере взросления наркотики уйдут в прошлое. Результаты исследований сектора социологии девиантного поведения 2016-2017 гг. выявили снижение потребления наркотических веществ в молодёжных и студенческих группах (18-23 года) и увеличение доли лиц, имеющих наркотический опыт, среди 24-39-летних. На изменения в возрастной структуре потребителей тут же отреагировал наркорынок, переключив внимание с несовершеннолетних и молодых потребителей на более зрелую, взрослую часть населения. Обладая определённым финансовым статусом и финансовой самостоятельностью, эти люди могут принимать наркотики в течение длительного времени, контролируя состояние здоровья, не обращаясь за помощью в наркологическую службу. Эти потребители составляют относительно устойчивую целевую аудиторию для производителей психоактивных веществ и образуют группу потенциальных постоянных покупателей. Характерная черта этой группы потребителей – умение маскировать потребление, в силу чего они редко попадают в поле зрения правоохранительных органов или медиков, пополняя ряды так называемого «серого поля» наркопотребителей.

В статье использованы материалы онлайн опроса трудоспособного населения в возрасте 18-60 лет, посвящённого отношению населения к наркотикам, проведённого в 2017 г. по многоступенчатой квотной выборке (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Омск, Краснодар, Пермь, Калининград, Сыктывкар, Тюмень, Челябинск, Воронеж, Архангельск, N=1506). Из общего массива данных была выделена и проанализирована наиболее наркогенная группа респондентов в возрасте 24-39 лет.

Наличие наркоопыта отметили 17% среди 18-23-летних, 23% среди 24-29-летних, 27% среди 30-39-летних, 22% среди 40-

49 летних и 13% в группе респондентов от 50 лет и старше. В массовых опросах речь обычно идёт об относительно распространённом «нормальном» наркоповедении, когда в подавляющем большинстве случаев потребление наркотиков эпизодическое и не носит тяжёлого характера.

Семья и дети. Сравнение респондентов, имеющих и не имеющих наркоопыта, показало, что в обеих группах преобладают люди неодинокие, семейные (в отношении состоят 68,5% респондентов с наркоопытом и 71,5% без наркоопыта), однако потребители наркотиков чаще предпочитают не регистрировать отношения официально. Как имеющие, так и не имеющие наркоопыта респонденты практически в равной степени заводят детей, но о наличии более одного ребёнка чаще сообщают не пробовавшие наркотики респонденты. Слабое, на первый взгляд, влияние семейного фактора на наркоопыт объясняется, с одной стороны, тем, что ситуативные, эпизодические потребители не находятся пока в стадии наркозависимости и социально сохранны, это интегрированные в социум потребители. С другой стороны, выбор в пользу свободных отношений у наркопотребителей может свидетельствовать как об отсутствии желания или способности брать на себя серьёзные обязательства, так и о качестве самих семейных отношений. Так, по результатам исследования у наркопотребителей отмечается более низкий уровень удовлетворённости семейной жизнью.

Работа и образование. Большинство взрослых с наркоопытом являются работающими людьми (80%). Профессиональный и образовательный статус влияет на употребление веществ: среди рабочих и респондентов со средним специальным образованием доля «пробовальщиков» наркотиков несколько выше (32% и 27% соответственно), чем среди простых служащих (19%), профессионалов с высшим образованием без подчинённых (20%), руководителей подразделений (21%), а также респондентов с высшим образованием (19%) или учёной степенью (18%). Тем не менее среди респондентов с высоким профессиональным статусом – руководителей высшего звена – доля респондентов с наркоопытом достаточно велика – 23%. При этом и в группе рабочих, и группе руководителей предприятий 5% респондентов отметили, что употребляют регулярно, в остальных же профессиональных групп

пах процент регулярных «пробовальщиков» колеблется от 0,5 до 2%. Следует отметить, что респонденты как имеющие наркоопыт, так и без него отмечают высокую удовлетворённость работой.

При анализе роли доходов в приобщении к наркотикам выделенная категория респондентов была разделена на 4 группы по уровню их материального положения: «бедные», «нуждающиеся», «со средним достатком» и «богатые». В группе «бедных» процент респондентов с наркоопытом самый низкий (17%), несколько выше доля «пробовальщиков» среди нуждающихся и отнёсших себя к состоятельным и богатым (26%). В группе со средним достатком «пробовальщиков» 24%. Более детальное рассмотрение связи доходов и частоты употребления психоактивных веществ показало, что отнёсшие себя по социально-экономическим показателям к группам «с доходами выше среднего» и «богатым», а также имеющие полную занятость, имеющие высокий профессиональный статус не склонны к интенсивному употреблению наркотиков. В этой группе широко распространено ситуативное потребление, эпизодические пробы. Ярче выражен осознанный мотив проб веществ, носящий определенную функцию: например, для улучшения самочувствия, релаксации, а также так называемого «расширения сознания». Более низкие доходы и невысокий профессиональный статус, частичная занятость коррелируют с более частым употреблением наркотических веществ. Мотивы потребления в этой группе больше связаны с удовлетворением потребности в новых ощущениях, повышением работоспособности (мужчины) и для улучшения настроения (женщины).

Ценностные ориентации. Наиболее значимые ценности у респондентов с наркоопытом традиционны: семья, материальная обеспеченность и здоровье. При схожей структуре ценностей у респондентов, имеющих наркотический опыт, сильнее выражено стремление к личному комфорту и удовольствиям (31% против 20% у респондентов без наркоопыта), а также к свободе и независимости (27% против 16%). Также в группе наркопотребителей ценят богатый сексуальный опыт и насыщенную сексуальную жизнь (10% против 3% среди не имеющих наркоопыта). Следует отметить, что значение конкретной ценности может выражать не только её значимость, но и определённую дефицитарность, то есть то, что именно эта ценность ещё не достигнута, не реализо-

вана человеком на сегодняшний день. Таким образом, эпизодические пробы наркотиков хотя и оказывают некоторое влияние на образ жизни респондентов, определяя их жизненный стиль поведения, но эта группа на сегодняшний день не утратила ценностно-нормативные регуляторы социального поведения, потребители вполне интегрированы в социальную среду, и не образует особой субкультурной группы.

Досуг. Анализ видов проведения досуга в группе наркопотребителей и респондентов без наркоопыта выявил некоторые различия, однако в разных возрастных группах они проявляются по-разному. Респонденты 24-29 лет как с наркоопытом, так и без него в равной мере являются активными пользователями Интернета (84% и 85% соответственно), любят смотреть фильмы и видео онлайн, через компьютер (74% и 70%), слушать музыку (61% и 62%), проводить время с любимым человеком (67% и 68%) и друзьями (53% и 50%). Однако наркопотребители, в отличие от не имеющих наркоопыта, в большей степени предпочитают активно-развлекательный досуг: чаще ходят в гости (49% против 40%), занимаются спортом (44% против 34%), играют в компьютерные игры (38% против 30%), занимаются туризмом, путешествиями (28% против 15%), выезжает на дачу, природу, пикники (25% против 22%). В то же время 30% наркопотребителей предпочитают расслабляться и отдыхать с алкоголем (15% среди не имеющих наркоопыта). Респонденты без наркоопыта больше проводят время в домашних хлопотах, с семьёй и детьми, предпочитают прогулки по городу или в парке, занимаются любимым делом, хобби и смотрят телевизор.

В возрастной группе 30-39 лет развлекательная физическая активность снижается как у респондентов с наркоопытом, так и без него, однако у наркопотребителей начинает преобладать пассивно-развлекательный досуг. Если среди респондентов без наркоопыта с возрастом снижается доля активных интернет-пользователей, любителей смотреть видео в интернете, смотреть телевизор, играть в компьютерные игры, то среди наркопотребителей их доля с возрастом, наоборот, увеличивается. В отличие от более молодых респондентов старшие взрослые без наркоопыта чаще выбирают активный отдых, чем имеющие нарко-

опыт: выезжают на природу и пикники, занимаются активным отдыхом, путешествиями, туризмом.

Рискованное поведение и употребление психоактивных веществ. Исследование показало, что с возрастом склонность к риску снижается, однако остаётся ещё довольно высокой в молодом взрослом возрасте, при этом основания для рискованного поведения в этой возрастной группе иные, чем у подростков. Так, в группе 24-29-летних рискованное поведение воспринимается молодыми взрослыми как нечто приемлемое, что они теперь могут себе позволить: уже имеют определённое количество ресурсов, в том числе финансовых, но ещё не обременены множеством обязательств. Молодые взрослые воспринимают свободу делать многие вещи, которые могут стать неприемлемыми при вступлении в более старший возраст.

По самооценкам опрошенных, значительная часть респондентов считает себя рискованными людьми, хотя в более старшей возрастной группе таковых меньше (41% среди 24-29-летних и 32% среди 30-39 летних). Ответы на вопрос о конкретных проявлениях рискованного поведения позволяют утверждать, что склонность к риску является одним из ключевых факторов, влияющих на наркоповедение. Можно говорить о целом «комплексе» взаимосвязанных рискованных действий. Так, молодые взрослые наркопотребители (24-29) характеризуются потребностью в острых ощущениях: 83% находят для себя нормальным и оправданным занятия экстремальным спортом, а 48% отметили, что для них нормальным является изменять своё состояние сознания различными средствами. Подтверждается связь наркотизации с алкоголизацией: 40% наркопотребителей считают для себя нормальным употреблять алкоголь в неумеренных количествах, а ещё 34% — оставаться в малознакомой нетрезвой компании (табл. 1).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЫ СЧИТАЕТЕ НОРМАЛЬНЫМИ ДЛЯ СЕБЯ?» (СРЕДИ ВЗРОСЛЫХ С ОПЫТОМ И БЕЗ ОПЫТА УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ, % В КАЖДОЙ ГРУППЕ)

Рискованная деятельность	24-29 лет		30-39 лет	
	Есть нарко-опыт	Нет нарко-опыта	Есть нарко-опыт	Нет нарко-опыта
Заниматься экстремальными видами спорта	83	57	60	43
Изменять своё состояние, сознание различными средствами	48	30	42	28
Употреблять алкоголь в неумеренных количествах	40	16	33	15
Неосторожно водить машину (превышать разрешённую скорость)	36	23	31	24
Заниматься сексом с малознакомыми людьми, часто менять половых партнёров	35,5	17,5	44	20
Принимать сильные лекарства без рекомендаций врача	35	18	22	17
Оставаться в малознакомой нетрезвой компании	34	18	27	12
Ввязываться в драки, ситуации, в которых возможно физич. насилие	29	10	15	12
Употреблять наркотические вещества	18	6	15	2
Водить машину в нетрезвом виде или после употребления наркотиков	12	7	6	5

Исследование показало – взрослые эпизодические наркопотребители, имея специфические особенности, вполне интегрированы в социальную среду и не образуют особой субкультурной группы. Они в значительной степени ориентированы на семью, работу и здоровый образ жизни. Часть потребителей можно отнести к малообеспеченным слоям, однако значимая доля вполне успешна, с высоким профессиональным и образовательным статусом. Анализ досуга, ценностных ориентаций и склонности к рискованным действиям у наркопотребителей показывает, что, несмотря на социальную сохранность, наркоопыт связан с негативными влияниями на качество жизни: для потребителей характерна склонность к рискованному сексуальному поведению,

повышенной алкоголизации. Молодые взрослые потребители при этом живут яркой насыщенной жизнью, «со вкусом»: любят свободу и независимость, склонны путешествовать, проявлять сексуальную активность и «брать от жизни всё». С возрастом наркопотребители теряют былую «хватку», становятся более пассивными по сравнению с одногодками без наркоопыта. Новые паттерны потребления могут иметь более серьезные социальные последствия, провоцируя выплеск наркотизации за пределы ранее поражаемых групп риска и требуют различных форм социального контроля.

Р.Б. Салморбекова,

доктор социологических наук, профессор

Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына
(Кыргызская Республика)

А.А. Акылбекова

Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына
(Кыргызская Республика)

КВАЛИМЕТРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ МЕТОДОВ ВОСПИТАНИЯ В ДЕТСКИХ ДОМАХ

Кризис общества, тяжелые социально-экономические потрясения повлияли не только на материальное положение людей, но в какой-то мере и на их мировоззрение, исконные традиции и нормы. Пьянство, наркомания, деликвентный образ жизни родителей приводили к тому, что они хладнокровно отказывались от своих детей. Так появился новый тип сиротства, получивший название «социальных сирот». Кризис института семьи оказывает свое негативное влияние на жизнь детей в стране. Семья – это основной социальный фактор для ребенка. Вместе с семьей ребенок развивается, то есть он познает мир с его традициями и поведением и учится обмениваться своими мыслями. Семья – первый агент социализации человека, приобщения его к нормам, принципам общества.

В жизни современной молодежи важную роль играют акселерационные процессы и резкое изменение жизненных условий, кроме того – раннее начало половой жизни. Эти три критерия являются причиной появления и роста числа социальных сирот. Из года в год с ростом числа беременных среди несовершеннолетних девушек растет и число социальных сирот. Отказ от новорожденных детей сейчас рассматривается как обычное социальное явление. В материнском поведении важную роль играют социальные факторы. Согласно результатам исследования неправительственной организации «MyFamily» в Кыргызстане 117 детских домов, в которых воспитываются более 11 тысяч детей. Из этих детских домов 84 государственные и 33 – частные, 38% в Чуйской области, 14% в Иссык-Кульской и 21% в Бишкеке. В других областях республики детские дома составляют 27%. Дети попадают в них из-за различных причин, например, у 22% детей один из родителей умер, 21% – из-за тяжелой финансовой ситуации в семье, 14% – в результате развода родителей, 37% – дети мигрантов и только 6% детей относятся к сиротам, у которых нет обоих родителей, т.е. круглые сироты.

К основной категории детей-сирот относятся дети, у которых родители лишены родительских прав из-за негативного поведения в обществе (социальные сироты). Социальное сиротство в Кыргызстане остается актуальной проблемой, особенно сейчас, когда в мировом сообществе активизируются негативные условия: криминал, экстремизм, терроризм, а также наркомания и пьянство. Поскольку большинство социальных сирот рождены именно в подобных условиях, проблема их ресоциализации имеет особенно важную и весьма жизненно серьезную актуальность для будущего кыргызстанского общества, в котором более половины населения составляет молодежь и где достаточно высокая рождаемость. В современных условиях сексуальные отношения не связаны непосредственно с деторождением: полная легализация предупредительных средств, снятие запретов на своевременное прерывание беременности можно считать одним из средств профилактики роста числа социального сиротства. Дети нуждаются в социальном воспитании, поэтому актуальной задачей является всестороннее научное исследование данного вопроса. Проблемы детей в социуме являются значительным звеном ста-

новления человеческого фактора: их социальный жизненный уровень развития, защита прав, задачи социального воспитания в процессе социализации, особенно беспризорные дети, социальные сироты, социальная адаптация детей в детских домах – это социокультурная миссия цивилизационного общества.

Все вышеизложенное говорит об актуальности не только научно-теоретического исследования данной проблемы. Не менее важной является ее практическая сторона: проблема ресоциализации социальных сирот, их адаптации к современным запросам и требованиям кыргызстанского общества в работе детских домов, разработки инновационных средств и методов в данном направлении. В связи с этим в 2016 году проведен экспертный опрос с участием 48 экспертов. Опрос проводился в следующих учреждениях: школа интернат № 11 им. В. Терешковой в г. Ош, школа интернат детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей им. М. Раззакова в г. Узген, школа интернат № 13 им. И. Абдырахманова в г. Кызыл-Кыя Баткенской области, детский дом интернат Военно-Антоновка в Чуйской области, ОО «Движение вперед», ОФ «Светлый путь» и детский дом «Алтын уя» в г. Бишкеке.

На вопрос: «Какие меры предосторожности принимаются к несовершеннолетним детям детских домов, чтобы они не были подвержены плохим затеям?» – эксперты ответили: 49,2% экспертов – надо усилить надзор над детьми; 16,5% – организовать правильное использование свободного времени, 16,7% – регулярно проводить уроки воспитательного характера, 17,6% – учить трудиться. В отстранении детей от негативного поведения основную роль играют методы воспитания.

37,6% детей детских домов в свободное время занимаются спортом, 33,9% читают художественную литературу, 9% «сидят» в Интернете, 6,9% детей отдыхают на природе. Самое плохое, что 8,6% детей занимаются пьянством, а 4,1% – просто ничего не делают. Несмотря на усиленный надзор, 12,5% детей не знают, как провести свободное время и как использовать его. Для этих детей нужно организовать специальные курсы, тренинги, игры, экскурсии, субботники.

Согласно ответам на вопрос: «Какими методами воспитания пользуются в детских домах?» – по мнению экспертов, только 2%

пользуются методами национальной педагогики, 4,9% – инновационными методами, 30,2% – индивидуальными методами воспитания, 62,9% – всеми методами педагогики. Негативным в этой статистике можно признать незначительное применение методов национальной педагогики, поэтому со стороны воспитателей требуется развитие этих методов.

86% экспертов считают, что есть необходимость переобучать воспитателей детских домов, но 14% не считают необходимостью повышение квалификации воспитателей в детских домах.

Отвечая на вопрос: «В каких направлениях есть необходимость организовать курсы переобучения воспитателей детских домах?», эксперты отметили, что необходима работа педагогического и психологического направления – 20,9%, юридического – 7,0%, во всех направлениях педагогики – 51,2%. Таким образом, имеется необходимость периодической организации курсов повышения квалификации воспитателей детских домов.

Для того чтобы сократить рост числа социальных сирот, нужно организовать через СМИ и общественные организации работу с молодыми семьями. В этом плане необходимо довести до их сознания, что, создав семью, нужно стараться ее сохранить, терпеливо переносить все неизбежные материальные и духовные трудности на этом пути ради благородной цели: воспитания здоровых, хороших детей без всяких девиантных отклонений, неизбежных в условиях сиротской жизни, ради будущего своей семьи и всего кыргызстанского общества.

В результате исследований определены и выдвинуты следующие предложения:

– для сокращения роста социальных сирот в детских домах в Кыргызстане необходимо на государственном уровне принимать стратегические программы. Внешним мигрантам, матерям, имеющим несовершеннолетних детей, запретить выезд из страны. Повысить ответственность при усыновлении детей;

– необходимо информировать молодежь об основных направлениях укреплении семьи, распространять данную информацию через средства массовой информации. Расширенно пользоваться национальными педагогическими методами и совмещать их с инновационными методами;

– для воспитателей детских домов требуется организовать специальные курсы обучения, потому что 25% специалистов – воспитателей – не имеют педагогического опыта и не знают методов работы с психологически отсталыми детьми. Такое состояние объясняется малой зарплатой и низкой мотивацией в работе. Следовательно, воспитателей детских домов время от времени нужно обучать на специальных курсах. Со стороны опытных социальных педагогов для решения проблем детей детского дома для преодоления трудностей в процессе адаптации и дезадаптации на основе национальной программы требуется разрабатывать специальные методические программы;

– наблюдается беспорядок в процессе приема детей в детских домах, нет данных по регистрации и учету детей. По всему Кыргызстану необходимо создать единую базу данных о каждом ребенке в детских домах;

– требуется усовершенствовать в соответствии с требованиями внутреннюю документацию детских домов, в том числе нормативно-правовую базу. Обратить особое внимание на документы, касающиеся регулирования взаимоотношений между воспитателями и воспитанниками детских домов, оформить книги предложений и рекомендаций.

А.С. Шерстяных,

кандидат технических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Несомненно, в основе понимания подлинного патриотизма лежит любовь к Родине, что связано с этимологией самого термина «патриотизм». В силу специфики подготовки к будущей профессиональной деятельности обучающихся в ведомственной образовательной организации МВД России проблема патрио-

тизма в целом и патриотического воспитания в частности имеет существенное значение. Сегодня недостаточно только призывать обучающихся к необходимости формировать у себя чувства патриотического отношения к своему отечеству, ответственности за его судьбу и за перспективу существования, указывать на принадлежность к социальному институту органов внутренних дел, что уже априори предполагает наличие патриотизма.¹ Необходим поиск в общественном и индивидуальном сознании обучающихся собственных оценочных показателей тех факторов, которые определяют уровень ценности феномена патриотизма для человека, при необходимости изыскивать адекватные меры воздействия на человека, повышая осознание общественной и индивидуальной ценности патриотизма в условиях развития общества и государства.²

Для определения отношения первокурсников, выбравших профессию сотрудника органов внутренних дел, к патриотизму как социально значимой ценности, восприятия сущности его содержания в общественном сознании, в 2014-2017 гг. был проведен опрос первокурсников Сибирского юридического института МВД России, а в 2017 г. – также и слушателей выпускного курса.

Очень сложно обладать чувством патриотизма, не зная истории своего Отечества, как невозможно гордиться своей семьей, не зная ее происхождения, не зная своих корней. Полезно почувствовать в себе «кровь и дух своих русских предков и принять любовью и волей всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; чтобы их душа отзывалась трепетом и умилением на дела и слова русских святых, героев, гениев и вождей»³.

¹ Маслодудова Н.В., Шинкевич В.Е. Смыслоразностные ориентации как критерий направленности развития личности, профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1.

² Шинкевич В.Е., Маслодудова Н.В., Шерстяных А.С. Выраженность феномена патриотизма в курсантской среде Сибирского юридического института МВД России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3.

³ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1996. С. 202.

В связи с этим один из первых вопросов, предложенных курсантам, был связан с выяснением интереса опрашиваемых к истории России и основного источника получения такой информации. Как положительный факт можно отметить то, что всем опрошенным не безразлична ценность знания истории своего Отечества. При этом более 60% курсантов основную информацию об истории своего государства получили, изучая школьную программу Истории Отечества (около 36%) и просматривая исторические кинофильмы (более 26%). Гораздо меньшей ценностью как источник познавательной информации (15-20%) являются специальные телевизионные и новостные программы, историческая литература, что в пределах естественной погрешности отмечалось респондентами и в 2014 г., и 2016 г., и в 2017 г. При этом необходимо отметить, что если на первом курсе обучающиеся в качестве источника основной информации об истории Родины и ее современном периоде наиболее часто отмечали просмотр исторических фильмов, то на выпускных курсах большее предпочтение отдается новостным и аналитическим программам, что, несомненно, соответствует процессу взросления обучающегося и развитию у него аналитических способностей.

Сравнительный анализ источников информации об истории России указывает на необходимость продолжения изучения исторических дисциплин обучающимися в рамках учебных программ. Кроме того, необходимо расширение количества мероприятий познавательного плана за пределами расписания занятий (проведение викторин, конкурсов научно-исследовательских работ, тематических выставок и пр.), что будет соответствовать требованиям нового уровня непрерывного образования. Не повторяя школьные программы, возможен акцент на более глубокое изучение духовных основ российского общества, деятельности великих соотечественников, оставивших заветный след в истории России, являющихся ее гордостью в различных сферах человеческой деятельности и государственного строительства. Большое внимание необходимо уделять сохранению исторической памяти, ядром содержания которой остается героическая летопись наших побед, славных и сложных периодов в истории Отечества. В рейтинге объектов гордости как чувства, отражающего эмоциональную составляющую патриотического воспита-

ния, предпочтение¹ отдается сильнейшим российским спортсменам (1 позиция, 60%), далее – известным всему миру писателям-классикам (2 позиция, 57%), на третьем месте – мощное современное вооружение (3 позиция, 44%). Вместе с тем даже при предоставлении возможности выбора до трех «объектов» гордости очень немногие отдали предпочтения значимости заслуг известных людей (физики – 8 позиция, 6%, космонавты – 9 позиция, 6%, шахматисты – 11 позиция, 3%), самобытности России и её духовному наследию (фольклорная культура – 6 позиция, 14%, лучший балет – 7 позиция, 10%, самые читающие люди – 10 позиция, 5%). Возможно, эти объекты гордости и не займут высшие рейтинговые места, однако и они достойны внимания, изучения, представления и гордости. В идеале при расчете рейтинга мест значимости объектов должно наблюдаться незначительное различие в весах показателя даже при условии различных рейтинговых значений. Значимо то, что в ходе опроса не выявлено ни одного респондента, который равнодушно относится к своему Отечеству, не может оценить ценность значимых отечественных явлений, достойных гордости.

Необходимо обратить внимание, что подавляющее большинство опрошенных считают неприемлемым для патриотизма такое слагаемое, как «чувство превосходства своего народа над другими». Относительно высокий выбор фактора «любовь к родным и близким» показывает значимость для формирования патриотизма ценности не только «большой», но и «малой» Родины.

Высокие веса слагаемых патриотизма «любовь к своей стране», «готовность, не раздумывая, защищать страну с оружием в руках» коррелируют с такими приоритетными, по мнению опрошенных, первостепенными задачами для современного российского общества, как «улучшение качества жизни и повышение благосостояния граждан», «защита внешней безопасности страны». Ценность данных задач отметили около 79% и 53% респондентов соответственно.

Среди внешних форм проявления патриотизма респондентами отмечены: выполнение воинского долга (60-65%), участие в

¹ Респондентам предлагалось отметить не более трех позиций из предложенных вариантов

патриотических мероприятиях и акциях (25-45%), воспитание красоты и могущества Родины средствами литературы, искусства (25-30%), выполнение производственных заданий (17-27%), успешная учеба в образовательной организации (20-25%), участие в бизнесе (5-8%). Как показали результаты опросов, рейтинг общепринятых форм проявления патриотизма в 2017 г. практически повторил результаты опросов 2014 г., 2016 г. Отмеченная значимость индикатора «выполнение воинского долга в рядах Вооруженных Сил» позволяет говорить о том, что курсанты проявление патриотизма непосредственно связывают с будущей правоохранительной службой.

Проанализировав результаты опроса курсантов и слушателей института, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в основе патриотизма заложена любовь к своей стране, к своим близким, готовность при необходимости защищать их с оружием в руках. При этом в общественном сознании недостаточно сформирована потребность участия в политической жизни, даже на уровне избирательных кампаний.

Во-вторых, основную информацию о своем Отечестве молодой человек получает в процессе обучения в образовательных организациях различного уровня, что предполагает более внимательное отношение организаторов образовательного процесса и профессорско-преподавательского состава к определению объема, тематики и методики преподавания исторических дисциплин. Исходя из этих обстоятельств в процессе изучения исторических дисциплин в системе высшего образования органов внутренних дел можно выделить две важные задачи. Первая – достоверность исторического материала и формирование познавательного интереса к прошлому России. Вторая – четкое определение целей, уровней обучения и тематики исторических дисциплин.

В-третьих, патриотизм является глубоким духовным началом, нравственной основой жизнеспособности государства, выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, а также активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству. В связи с этим вопросы формирования патриотизма должны быть под пристальным вниманием общества и системы

образования при согласованном подходе и действиях в использовании потенциала социума.

В-четвертых, при выстраивании системы воспитательной работы в контексте повышения патриотической составляющей с обучающимися следует больше внимания уделять не только пропаганде героического прошлого, отдельного подвига во славу Отечества и героических поступков, успехов отечественной культуры, производственных, спортивных побед и научных достижений, но и разъяснению особенностей и значимости национально-государственного строительства для дальнейшего развития российского общества, личной ответственности за судьбу России. Данный подход к определению приоритетов в патриотическом воспитании будет способствовать формированию истинного конструктивного патриотизма у будущих сотрудников органов внутренних дел, что в целом подтверждает выдвинутую гипотезу, что формирование патриотизма обучающихся должно строиться на основе оптимального сочетания гражданской ответственности и готовности к созидательной деятельности в своем Отечестве.

Я.Н. Калинин

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ
РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Сегодня все чаще и чаще как представители органов управления государственных и общественных институтов, так и простые граждане осознают необходимость совершенствования управления в сфере противодействия наркоугрозе и обеспечения антинаркотической безопасности общества как неотъемлемой составляющей его национальной безопасности. Сегодня в России, как, впрочем, и во многих других регионах мирового социума, не осталось практически ни одного региона, где бы не были зафиксированы случаи употребления наркотических средств и

психотропных веществ в немедицинских целях, факты незаконного их распространения, трагедий и преступлений на фоне злоупотреблений наркотиками. Масштабы распространения наркомании в ряде государств таковы, что ставится под вопрос не только физическое и духовное здоровье молодежи и будущее значительной ее части, но и социальная стабильность общества уже в ближайшей перспективе. Не обошла стороной данная проблема и Красноярский край, что подтверждается результатами ежегодного мониторинга наркоситуации.¹

Несмотря на реальную опасность возможных последствий наркотизации общества, люди более озабочены качеством дорог, алкоголизацией общества, уровнем безработицы, состоянием жилищно-коммунальной сферы, качеством медицинского обслуживания и пр., что отражено в таблице.² Это еще раз говорит о том, что в общественном сознании по-прежнему распространено мнимое мнение о том, что «это меня не касается и не коснется никогда, потому что я – это я».

Таблица

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ОСТРОТЫ ПРОБЛЕМ,
С КОТОРЫМИ ОНО СТАЛКИВАЕТСЯ

Индикаторы	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Нехватка жилья	12,1	11,2	10,4	11,7	11,3	11,5
Качество дорог	16,1	15,3	16,4	15,6	16,0	15,8
Алкоголизм	18,7	16,7	16,5	14,0	14,1	14,1
Безработица	15,3	14,7	15,4	15,3	15,2	15,2
Состояние жилищно-коммунальной сферы	9,8	9,5	10,9	12,5	12,4	12,3
Наркомания	9,4	9,7	10,5	10,0	10,1	10,2
Качество медицинского обслуживания	9,1	11,3	11,6	14,3	14,1	14,0
Преступность	8,6	7,8	7,6	6,3	6,2	6,4
Другое	0,7	3,8	0,5	0,3	0,5	0,5
Итого	100	100	100	100	100	100

¹ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е. Наркоситуация как социальное явление в контексте мониторинговых исследований: социологический аспект : монография. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015.

² Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Оценка состояния, основных детерминант и профилактика наркопотребления в Красноярском крае: по результатам социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации // Социологические исследования. 2018. № 2.

Уровень незаконного употребления наркотических и психоактивных веществ растет очень быстро, а мировой опыт показывает, что наркомания может распространяться, подобно эпидемии, поражая широкие слои населения. Причем в отличие от алкоголизма и курения употребление наркотиков является молодежной проблемой. Наркоманию, нежелание отдельных супружеских пар обременять себя заботой о собственных детях сегодня в ряде случаев по последствиям для общества можно поставить в один ряд с последствиями применения оружия массового поражения.

В России проживают тысячи зависимых от наркотиков людей, которым требуется эффективная помощь не только нарколога, но и других специалистов. Сегодня никто не рискнет опровергнуть суждение о том, что до реабилитации доживают гораздо меньше наркозависимых, нежели тех, кто в ней нуждается. Во многом не отвечают запросам общества и результаты реабилитации. В условиях отсутствия должной реабилитации все усилия государства и общества сводятся на нет. Наркопотребители, по сути, ходят по кругу, и только мизерная их часть возвращаются в общество.¹

Современное общество сегодня все больше осознает опасность проблемы незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, роста числа наркозависимых, потери части социальных ресурсов. Государственные и общественные институты принимают меры по минимизации данных негативных последствий для общества, его экономической, социальной сфер.²

О сложности решения проблемы окончательной и надежной реабилитации говорится уже более 15 лет. Ещё в 2000 году НИИ наркологии Минздрава России разработал документ «Реа-

¹ Шинкевич В.Е., Димитрова Е.А. Эффективность деятельности негосударственных органов реабилитации наркозависимых // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1.

² Шинкевич В.Е., Куприянич Т.В. Феномен наркотической и других зависимостей как проблема социологического исследования // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1; Шинкевич В.Е. Феномен зависимости как проблема социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1.

билитация наркологических больных: концепция, программа». В нем утверждается: «При этом следует постоянно иметь в виду, что специфической особенностью клиники наркологических заболеваний является принципиальное отсутствие возможности выздоровления. Эти болезни являются хроническими, и в процессе их лечения, в том числе в рамках реабилитационной работы, в любой момент могут возобновиться проявления патологического влечения к ПАВ и связанные с ними аффективные и поведенческие расстройства, т.е. развиться рецидив болезни».

Совершенно очевидно, что необходимы усилия и целенаправленные действия по изучению опыта государств, которые адекватно оценивают угрозу неконтролируемого употребления населением наркотических средств и психотропных веществ, по организации деятельности реабилитационных учреждений, методик реабилитации, ресоциализации, реинтеграции.

Необходимо признать, что первичная профилактика наркомании является наиболее приоритетным направлением в плане предотвращения вовлечения в употребление наркотических средств и психотропных веществ. Однако следует констатировать тот факт, что на сегодняшний день ситуация в России складывается таким образом, что огромная масса лиц уже вовлечена в немедицинское потребление наркотиков и страдает наркоманией, что является не только социальным актом, но и заболеванием. Безусловно, меры первичной профилактики в отношении этих лиц не могут оказывать нужного профилактического воздействия. К этой категории лиц необходимо применять меры своевременного лечения и социальной реабилитации, без которой любые медицинские меры не могут оказывать должного воздействия на наркозависимых и не отвечают потребностям профилактики наркомании.

Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690, основными направлениями развития медико-социальной реабилитации больных наркоманией в Российской Федерации являются:

«а) организация реабилитационных наркологических центров (отделений) в субъектах Российской Федерации;

б) финансирование наркологических диспансеров и других специализированных наркологических учреждений субъектов

Российской Федерации на организацию деятельности наркологических реабилитационных подразделений;

в) укрепление кадрового состава наркологических реабилитационных центров (отделений) и подразделений с целью обеспечения бригадной формы работы с больными наркоманией;

г) систематическая подготовка и переподготовка специалистов (психиатров-наркологов, психотерапевтов, медицинских психологов, социальных работников, специалистов по социальной работе) по вопросам медико-социальной реабилитации больных наркоманией;

д) повышение доступности медико-социальной реабилитации для больных наркоманией, а также для обратившихся за медицинской помощью лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями;

е) организация системы обучения и трудоустройства больных наркоманией, прошедших медико-социальную реабилитацию;

ж) разработка критериев оценки эффективности работы наркологических реабилитационных центров (отделений), а также немедицинских реабилитационных организаций;

з) совершенствование методов медико-социальной реабилитации больных наркоманией;

и) формирование правовых основ, обеспечивающих использование потенциала традиционных религиозных конфессий, неправительственных и общественных организаций в государственной системе реабилитационной помощи;

к) введение системы государственного контроля деятельности немедицинских реабилитационных учреждений вне зависимости от их организационно-правовой формы;

л) формирование действенного механизма государственной поддержки научных исследований в области реабилитации больных наркоманией, разработки и внедрения инновационных программ реабилитации и реинтеграции больных наркоманией;

м) формирование системы информирования населения о спектре реабилитационных услуг, предоставляемых на государственном, региональном и муниципальном уровнях;

н) создание механизмов мотивации лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков, на участие в реабилитационных программах;

о) создание механизмов целенаправленной работы с родственниками лиц, участвующих в реабилитационных программах, обеспечивающей формирование социально-позитивного окружения реабилитируемых;

п) разработка механизмов государственной поддержки учреждений, обеспечивающих социальную и трудовую реинтеграцию участников реабилитационных программ».

Вместе с тем социальная реабилитация наркозависимых законодательно не регламентирована, на нее отсутствует государственный заказ, не создана достаточная в количественном плане государственная сеть учреждений реабилитации, а многочисленные существующие негосударственные центры в основном работают вне государственного контроля и поддержки, в условиях дефицита финансирования и достойного материального и фармацевтического обеспечения.

Т.В. Куприянчик,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

М.А. Арская,

кандидат филологических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Н.А. Ермякина,

кандидат педагогических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММ РЕАБИЛИТАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Анализируя состояние и динамику наркоситуации в современном обществе, успехи, а чаще недостатки в противодействии социума наkouгрозе, трагедии семей, в которые беда пришла именно с «этой стороны», понимаешь всю опасность для лично-

сти и общества употребления наркотических средств в немедицинских целях. Причем наркотики находят себе благоприятную социальную среду не только в сообществах социально обездоленных, но и довольно успешных. Наркоугроза уже давно перестала быть только проблемой одного или отдельных государств, она перешагнула и политические, и экономические, и социальные границы. Можно с полной ответственностью признать распространение наркомании одной из глобальных проблем современности, а формирование системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых граждан – общенациональной задачей.¹ Следовательно, становится все более очевидным, что необходимы усилия и целенаправленные действия по изучению опыта государств Запада, которые, столкнувшись с проблемой незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ несколько ранее России, накопили огромный опыт по организации деятельности реабилитационных учреждений, методик реабилитации, ресоциализации, реинтеграции.

Опыт организации и разработки уникальных методик возвращения людей, подверженных различным видам зависимости, к нормальной жизни в обществе, несомненно, представляет интерес для исследователя.² Анализ иностранных источников показал, что реабилитация наркозависимых за рубежом осуществляется как в условиях стационара, так и амбулаторно. Также существуют программы полустационарного пребывания (лечения в дневном стационаре).

Изучение многочисленных реабилитационных программ, реализуемых за рубежом, позволяет выделить наиболее востребованные и распространенные модели реабилитации. Наиболее из-

¹ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Оценка наркоситуации и профилактика наркопотребления : монография. Саарбрюккен, 2014.

² Ресоциализация и реабилитация наркозависимых: международный опыт (по материалам зарубежных источников) : отчет о научно-исследовательской работе (заключ.) / СибЮИ МВД России ; научн. рук. Н.А. Ермакина. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2016. № ГР АААА-А16-116021950181-7.

вестная модель реабилитации людей, страдающих различными формами зависимости, – это «Программа 12 шагов»¹.

Продолжают оставаться одним из самых распространенных способов лечения наркозависимости терапевтические сообщества, появившиеся в 50-60-е годы прошлого века в США и представляющие собой модель социального обучения здоровому образу жизни. Данная модель предусматривает совместное проживание групп реабилитантов по 15-25 человек в социальной среде, исключающей доступ к наркотикам. Обычно срок пребывания в терапевтических сообществах составляет от 6 до 12 месяцев.²

Широко распространена и показала свою эффективность в ряде государств так называемая конфессиональная модель реабилитации, которая реализуется священнослужителями и предполагает, что реабилитанты разделяют их веру. Деятельность реабилитантов включает трудотерапию, изучение религиозных текстов, их обсуждение, участие в религиозных ритуалах, собраниях, молитвах. Данная модель предполагает, что реабилитанты в процессе выздоровления смогут ресоциализироваться на основе признания силы определенной религии в полном объеме и примут ее ценности.

Интерес для специалистов может представлять когнитивно-поведенческая модель реабилитации, по сути, являющаяся психотерапевтической моделью реабилитации. Основой данной модели является оказание психотерапевтической помощи реабилитанту на основе понимания им причин злоупотребления наркотическими средствами, алкоголем или другими психоактивными

¹ 12-Step Facilitation Therapy (Alcohol, Stimulants, Opiates) / Principles of Drug Addiction Treatment: A Research-Based Guide (Third Edition). URL: <https://www.drugabuse.gov/publications/principles-drug-addiction-treatment-research-based-guide-third-edition/evidence-based-approaches-to-drug-addiction-treatment/behavioral-4>.

² Vanderplasschen W., Vandavelde S., Broekaert E. Therapeutic communities for treating addictions in Europe: evidence, current practices and future challenges // European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. 2014. URL: http://www.emcdda.europa.eu/attachements.cfm/att_226003_EN_TDXD14015ENN_final.pdf.

веществами.¹ Большинство программ, разработанных на основе данной модели, предполагают регулярные индивидуальные или групповые консультации как отдельно, так и в комплексе, помогают пациентам осознать опасность употребления наркотиков, справиться с ситуациями психологического влечения.

Высокая эффективность характерна для семейной поведенческой терапии. Данная модель предполагает решение не только проблем, связанных с зависимостью, но и преодоление других сопутствующих проблем, таких как поведенческие расстройства, депрессия, семейные конфликты и т.д.²

В последние годы все более популярным становится комплексный подход к лечению наркозависимости, которая рассматривается не как отдельная проблема, а как часть более широкой проблемы. Для полного выздоровления требуется удовлетворение не только физических, но и духовных, и социальных потребностей, восстановление и физического, и душевного равновесия.³

Широкую известность на Западе имеет одна из наиболее спорных, тем не менее весьма распространенных моделей реабилитации наркозависимых – заместительная терапия. Суть сводится к замене нелегальных наркотиков (чаще всего опиатов) легальными, выдаваемыми по рецепту врача наркотическими средствами в качестве поддерживающей терапии для лиц с опиоидной зависимостью с целью снижения вреда от употребления сильнодействующих наркотических средств⁴. По сути, заместительная терапия не реабилитирует наркозависимого, она лишь

¹ How are behavioral therapies used to treat drug addiction? URL: <https://www.drugabuse.gov/publications/drugfacts/treatment-approaches-drug-addiction>.

² Family Behavior Therapy / Principles of Drug Addiction Treatment: A Research-Based Guide (Third Edition) // National Institute on Drug Abuse. URL: <https://www.drugabuse.gov/publications/principles-drug-addiction-treatment-research-based-guide-third-edition/evidence-based-approaches-to-drug-addiction-treatment/behavioral-5>.

³ Benefits from Biophysical Treatment. URL: <http://www.new-beginningsdrugrehab.org/holistic-biophysical-rehab>.

⁴ How are behavioral therapies used to treat drug addiction? URL: <https://www.drugabuse.gov/publications/drugfacts/treatment-approaches-drug-addiction>.

одну зависимость меняет на другую, а актуальность лечения пациента не исчерпывается и в дальнейшем, к тому же возможны многочисленные побочные негативные явления как для реабилитанта, так и для его социального окружения.

Большую ценность имеют и национальные системы, разработанные, апробированные и внедренные в практику по возвращению наркозависимых в социум в конкретных странах. Так, в Ирландии неотъемлемым компонентом реабилитационных мероприятий является социальная реинтеграция лиц, ранее употреблявших наркотики. В основе предлагаемой программы закладывается комплекс мероприятий, который предусматривает меры по обеспечению пациентов временным жильем, оказание помощи в получении профессионального образования и в трудоустройстве. Однако данная программа реинтеграции не предусматривает медицинские и психосоциологические мероприятия, которые являются предшествующим компонентом программы. Переход от медикаментозного лечения к получению рабочего места довольно продолжителен и может занимать до трех лет. Первые попытки включить меры по социальной реинтеграции наркозависимых в национальную политику в сфере борьбы с наркотиками были предприняты рабочей группой по противодействию наркозависимости в 1971 году.

Интересный опыт накоплен в Италии, где координация мер по лечению наркозависимых осуществляется на региональном уровне главами местных отделов по борьбе с наркотиками или соответствующими службами.¹ Итальянская система лечения наркозависимых лиц включает две подсистемы. Первая представляет собой общественные отделения по работе с наркозависимыми, они осуществляют амбулаторное лечение и являются частью национальной системы здравоохранения. Вторая включает большинство частных социально-реабилитационных центров. Они предоставляют услуги по стационарному лечению, а также частично стационарному и амбулаторному лечению.

¹ Italy country overview / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/countries/italy>.

Существуют и активно используются не менее интересные программы реабилитации в Греции, Финляндии, Израиле.¹

Изучение различных моделей и отдельных реабилитационных программ, позволяет сделать вывод о том, что они продолжают развиваться и совершенствоваться, многие из них не совсем соответствуют традиционной классификации видов лечения или представляют собой совокупность сразу нескольких моделей.

Доступ к лечению и прохождение курса реабилитации представляет собой серьезный шаг к освобождению от наркозависимости, однако для поддержания результатов лечения, предотвращения рецидива в употреблении наркотических средств и обеспечения успешной интеграции наркопотребителя в общество требуются дополнительные меры социальной поддержки. Как известно, употребление наркотиков оказывает негативное влияние на многие сферы жизни, включая семейные отношения, жилищные условия, образование и трудоустройство; оно также может быть связано с социальной и экономической изоляцией наркопотребителя. Без оказания поддержки наркопотребителям в решении указанных проблем велика вероятность сведения к нулю всех результатов лечения.

Таким образом, реабилитация лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, представляет собой длительный и трудоемкий процесс, цель которого заключается не только в восстановлении физического и психического здоровья и отказе от употребления наркотических веществ, но и в восстановлении личностного и социального статуса наркозависимых.

¹ Kethea – Therapy Center for Dendent Individuals. URL: <http://www.kethea.gr/en-us/howeare.aspx> (дата обращения: 09.09.2017); Israel Anti-Drug Authority (IADA) About Treatment and Rehabilitation. URL: [/http://www.antidrugs.org.il/english/template/default.aspx?mainCatid=47](http://www.antidrugs.org.il/english/template/default.aspx?mainCatid=47).

В.А. Власов,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА: АНАЛИЗ И ДОПОЛНЕНИЕ ДОКТРИНЫ

Современное состояние продовольственного обеспечения любого региона может служить реальной оценкой качества регионального развития, поскольку в силу своей специфики оно органично связано с ежедневными потребностями населения в полноценном и безопасном питании.

Феномен «продовольственное обеспечение регионов» является базой для достижения продовольственной безопасности Российского государства. Решение методологических вопросов продовольственного обеспечения и концептуальные положения дальнейшего развития сельского хозяйства во многом зависят от понимания и определения содержания этой сложной категории, а также научного анализа ее отдельных элементов.

Формирование системы продовольственного обеспечения региона целесообразно осуществлять с учетом научных принципов. Под принципами системы продовольственного обеспечения региона необходимо понимать руководящие положения (идеи), основные правила продовольственного развития региона.

О.Г. Чарыкова и Н.Е. Белошапкина выделяют следующие принципы обеспечения региона продовольствием:

– стимулирование развития пищевой и перерабатывающей промышленности в целях рационального использования сельскохозяйственного сырья, более полного удовлетворения спроса различных групп населения, включая потребности в детском, лечебном питании, в дешевых продуктах для малообеспеченной части населения;

– устранение встречных перевозок сырья и конечной продукции;

– поддержка производителей продовольствия в целях обеспечения им необходимой рентабельности, позволяющей осуществить простое или расширенное воспроизводство;

- защита экономических интересов потребителей продовольствия путем регулирования рыночных цен;
- повышение реальных доходов населения за счет увеличения занятости, уровня оплаты труда и социальных выплат как условий роста платежеспособного спроса, а следовательно, и экономической доступности продовольствия;
- социальная поддержка малообеспеченных слоев населения с целью повышения уровня потребления ими продовольствия;
- контроль качества реализуемого продовольствия.¹

Однако перечисленные принципы по содержанию таковыми не являются, более они относятся к направлениям, меньше – к задачам продовольственного обеспечения региона.

М.Р. Захохова считает, что система продовольственного обеспечения региона встроена в комплекс других региональных систем и формируется как комплекс подсистем, объединенных по единым принципам: функциональному, организационному, ресурсному и технологическому.² Функциональный принцип подразумевает, что система продовольственного обеспечения региона реализует единую политику и подчинена единой цели. При этом задачи, выполнение которых ведет к достижению общей цели рассматриваемой системы, становятся целями для ее подсистем с учетом приоритета первой. Организационный принцип заключается в том, что подсистемы связаны единой системой управления, структура которой позволяет эффективно обеспечивать продовольственную безопасность региона. Ресурсный принцип предполагает, что все элементы системы обеспечены соответствующими ресурсами для выполнения своих функций как в количественном, так и в качественном аспектах. Технологический принцип означает, что подсистемы связаны между собой общесистемными технологиями для преобразования ресурсов, имея при этом

¹ Чарыкова О.Г., Белошапкина Н.Е. Самообеспечение как критерий продовольственного обеспечения региона // Проблемы региональной экономики. 2005. № 10.

² Захохова М.Р. Совершенствование механизма управления системой продовольственного обеспечения региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики) : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Нальчик, 2015. С. 28.

функционально необходимые собственные технологические процессы.¹

С.М. Баскаков к числу базовых и фундаментальных идей, направленных на достижение сбалансированности продовольственной системы, относит такие принципы, как целостности, устойчивости, совместимости, рациональности и эффективности², и раскрывает их характеристику, средства достижения и механизм обеспечения. В целом следует согласиться с предложением С.М. Баскакова, но, по мнению автора настоящей работы, предложенный им перечень принципов системы продовольственного обеспечения региона нуждается в существенном дополнении такими принципами, как принцип интеграционности, принцип инновационности, принцип адаптивности, принцип легитимности и принцип научности.

Таким образом, уточнение и дополнение классификации принципов рассматриваемой категории направлено на системное и комплексное совершенствование системы управления продовольственного обеспечения конкретного региона, а также принятие их во внимание при формировании аграрной и продовольственной политики региона органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

¹ Захохова, М.Р. Указ. соч. С. 28-29.

² Баскаков С.М. Планирование сбалансированности продовольственного обеспечения региона на основе рационального размещения перерабатывающих предприятий регионального АПК (на примере Саратовской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Саратов. 2015. С. 9-11.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Н.В. Маслодудова,

кандидат философских наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одним из универсальных средств сохранения существующего социокультурного пространства, которое связано с трансляцией необходимых ценностей и потому представляется людям желаемым, является духовное, нравственное воспитание человека.

Среди многообразия имеющихся ценностей особо выделяют общечеловеческие ценности, нарушение которых прямо ущемляет права индивидов и сообществ жить, мыслить, действовать в соответствии со своими ориентирами. Общечеловеческими ценностями являются витальные ценности, относящиеся к жизни, здоровью, телесной целостности и неприкосновенности личности, а также основные гражданские права, включающие свободу мысли, совести, свободу передвижения и выбора места жительства, право на продолжение рода, неприкосновенность жилища. Специфика этих ценностей заключается в том, что их нельзя поставить под сомнение. Такая категоричность определяется тем, что данные ценности необходимы для выбора и осуществления любых ценностей, а также прочих жизненных ориентиров, то есть они являются, по сути, условием для существования всех остальных. При этом очень важно отметить, что эти ценности являются ограничивающими, но именно это ограничение де-

дает возможным реализацию свободы. Именно осознание того, что люди живут, соблюдая общие границы в своем поведении, позволяет сообществам устремляться к своим разным вершинам.

Формирование нравственной культуры человека происходит в процессе социализации, где важнейшую роль играет система образования, являющаяся одним из важнейших социальных институтов, призванных участвовать в процессе формирования ценностных ориентаций личности. Студенческая среда во всех отношениях является потенциалом будущего общества и очень важно, чтобы сегодняшняя молодежь, если уж не развила, так хотя бы окончательно не потеряла те нравственные ценности, которые веками формировались в менталитете российского народа, формируя его целостность и обеспечивая стабильность его развития.

В последние годы проблема нравственного воспитания в процессе образования начинает приобретать особое значение, в то время как в конце XX века она была отеснена на задний план проблемами модернизации и использования новых технологий.

Сегодня мы возвращаемся к пониманию того, что качественной характеристикой морального развития и моральной зрелости личности является не столько умение овладевать новыми технологиями, сколько нравственная культура специалиста. Формирование нравственной культуры молодого специалиста складывается из трех основных компонентов. Первый называется культурой нравственного сознания, она выражается в знании моральных требований общества, в способности человека сознательно обосновывать цели и средства деятельности. Этот компонент представляет ценностно-ориентирующий и программирующий уровень нравственной культуры, который зависит от мировоззрения личности, этических знаний и убеждений. Второй компонент – это культура нравственных чувств, обеспечивающая внутреннее принятие моральных целей и средств, внутреннюю готовность их реализации. Важно, что при этом она предполагает не только знания о «добре» и «зле», но и способность к сочувствию и переживанию, а также наличие таких социальных чувств, как патриотизм и гуманизм. Третий компонент – культура поведения, посредством которой реализуются поставленные и принятые нравственные цели, проявляется активная жизненная пози-

ция. Именно от совокупности и зрелости этих специфических компонентов зависит как формирование, так и функционирование индивидуальной нравственной культуры личности.

Сфера образования представляет собой специализированную область культуры, предназначенную для массовой трансляции социально значимого культурного опыта, накопленного в обществе от поколения к поколению, форму трансляции духовного наследия, а также подготовку к будущему состоянию культуры. Именно такая возможность обеспечивает социальную безопасность. «Производство человека», становясь целью образования, направлено на подготовку личности к разрешению встающих перед ней проблемных ситуаций.

Образованный человек – это не только специалист и не только личность, а именно человек культурный и подготовленный к жизни. При этом социальная безопасность в данном случае обеспечивается именно подготовленностью специалиста не просто к нормальной жизни и отлаженному производству, а к возможным испытаниям, к сменам образа жизни, к различным происходящим изменениям. Реализовать такую цель образования призвано именно гуманитарное образование, так как гуманитарные дисциплины кроме познавательной функции несут еще очень важную нагрузку: они призваны формировать жизненную позицию будущего специалиста, его нравственные принципы и убеждения.

Цель гуманитарного образования заключается в формировании субъекта культуры, понимающего ее статус и ее динамику, а главную задачу гуманитарного образования «можно определить, как обеспечение условий для становления нравственного сознания личности, выработки её главной жизненной позиции, ценностных ориентаций, убеждений и мотивов деятельности»¹.

Специфика гуманитарных наук и гуманитарного познания позволяет реализовывать не только ценности гуманитарного образования в области обучения, но и ценности, связанные с собственно образованием (воспитанием), так как способствует формированию гуманитарного мышления, понимаемого как диалог.

¹ Маслодудова Н.В. Гуманитарное образование и ценностные ориентации личности // Ростовский научный журнал. № 3. 2018. С. 88.

Развитие умения диалектически мыслить необходимо для дискуссионной работы, а также для умения оценивать и проигрывать ситуации выбора, для умения ставить и разрешать проблемы. Успех гуманитарного образования в решении такого рода задач определяется тем, что приоритетным в гуманитарных науках является раскрытие смысла, понимание изучаемых явлений, субъект-субъектные отношения, предполагающие не монолог, а диалог.

Гуманитарные знания влияют на формирование ценностных ориентаций личности, составляющих основу нравственного сознания. Именно нравственное сознание, как отмечалось выше, программирует нравственную культуру, так как отражает мировоззрение человека.

Мировоззрение проявляется в различных сферах жизнедеятельности человека через его деятельность и поведение. Это дает основание утверждать, что, будучи основой нравственной культуры, оно во многом определяет правовую и политическую культуру личности. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.¹ Если говорить о политической культуре современных молодых людей, то, по терминологии американских политологов Г. Алмонда и С. Верба, она будет характеризоваться как культура человека прихода-общины. Такой человек идентифицирует себя с небольшой территорией проживания, мало читает, не интересуется событиями в стране и мире, живет только жизнью своей общины. Он не чувствует себя гражданином большой страны и мира в целом и не чувствует ответственности за дела своего правительства. Отсутствие у такого человека активной жизненной позиции как реализации третьего компонента нравственной культуры, а именно культуры поведения, представляет опасность для социума хотя бы потому, что последний не является для него ценностью. Потребность в социальной безопасности возникает тогда, когда само общество со всеми его возможными недостатками (отсутствие справедливости, недостаточное технологическое развитие, ограниченная свобода и т.п.) в целом воспринимается как абсолютная ценность в противовес хаосу.

¹ Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995. С. 340.

Все это служит поводом для обращения серьезного внимания на формирование мировоззренческих позиций современной молодежи, определяющих их нравственную, политическую и правовую культуру. Гуманитарные науки во все времена и при всех типах политических режимов выполняли и выполняют в обществе роль специализированного фактора в подготовке подрастающего поколения, так как дают представление о государственном уровне сознания в различных его формах: нравственное, политическое и правовое сознание. Вместе с этим именно благодаря своей специфике гуманитарные науки дают обучаемым такие знания, которые не только заставляют их соглашаться с услышанным, но и порождают здоровый скептицизм, выстраивая сложную цепь ассоциаций. Уникальность гуманитарных знаний как средства саморазвития и самореализации человека, без которых невозможно представить нравственно сформированную личность, заключается в том, что они одновременно влияют и на разум, и на чувства, и на волю.

Сегодня образование, будучи укорененным в реальном обществе, зависимым от него, вынужденным следовать определенному социальному заказу, должно при этом и опережать развитие общества, в какой-то мере «вести» его, так как имеет дело с самим воспроизводством и развитием общества, то есть с его будущим в лице молодежи. Формирование нравственной культуры молодых специалистов сегодня осознанно воспринимается как одно из важнейших условий обеспечения социальной безопасности, которая в первую очередь зависит от самого человека

А.П. Кареева

Горнохимический комбинат (г. Железногорск)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлена авторская интерпретация института безопасности и его институциональной формы «социальная безопасность» на различных уровнях российского социума (мак-

роуровень, мезоуровень, микроуровень). Теоретико-методологической основой исследования стали труды ученых, сформировавших основные подходы к пониманию концепции «общества риска», теории институциональных матриц, социальной безопасности, социологии труда и универсальной социологической парадигмы.

Институт безопасности. Концептуальные аспекты «общества риска», взятые из трудов Н. Лумана, Э. Гидденса и У. Бека,¹ позволили рассмотреть современное общество как рискогенное, где риски проявляются на всех уровнях социума, а безопасность является нормативным идеалом, главной ценностью. Именно понимание того, что безопасность является ценностью рискогенного общества, позволило отнести ее к базовым институтам современного общества.

Опираясь на теорию институциональных матриц, разработанную С.Г. Кирдиной², было выявлено, что формирование данного института происходило исторически, а в его основе лежат исторически устойчивые социальные отношения. «Внутренняя структура» института безопасности устойчива и сохраняет свое содержание на протяжении длительного исторического времени. «Институциональная структура» мобильна. Она представляет собой конкретные образцы, способы, организации, в которых проявляется порядок взаимодействия социальных субъектов.

Впервые вопрос о защите человека от внешних угроз был поставлен в античный период развития общества, продолжен во время великих географических открытий. Промышленная революция, и особенно бурно развивающийся XX век, расширили списки возможных рисков. В этот период риск становится оборотной стороной прогресса. Появление новых рисков привело к необходимости их осмысления и минимизации с помощью различных мер безопасности. Современный мир не только не смог

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 146 с.; Луман Н. Понятие риска// THESIS. 1994. № 5. С. 135-160; Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. М., 2004. 120 с.

² Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

избавиться от рисков, он их глобализировал. При этом глобализировался и институт безопасности. На сегодняшний день даже правильнее говорить о том, что в современном обществе сформировалась своеобразная «идеология безопасности», которая определяет поведение людей, нормы и их ценностные ориентации. Человечество на протяжении всей своей истории искало способы избавиться от рисков или хотя бы минимизировать их последствия. Поэтому «необходимость достичь безопасности» легла в основу коллективных и индивидуальных человеческих действий, а в исторической ретроспективе позволила выработать устойчивые социальные отношения к обществу риска. Кратко охарактеризуем их так: «достичь относительной безопасности в ситуации социального риска». При этом неотъемлемым элементом этих социальных отношений выступает страх, который проявляют индивиды на всех уровнях социума, находясь в ситуации социального риска.

«Внутреннюю структуру» института безопасности составляют следующие особенности: глобальность и систематичность проявления, проникновение во все уровни социума (от макро до микро), сформированность устойчивых социальных отношений, которые можно охарактеризовать как «стремление достичь относительной безопасности в ситуации социального риска», наличие чувства страха, превентивный характер используемых мер для устранения риска.

Институциональные формы современного института безопасности также формировались исторически. Так в период великих географических открытий вопрос устранения риска решался только количественно (страхование сделок, выплата неустойки и так далее) и входил в сферу влияния юридических и экономических наук. Начиная с промышленной революции, данный вопрос рассматривался более масштабно. Появляются качественные характеристики риска, вводится понятие «многомерности человеческого поведения». В XX веке с развитием «технологического риска» появляется институт экспертов. На сегодняшний день в качестве экспертов могут выступать наука, СМИ, общественные движения, отдельные социальные институты или субъекты, формирующие общественное мнение, то есть все те, кому удастся объяснить человеку, какой риск опасен, степень этой опасности,

а также уровень социально-приемлемого риска для общества. Возникает значительное количество видов риска, а значит, и видов безопасности, направленных на их устранение.

Социальная безопасность на макроуровне. Понятие «социальная безопасность» в научной среде стало использоваться довольно недавно. Толчком для ее изучения стал процесс развития капитализма, в ходе которого происходит разделение экономической и социальных сфер. Переосмысление самого термина «социальная безопасность» происходит в России в 1990-е годы в связи с возникновением в самой стране социальных угроз для населения.

На сегодняшний день социологи рассматривают социальную безопасность с различных точек зрения, например, как составную часть национальной безопасности, как защиту от целого комплекса разных угроз для населения, причем не только социального, но и экономического, экологического и другого характера, в свете глобализации и так далее. В данной статье социальная безопасность проанализирована как институциональная форма института безопасности, которая представлена на всех уровнях социума.

Анализ социальной безопасности на макроуровне показал, что социальная безопасность вписывается в традиционную для России X-матрицу и находится в тесной взаимосвязи с ее базовыми идеологическими институтами, а именно институтами коллективизма, эгалитаризма и порядка. Данная матрица, предложенная С.Г. Кирдиной, определяет особенности функционирования социальной безопасности на всей территории страны. Федеральные органы власти формируют стратегию, тактику, принципы, иерархическую структуру, выбирают средства, методы, определяют приоритеты и перспективы. Социальная политика при этом выступает средством, которое применяет российское государство для минимизации социальных рисков, возникающих в обществе. Региональные и местные органы все это реализуют.

Для понимания особенностей функционирования социальной безопасности современного российского общества рассмотрены позиции Д.В. Зеркалова, В.Н. Кузнецова, В.Н. Келасьева, О.А. Гужвы, Г.Г. Пирогова, В.Ф. Халипова. Было определено, что на макроуровне социальная безопасность затрагивает такие

сферы социальной жизни человека, как работа, семья, образование, медицинское обслуживание, материальное благополучие, личная безопасность, самореализация, социальная стабильность. Результативность социальной безопасности определяют жители России. Если социальная безопасность не может устранить негативное внешнее влияние, или социальные риски, на данные сферы социальной жизни, то ее результативность признается отрицательной. Если может, то результативность признается положительной. Вектор результативности позволяет выявить тип социума, который преобладает в данный исторический период в российском обществе. При отрицательной результативности в обществе отмечается преобладание социума, угрожающего жизнедеятельности человека, при положительной результативности – социума, положительно влияющего на жизнедеятельность человека. Исходя из всего вышесказанного, институциональная форма, которой представлена социальная безопасность на макроуровне, получила название «положительная жизнедеятельность».

Социальная безопасность на мезоуровне. Раскрытие особенностей социальной безопасности на мезоуровне, то есть на уровне современного российского промышленного предприятия, осуществлено через изучение социальных резервов труда. За основу взята структура трудовых резервов, предложенная Ж.Т. Тощенко.

Субъектом и объектом социальной безопасности промышленного предприятия выступают наемные работники. Несмотря на то, что работник является определяющей фигурой любого производственного процесса, средства производства, которые он использует, ему не принадлежат. Главное, что принадлежит ему самому, – это труд. Он продает его, вступая в трудовые отношения с предпринимателем, и получает за него вознаграждение. Постоянное влияние рискогенной среды, в которой находится каждое современное российское промышленное предприятие, заставляет наемных работников стремиться обезопасить себя от ее воздействия, то есть достичь относительной безопасности в ситуации риска. При этом многие из них испытывают страх. Страх потерять самое главное, что у них есть, – вознаграждение за трудовые отношения.

Исторический анализ понятия «вознаграждение за трудовые отношения» позволил выделить социальные резервы труда как основу современной системы социальной безопасности российского промышленного предприятия. В социальной среде предприятия данные резервы снижают возникающие социальные риски. Они затрагивают такие сферы производственной жизни, как экономическое благосостояние работника, его производственную безопасность и условия труда, профессиональный рост, творческую активность, ощущение работником социальной стабильности и получение им обратной связи.

X-матрица, доминирующая в российском обществе, накладывает отпечаток на функционирование социальной безопасности на мезоуровне. При этом решение стратегических вопросов социальной безопасности возлагается на отрасль, за предприятиями остаются вопросы ее реализации. Средством реализации социальной безопасности выступает социальная политика предприятия. Она призвана изменять социальную среду промышленного предприятия до тех пор, пока у наемных работников не исчезнет страх потери вознаграждения за трудовые отношения. Если в ходе реализации социальной безопасности у наемных работников уменьшается страх потери вознаграждения, то социальная безопасность признается результативной. Если нет, то она претерпевает изменения, начиная с отраслевого уровня. Вектор результативности социальной безопасности промышленного предприятия позволяет выявить тип производственного социума, который преобладает в данный исторический период в социальной среде промышленного предприятия. При отрицательной результативности на предприятии отмечается преобладание социума, угрожающего наемному работнику потерей вознаграждения за трудовые отношения, при положительной результативности преобладает социум, повышающий у наемного работника уверенность в сохранении вознаграждения за трудовые отношения. Таким образом, институциональная форма социальной безопасности на микроуровне получила название «резервы труда».

Социальная безопасность на микроуровне. Основу социальной безопасности данного уровня составили потребности наемных работников. Их удовлетворение с помощью социальной

безопасности приводит к снижению страха потери вознаграждения за трудовые отношения и наоборот.

Для анализа особенностей социальной безопасности на данном уровне использовалась универсальная социологическая парадигма. Ее центральным элементом выступил методологический принцип минимального универсума, предложенный В.Г. Немировским.¹ Принцип, выражая наиболее общие законы развития материи, представляет собой матрицу, на основе которой осуществляется процесс развития любой системы. Опираясь на него, была изучена результативность социальной безопасности через анализ удовлетворения потребностей работников с позиции трех уровней, пяти стадий развития системы. Теория потребностей А. Маслоу определила особенности функционирования социальной безопасности на данном уровне. Созданная им иерархия показала, что реализация потребностей происходит снизу вверх. Сначала происходит удовлетворение низших, врожденных потребностей, заложенных генетически, затем высших, которые удовлетворить сложнее всего. Исходя из всего вышесказанного, институциональная форма, которой представлена социальная безопасность на микроуровне, получила название «удовлетворение потребностей».

Е.А. Некрасов

УВО по г. Красноярску – филиал ФГКУ «УВО ВНГ России по Красноярскому краю»

НИГИЛИЗМ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

В современном российском обществе сложилось довольно устойчивое мнение о представителях государственной власти в лице правоохранительных органов как о лицах, слабо знающих

¹ Немировский В.Г., Кудрявцева В.И. Универсальный подход к динамике социальных систем: анализ и прогнозирование. Красноярск, Минск, 2003. 158 с.

нормативную базу общегражданских прав, свои должностные обязанности и их взаимосвязь. Имеется лишь понимание «паточной» системы и нежелание помогать гражданам в их случившейся беде.

Молодежь как основа будущего и важнейшая составляющая жизнедеятельности общества в настоящем представляет особый интерес. Важно помнить, что проблемы становления молодежи, ее развития и успешной идентификации являются отражением того, как это общество развивается, в каком направлении идет.

Направление развития общества, его количественные и качественные параметры формируются под воздействием социальных тенденций. Направление их изменения во многом определяют деятельные социальные субъекты, массы обычных граждан.¹

В российской социальной философской мысли сложились три подхода к проблемам молодежного нигилизма. Первый, который можно назвать социально-классовым, исходит из того, что молодежь в российском обществе относится к группе социальной депривации и риска, и в современной России не существует строго выстроенной государственной политики, которая способствовала бы интеграции молодежи в общество и направляла на общественное благо ее социальный потенциал.

По мнению М.Н. Руткевича, Д.В. Петрова, Э.А. Макаревича, российская молодежь, несмотря на внешние признаки социальной апатии и группового эгоизма, быстро политизируется, и этот процесс принимает деструктивные с позиции социальной стабильности формы, в виде социального исключения и частичного участия в деятельности радикальных организаций.²

Второй подход, который продолжает традицию структурного функционализма (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, С.В. Полутин), исходит из того, что российская молодежь как субъект социального воспроизводства недостаточно включена в общественные процессы в силу неадекватности интеграционных социальных и социально-профессиональных механизмов и отсутствия инте-

¹ Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб.: Социополис, 2009.

² Щупленков О.В. Молодое поколение: социально-философский аспект в исследовании. Есентуки, 2018.

гральных, ценностно-деятельностных ориентаций молодежи, склонности ее к девиантному поведению.¹ Российская молодежь является периферийной социальной группой, ее конструктивный потенциал не используется, так как этому мешает узость рынка труда, отсутствие запросов общества на социальную активность молодежи. Таким образом, российские ученые Ю.А. Зубок и С.В. Полутина делают выводы о двойственной роли молодежи в российском обществе, согласно которой молодежь выступает как субъект социальной активности и содержит позиции социального риска, связанные с воспроизводством в молодежной среде радикальных настроений.

К сторонникам третьего подхода можно отнести Г.А. Чередниченко, Л.И. Ионина, которые утверждают, что молодежный нигилизм связан с особенностями молодежной субкультуры.

Анализ существующих теоретико-методологических подходов к проблеме молодежного нигилизма показывает, что, несмотря на несомненные теоретические результаты и обобщения в осмыслении феномена молодежного нигилизма, целесообразно выдвинуть субъектно-деятельностный подход, который анализирует молодежный нигилизм через выявление когерентности социальных, политико-организационных, идейно-нравственных позиций. Под крайностью как сущностной характеристикой молодежи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностями в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. На полюсах крайних настроений имеется фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние.²

Однако стоит отметить, что в споре рождается истина и главная задача – чтобы в споре с представителями правоохранительных органов ни один субъект не вышел из рамок правового поля. Развитие гражданского общества не может не радовать, т.к.

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 39.

² Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильям К. Молодежь в обществе риска. М., 2001. С. 58.

означает, что граждане осознают и знают свои права, они могут и осуществляют мероприятия по их защите.

Однако стоит обратить внимание, что процессуальных действий по обжалованию неправомерных действий представителей правоохранительных органов немного, большую часть занимает обиденное желание показать другим членам общества выявленный факт несовершенства действующей системы либо желание привлечь к своей ситуации внимание, а не принимать действия по ее решению.

Примеров таких действий множество (парковка служебного автомобиля вневедомственной охраны на инвалидном месте возле одного из торговых центров, бездействие участкового уполномоченного при вызове, связанном с нарушением общественного порядка, большое количество видеороликов с нарядом ГИБДД и пр.)

Стоит отметить, что многие факты конфликтных ситуаций становятся резонансными ввиду доступности средств фото- и видеофиксации (смартфоны с прямым доступом в интернет-ресурсы) и развитости современных интернет ресурсов, их оперативности и масштабности.

Зачастую многие конфликтные ситуации становятся возможны из-за ряда причин, взаимосвязанных и действующих в комплексе:

- межличностный конфликт между сотрудником и задерживаемым;
- непрофессионализм сотрудников и неспособность объяснить свои действия;
- непонимание оснований и процедуры задержания, незнание законных способов защиты своих прав задерживаемым;
- нежелание знать, что помимо прав у задерживаемого есть и обязанности;
- неправильная трактовка законодательства задерживаемым.

Отдельного внимания заслуживают обстоятельства защиты чести и достоинства самих сотрудников правоохранительных органов. Ведь именно наружным нарядам приходится пресекать противоправные действия со стороны нарушителей. Ребята выступают всегда на стороне действующего законодательства и не должны поддаваться эмоциональной составляющей (как часто

бывает – провокации и оскорбления, домогательства и даже попытки самобичевания с целью последующего обвинения сотрудников). В жизненных ситуациях, когда помощь нужна при семейном конфликте, между родителями, разделяющими право на ребенка, имущественном споре о правах аренды в торговом центре, соблюдении требований к проведению митингов, защите жизни и здоровья граждан, сотруднику крайне сложно работать и без эмоционального давления.

Довольно часто у сотрудников наружных нарядов формируется профессиональная деформация в части принятия как должного обстоятельств оскорбления личности, мундира при выполнении ими своих должностных полномочий.

Пути решения вышеуказанных проблем кроются в комплексной работе над всей системой правоохранительных органов (один из примеров: сотрудникам групп задержания вневедомственной охраны выдали служебные баллончики со слезоточивым газом с целью нелетального воздействия на нарушителей) и изменении образа мышления каждого индивидуума и общества в целом через воспитание и пропаганду в СМИ правильного законного статуса сотрудников правоохранительных органов.

Ведь только при условии взаимного уважения общества и системы правоохранительных органов возможно развитие и построение цивилизованного государства.

Ю.Л. Сироткин,

кандидат социологических наук, доцент

Казанский юридический институт МВД России

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Духовность является фундаментальным основанием правовой культуры человека. Духовность задает ценностный вектор присвоения правовых норм и неукоснительного их соблюдения. Чем духовно богаче человеческая личность, тем выше ее правовая культура. Значимость духовности как базовой составляющей

правовой культуры возрастает в силу осознания того, что качество жизни обуславливается далеко не в последнюю очередь ее духовным содержанием и насыщенностью. Духовность многомерна в своей сущности и проявлениях, что обогащает социальное пространство правовой культуры инновационными векторами эволюции, одним из которых является индивидуальное нормотворчество. В этом случае правовая культура становится критерием полноты духовной жизни человека как открытой индивидуальности, в которой сочетается аналитический, интуитивный и духовный интеллект. Такое сочетание определяет специфику человека как субъекта правовой культуры и ее носителя. Духовное начало актуализирует способности человека к усвоению конструкторов правовой культуры в единстве множественности и активизирует потребности в сотворчестве. Духовный интеллект целостен по своей природе и устремлен к новым видам творчества. Духовность и право функционируют в пространстве личностно-креативного типа культуры, что обеспечивает их восприятие человеком как единства множественности.

Личностно-креативный тип культуры характеризуется доминантой общения и диалога, в которых заложен потенциал освоения человеком правовых норм, составляющих основу правовой культуры. Общение и диалог вводят человека в духовно- и культуурообразующее пространство, вектор эволюции которого интерпретируется как движение от осознанной самооценности «Я» к осознанию ценности Другого. В этом видится высший смысл освоения правовой культуры. Духовность в своем основании имеет мораль. Взаимосвязь и взаимодействие духовности и морали осуществляется по принципу соотношения внешнего и внутреннего; внешняя сторона связана с моралью, внутренняя – с духовностью. Духовность и мораль объединяются человеком посредством воли и реализуются в ответственном поступке. В то же время необходимо учитывать оппозицию морали и права. Имеются в виду ситуации, когда право, защищающее минимальные общественные ценности, обладает меньшей нравственной ценностью для человека. В этом случае моральные отношения становятся основными регулятивными механизмами (К.Н. Костюк). Тем не менее правовая культура в качестве одного из компонентов имеет моральный долг, который является императивом. Духовность обладает потенциалом саморегуляции и самоконтроля,

который препятствует выходу человека за границы, определенные правовой культурой. Квинтэссенцией духовности человека является состояние персональной свободы и ответственности.

Духовная культура человека представляется в качестве основания правовой культуры. Духовная культура многомерна по своему содержанию и проявлениям; она строится на взаимном уважении людей, свободе и ответственности. Духовная культура находит проявление в отношениях; она одновременно внутренняя и внешняя. Внешние и внутренние компоненты духовной культуры образуют целостность. Внешние проявления дают основания для оценки внутренней состоятельности человека и его способности осуществлять свою активность в пределах правовой регламентации.

Ресурс духовности как основание правовой культуры составляет духовное образование. В их характеристике ограничимся рядом примеров. Верность как постоянство и преданность; устойчивость по отношению к принятым нормам. Надежность как интегративное качество, обеспечивающее стабильность отношений. Долг в значении обязанности, внутренних и добровольно принимаемых обязательств и т.д.

Показателем правовой культуры человека, основание которой составляет духовность, является способность к индивидуальному нормотворчеству как процессу творческого освоения правовых норм. В контексте нормотворчества нормы выступают в качестве образца, который подлежит присвоению. В процессе нормотворчества нормы не только усваиваются, но и становятся устойчивыми компонентами индивидуального сознания. В ходе присвоения актуализируется единство предписывающего и оценочного моментов, заключенных в содержании норм. Правовая культура проявляется в способности человека осуществлять самоконтроль. Предполагается также овладение механизмами саморегуляции. Нормы становятся факторами саморегуляции. Индивидуальная поведенческая программа предполагает ответственность за свои действия. Долг и ответственность обеспечивают действие механизма саморегуляции. Саморегуляция способствует превращению правовой нормы в личную. Статус личной нормы исключает ее нарушение, что является показателем правовой культуры личности.

Таким образом, становление правовой культуры человека осуществляется в парадигме «духовность – мораль – право».

И.С. Карпикова,

кандидат экономических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Е.И. Нефедьева,

кандидат экономических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

**СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО И ПАРАЗИТИЗМ
В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
КАЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹**

Многоаспектность и сложность понятия социального иждивенчества определяют разнообразие исследовательских траекторий в ходе его изучения и практических решений по снижению масштабов распространения данного явления. Актуальность и необходимость подобных действий в современной России не вызывает сомнений. В то же время стоит отметить, что к числу особенностей российской практики в сфере ограничения масштабов распространения социального иждивенчества относится недостаточная изученность данного феномена. Исследования практик социального иждивенчества в России характеризуются фрагментарностью, в большинстве случаев носят описательный характер², не подкреплены эмпирическими исследованиями. Слабая изученность явления не дает возможности принятия обоснованных управленческих решений для снижения масштабов укорененности практик социального иждивенчества и паразитизма.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» на реализацию научного проекта № 17-03-00477-ОГН «Влияние идей патернализма на поведенческие стратегии: исследование практик социального иждивенчества и социального паразитизма отдельных категорий населения».

² Кузнецов И.С. Социальное иждивенчество: вызов современности // Проблемы устойчивого развития российских регионов : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Тюмень, 2016. С. 349-350.

Авторы данной работы являются участниками исследовательской группы, которая в рамках реализации проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), проводит теоретико-эмпирическое исследование причин и факторов, типологий, проявлений социального иждивенчества в современной российской социальной практике. Выполнение проекта рассчитано на период 2017-2018 гг.

Центральной частью данного проекта является проводимое масштабное эмпирическое исследование, цель которого – сбор и интерпретация данных, всесторонне характеризующих степень распространенности и укоренения, содержание и специфику практик социального иждивенчества и паразитизма среди представителей отдельных категорий населения в современной России. Исследование проводится на территории одного из субъектов Российской Федерации – Иркутской области, поскольку в России основным уровнем формирования комплекса мер социальной защиты, обеспечивающих «питательную среду» для социального иждивенчества и паразитизма, является региональный. Кроме того, проблемы регионов при реализации социозащитных практик во многом схожи.¹

Социальное иждивенчество и паразитизм являются следствием одного и того же явления – сверхзащищенности отдельных категорий населения, порождаемой существованием современного социального государства и развитостью институтов социальной политики. В то же время социальное иждивенчество зачастую является следствием невозможности для индивида содержать себя самостоятельно, без помощи государства, и в таком проявлении не приводит к возникновению противоправных практик. Иное дело социальный паразитизм, в основе которого находится сознательная установка индивида на удовлетворение своих потребностей за счет других, имея возможность удовлетворять их посредством собственных усилий и ресурсов. Такая позиция в итоге может привести и зачастую приводит к противоправным

¹ Карпикова И.С., Зимина Е.В., Соломеин А.А. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 1. С. 125.

практикам, поскольку законные способы не обеспечивают «социальному паразиту» желаемый объем социальных благ.

В рамках реализуемого исследовательского проекта, характеризующегося комплексным подходом к изучению феномена социального иждивенчества и паразитизма в современной России, одним из важнейших рассматриваемых вопросов является роль нормативно-правовых механизмов на федеральном и региональном уровне в продуцировании и укоренении практик социального иждивенчества и паразитизма. Изучение данного аспекта потребовало выполнения ряда исследовательских действий:

– анализа содержания нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней в области социальной защиты населения и социальных гарантий на предмет выявления возможностей злоупотребления при получении социальных благ;

– проведения качественных социологических исследований методами экспертного интервью и фокус-группы.

Экспертами качественного исследования, проведенного во второй половине 2017 г., стали руководители законодательной и исполнительной ветвей власти регионального и муниципального уровня, руководители и специалисты министерств и ведомств социальной и социозащитной направленности на уровне региона, представители учреждений социальной защиты и социального обслуживания региона, руководители и специалисты некоммерческих организаций, работающих с социально незащищенными категориями населения, а также представители вузовской и научной общественности, занимающиеся проблемами социальной работы и социальной защиты.

В ходе полуструктурированного интервью были опрошены 84 эксперта, проживающих и работающих в разных городах Иркутской области (в городах Иркутске, Ангарске, Шелехове), а также в трех сельских районах. С целью верификации и углубленной интерпретации результатов экспертного интервью была проведена фокус-группа в формате круглого стола, в которой приняли участие 28 экспертов, включая членов исследовательской группы.¹

¹ Карпикова И.С., Нефедьева Е.И., Седых О.Г. Социальное иждивенчество и паразитизм в продуцировании противоправного поведения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 168-169.

В результате проведенного исследования были получены данные, которые позволили ответить на вопрос о роли нормативно-правовых механизмов на федеральном и региональном уровне в продуцировании и укоренении практик социального иждивенчества и паразитизма. Рассмотрим некоторые полученные результаты.

Для выяснения возможных реализуемых населением противоправных практик в социозащитной сфере прежде всего необходимо было получить ответ на вопрос о том, какие категории населения из числа слабозащищенных наиболее склонны к формированию настроений социального иждивенчества и паразитизма. В ходе проведения интервью к таким категориям населения были отнесены дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей (23,8% экспертов отметили данную категорию) и инвалиды (22,1%). В тройку «лидеров» также попали безработные (15,6%). Значительное количество респондентов из числа экспертов отметили в качестве категории населения, склонной к проявлениям социального иждивенчества, пожилых и престарелых (13,9% экспертов). Представители остальных категорий населения, среди которых были названы мигранты, многодетные семьи, лица без определенного места жительства, студенты, неполные семьи и другие, по мнению экспертов, склонны к проявлениям социального иждивенчества и паразитизма в гораздо меньшей степени.

В то же время приводимые экспертами примеры из реальной социозащитной практики свидетельствуют о том, что случаи иждивенческих настроений и паразитического поведения встречаются среди представителей всех категорий населения, в том числе не относящихся к социально слабозащищенным.

Перечень законодательно закрепленных норм, дающих возможность, по мнению экспертов, проявления и укоренения практик социального иждивенчества и паразитизма, весьма разнообразен. В данном перечне в равной степени присутствуют как федеральные, так и региональные законы Иркутской области. Сгруппировав их по сферам осуществления социозащитных практик, получаем следующие результаты:

– в сфере оказания социальной помощи нуждающимся семьям и отдельным гражданам – № 178-ФЗ «О государственной

социальной помощи» и № 73-ОЗ «О государственной социальной помощи отдельным категориям граждан в Иркутской области»;

– в сфере поддержки семей с детьми, в том числе с приемными, – № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», № 256-ФЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей», № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», а также № 63-ОЗ «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей», № 92/58-ОЗ «Об отдельных вопросах осуществления деятельности по опеке и попечительству в Иркутской области» и № 130-ОЗ «О пособии на ребенка в Иркутской области»;

– в сфере обеспечения социальных прав и гарантий детей-сирот – № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и № 164-ОЗ «О порядке обеспечения детей-сирот жилыми помещениями в Иркутской области»;

– в сфере занятости отдельных категорий населения – Трудовой кодекс РФ и № 1032/1 «О занятости населения в Российской Федерации»;

– в сфере социальной поддержки мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев – № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», № 4528/1 «О беженцах», № 4530/1 «О вынужденных переселенцах», Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и др.

Данный перечень не исчерпывает всех указанных экспертами нормативно-правовых актов, но даже предложенный список отражает наличие многочисленных возможностей злоупотреблений мерами социальной поддержки, закрепленных законодательно. Кроме того, указание экспертами на определенные нормы права сопровождается многочисленными примерами, анализ которых также дает возможность систематизировать наиболее часто встречающиеся проявления социального иждивенчества и паразитизма.

Так, подтверждается мнение экспертов о детях-сиротах как категории населения, наиболее склонной к иждивенческому поведению, например, в сфере занятости (отказ работать при наличии законодательно закрепленной возможности получать боль-

шое пособие по безработице) или при реализации права на жилое помещение. Распространенной практикой среди малообеспеченных семей и инвалидов является отказ от трудоустройства или возможности занятия предпринимательской деятельности в пользу сохранения имеющихся социальных выплат и иных мер поддержки, которые обеспечивают скромное существование, но не требуют приложения дополнительных усилий. Множество примеров иждивенческих практик приведено в отношении мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, статус которых также дает им законодательно закрепленную возможность получения значительного объема социальных благ и злоупотребления своим положением.

Конечно, приведенные примеры в большей части не свидетельствуют прямо о наличии противоправных действий, но сама возможность получения каких-либо благ лишь на основании определенного статуса может стать фактором формирования противоправных установок в дальнейшем, если объем благ перестанет устраивать получателя, а работать и зарабатывать он не привык. Особенно данный постулат применим к категориям населения в молодом трудоспособном возрасте, например к мигрантам или к лицам, отнесенным к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

В то же время существуют примеры перехода иждивенческих и паразитических поведенческих установок в криминальные. К таковым относятся ситуации, связанные с использованием материнского (семейного) капитала. Такой вид социальной поддержки, право на который получили многие российские семьи, подтолкнул часть из них к попыткам незаконного использования средств. Количество случаев мошенничества с материнским капиталом не так велико, но само их наличие свидетельствует о распространении паразитических поведенческих установок среди представителей разных категорий населения, даже относительно благополучных.

Вышесказанное дает нам основание утверждать, что современное российское социальное законодательство предоставляет достаточно возможностей для реализации практик социального иждивенчества и паразитизма, переходящих в ряде случаев в противоправное поведение. Важную роль в снижении масштабов

распространения иждивенческих и паразитических установок среди разных категорий населения должна сыграть экспертиза социального законодательства как на стадии подготовки законов, так и в ходе их реализации. Одним из инструментов экспертизы является проведение научных исследований подобных тому, некоторые результаты которого изложены в данной работе.

Г.Р. Хайдарова,

доктор философских наук

Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия»
им. адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова
(г. Санкт-Петербург)

МЕДИАПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ ПОСТ-ПРАВДЫ¹

На сегодняшний день философской проблемой, напрямую связанной как с внутривнутриполитической, так и с внешнеполитической безопасностью, является активное вторжение медиасреды как особой сферы жизни в институциональные процессы. Более того, можно сказать, что медиасреда как стихия со своей неопределенностью и нестабильностью, высокоскоростным информационным потоком определяет все социальные взаимодействия. Поэтому речь пойдет не столько о совершенствовании устоявшихся институциональных форм и способов противодействия преступности, сколько о включении совершенно новых опций с учетом медиaprостранства как равноценного другим дисциплинарным социальным пространствам. Широкая вовлеченность всего населения в публичное медиaprостранство, существенное влияние сетевых форм коммуникации приводит к конвергенции или гибридизации привычных форм: взаимослияние медиасреды и среды жизни приводит к формированию новой сферы реализации государственных задач, а именно к медиаполитике госу-

¹ Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного РФФИ № 18-011-00414-а, «Политики медиа», СПбГУ.

дарства. Нас интересует прежде всего специфическая часть этой медиаполитики, связанная с имиджевой политикой.

В практическом плане противодействия преступности проблема может быть сформулирована так: насколько можно, пользуясь медиасредой как новой средой обитания, включающей социальные сети и Интернет, сформировать позитивный имидж добропорядочного законопослушного гражданина, коммуникативно активного и реализующего себя в виртуальном социальном пространстве. Вместе с тем многие маргинальные формы личного выражения могут найти применение и осуществление на специально созданных сетевых площадках, социально значимых, с высоким пользовательским рейтингом. Участие в процессах социальной сетевой коммуникации и, соответственно, создание среды с конструктивной созидательной направленностью не только позволяет в виртуальной форме «проиграть» и исполнить нереализованные разрушительные или девиантные намерения, но и определяет социально приемлемые, позитивные образы поведения, чувствования, размышления. Имиджевая политика имеет значение не только во внешнеполитическом пространстве – создание образа миролюбивого, современного и процветающего государства, но имидж как формирование и практика публичного проявления влияет на образ жизни каждого гражданина.

Хотя современное «общество зрелищ» потребляет наиболее активно яркие и броские образы, причем конвенциональность таких образцов обусловлена их доступностью и легкой считываемостью, тем не менее сила воздействия образа традиционно используется и в воспитательных, и в социальных технологиях. Имиджевая политика предполагает инсценирование, исполнение найденного и прицельно действенного образа. Но если традиционное ритуальное культурное инсценирование имеет сакральный характер, связано с актуальным исполнением в нем наличной культуры, то в случае имиджевых воздействий речь не только о сознательной манипуляции воображением, но и об удачном и успешном вовлечении (мобилизации) наработанных и известных смыслов с помощью всем доступного массового образа. Точно найденный образ, имеющий исторические аналогии и культурные инварианты, мобилизует потенциал воображения, то есть характеризуется особой мощностью воздействия. Образ в этом случае функцио-

нирует как *imago*: он не столько отсылает к символическому богатству и разнообразию культурного контекста, сколько выполняет инструментальную роль. Однако проблемой, требующей длительного и непрерывного усилия, все же остается воспитание гражданского самосознания, связанного в своем выражении с личной свободой и с личным моральным решением.

Кроме указанной целенаправленной и «технологичной» работы с медиасредой актуальным представляется непрерывный анализ этой среды, имеющей своеобразную рациональность – медиарациональность. Высокий динамизм, текучие актуальные и взаимоисключающие процессы в медиасреде создают скорее представление о стихийности и иррациональности этой среды. Кроме того, множество взаимодействующих и претендующих на воздействие анонимных акторов этой среды вместе с неограниченными возможностями перекодирования, переинтерпретации, подстановок и дезинформации создают привычность ситуации пост-правды, поддерживаемой виртуальностью и отсутствием прямого действия. Необходимость навыков медиаанализа у каждого человека, выработка способности дифференцировать поток информации и выявлять агентов воздействия с их интересами и манипулятивными намерениями вполне очевидна и может быть даже названа современной медиаграмотностью. Способность противостоять медиаманипуляции также может быть и должна вырабатываться превентивно, и это задача государственной медиаполитики.

Проблемой, однако, становится экстраполяция феномена пост-правды с его размыванием границ между истиной/ложью в контекст всей социальной жизни, что уже является настоящей угрозой стабильности жизни общества. Общество, утратившее границы между истиной и ложью, не может гарантировать легитимность и справедливость, в нем в принципе отсутствует оправданность действий и доверие правопорядку. (Весь семантический ряд, связанный со словом «правда», – справедливость, право, оправдание, праведность – оказывается под вопросом.)

В случае медиасреды термином пост-правда подвергается сомнению, по всей видимости, само разделение на рациональное и иррациональное. Если «объективная» истина не может быть иррациональна, то правда и справедливость зачастую только и могут случиться как иррациональные. Это очевидно в случае

(не)справедливой кары богов, неожиданно настигающей мифологического и античного героя вопреки всяким расчетам на оправданность их действий по меркам человека (предельный случай – история Иова). Об иррациональном характере морали и морального решения, принимаемого вопреки всему, в том числе вопреки личной выгоде, пишет Адорно после социальных потрясений и опыта тоталитаризма¹. Однако термин «пост-правда» фиксирует новую ситуацию – исключения справедливости и правды как значимых, даже если и иррациональных ареалов. Гибридная цифровая реальность больше не кодируется в таких бинарных оппозициях как правда/неправда и справедливость/несправедливость. Но скорее учреждается в многократно репрезентированной сценической форме – в исполняемой роли анонимного актора, в воплощаемом имидже. И даже консервативные структуры традиции (как, например, воинские) могут быть представлены всего лишь имиджем, разыграны как версия (одна из ряда) или гламурный образ.

Проблема права на признание и на оправдание в ситуации постправды слишком очевидна: есть ли еще у кого-то надежда быть оправданным, есть ли еще надежда восстановить достоинство, когда уже нет границ между фейком и другим фейком, и, как следствие, нет доверия? (Если вспомнить Томаса Гоббса, то одной из трех причин войны является недоверие). Ситуация постправды как раз и фиксирует отсутствие презумпции честности, абсурдность претензии на справедливость, невозможность доверия. Медиасреда, гибридизируя и нейтрализуя оппозицию рациональное/иррациональное в сторону «цифровое», обостряет вопросы несправедливости и свободы, доброй воли и солидар-

¹ «Бывают ситуации столь невыносимые, что вы уже более не в состоянии содействовать царящему злу. И вам все равно, что произойдет потом и была ли у вас возможность поступить как-то иначе», – говорит об абсурдной акции 20 июля 1944 года один из ее участников. Этот момент сопротивления, когда человек попадает в невыносимые условия и стремится их изменить, невзирая на последствия своих действий и на условия, которые, если их предварительно теоретически рассмотреть, окажутся совсем неблагоприятными, – этот момент сопротивления и является тем пунктом, где следует искать иррациональность морального действия, где этот иррациональный момент локализован». (Адорно Т. Проблемы философии морали.)

ности, покорения воображения и суверенного решения. Тем не менее, постправда – это не негативная констатация об отсутствии истины; термин указывает на отсутствие печати тайны на чем бы то ни было (алетейи Хайдеггера). Все подвержено технологической и прагматической цифровой обработке. Но тайна – один из ключевых элементов в ответе на вопрос: что такое человек. Без тайны человек подставлен бытию беззащитным.

Архиепископ Дмитрий Тракателлис, православный богослов и философ, в монографии «Власть и страдание» выделяет среди основных факторов, угрожающих людям, «экзистенциальную неправду», тогда как для слов Иисуса характерна «власть истины»: «Небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут» (Мк 13:31). Десакрализация всякой истины, в том числе секулярной истины, связанной с правопорядком, в ситуации медиасреды, характеризуемой термином «пост-правда», представляет собой серьезную проблему, требующую внимания исследователей философов, социологов, правоведов и др. Ориентирование в стихии медиасреды связано с качественным гуманитарным образованием, способствующим формированию личности с надежной основой самосознания.

М.В. Маслакова,

кандидат педагогических наук, доцент

Тюменский государственный институт культуры

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИНФОРМАЦИОННОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

На сегодняшний день изучение понятия «информационное воздействие» получило особую актуальность, так как в современном мире информация все чаще используется в качестве мощного оружия в информационных войнах.

Любой человек, особенно живущий в мегаполисе, ежедневно сталкивается с большим объемом информации. И только в том случае, если он имеет хотя бы малейшее представление о

том, что такое азы информационной грамотности и умеет правильно дозировать данные, его психике ничего не угрожает. Однако если же он бездумно поглощает продукцию, производимую СМИ, без какого-либо анализа или осмысления, то становится идеальным объектом для всевозможных информационных воздействий и манипуляций.

Как человеку не «потеряться» в этом объёме постоянно поступающей информации, извлекая оттуда только самые необходимые ему сведения, в достоверности которых он может быть абсолютно уверен? Какие способы существуют для того, чтобы отфильтровывать данные, оградив себя от негативного воздействия информации? Любому потребителю информации необходимо понимание того, что такое информация, как она воздействует на индивида и какими способами можно защититься от ее негативного воздействия.

Существуют два понятия, без которых понимание того, как осуществляются информационное воздействие на индивида и манипуляции с ним, невозможно. Первое – это информация. Под информацией понимаются сведения, данные, сообщения, передаваемые с помощью коммуникационных каналов и технических средств связи: знаков, кодов, символов, образов, несущих смысловую нагрузку, способных повлиять на физическое и психическое здоровье. В информации всегда заложен какой-либо смысл. Кроме того, её можно рассматривать в двух аспектах: в положительном и в отрицательном.

На сегодняшний день практически вся информация рассчитана для массового потребления. «Массовая информация» – это понятие стало употребляться все чаще. Под ним понимают сведения, доступные для восприятия большой аудиторией.

Для информации характерен ряд свойств¹:

- информация всегда является результатом отражения какого-либо объекта;
- информация не может существовать вне её материального кода;

¹ Владимирова М.Б. Информационное воздействие: механизмы и защита // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5. С. 65.

- на может служить как фактор управления;
- одна и та же информация может существовать в разных кодах;
- информация обладает синтаксическими, а также содержательными и ценностными характеристиками.

Второе понятие, без которого невозможно понимание того, как осуществляется информационное воздействие – это «массовая коммуникация». Под массовой коммуникацией понимают процесс передачи информации для обширной аудитории.

Функциональное назначение массовых коммуникаций заключается в наблюдении за средой, корреляции разных частей общества, передачи социокультурного наследия.

Разобравшись в том, что же такое информация и массовые коммуникации, можно перейти непосредственно к информационным воздействиям.

Все ситуации, во время которых на человека оказывается информационное воздействие, можно разделить на три группы.

К первой группе можно отнести ситуации, в которых происходит непосредственное общение и обмен информацией между индивидами, а также опосредованное, которое осуществляется с помощью телефона, почты, Интернета и прочего.

Во вторую группу входят ситуации, в которых индивид подвергается информационному воздействию со стороны одного коммуникатора или их группы. Например, митинги или иные мероприятия с участием большого количества людей.

К третьей группе относятся те ситуации, в которых на человека оказывают информационные манипуляции СМИ. Это происходит, когда человек слушает радио, смотрит телевизор, читает газеты или журналы, т.е. во время взаимодействия с различными информационными технологиями.

На сегодняшний день информация играет основную роль во всех сферах жизни человека. Производители информации научились подавать ее так, будто она действительно является важной и необходимой. В этом случае осложняется возможность целостного восприятия реальности, так как в условиях огромного количества информации между мышлением и действиями человека встают технологии, которые отделяют одно от другого. Таким образом, человек оказывается своего рода раздвоенным. Всё

это является хорошей почвой для манипулирования массовым сознанием и разбалансировкой информационного здоровья.

Информационное здоровье – это состояние психического, физического и социального благополучия, формируемое в результате информационного воздействия.

Общество, в котором мы живем, без сомнения, становится информационным. Бесспорно, информация является одним из самых необходимых человеку явлений, но, к сожалению, с её помощью осуществляется огромное количество манипуляций. Так как же человеку защититься от нескончаемого потока поступающей информации? Как не позволить манипулировать собой и воздействовать на себя?

Существует множество приемов того, как оградить себя от воздействия манипуляций и сохранить информационное здоровье (обезопасить себя от негативного влияния информационных воздействий), среди которых отметить следующие:

- к потреблению информации нужно подходить осознанно;
- при получении информации уметь ее анализировать;
- необходимо учиться давать объективную оценку происходящим событиям;
- расширять свое сознание, пытаться воспринимать информацию комплексно и многогранно;
- обладать и развивать критическое мышление (т.е. человек должен ставить под сомнение полученную информацию и не должен слепо верить всей информации, которую получает);
- проверять достоверность полученной информации;
- вести здоровый образ жизни, так как ослабленным, больным и обессиленным человеком проще управлять и манипулировать;
- направлять все свои усилия на гармоничное и комплексное развитие.

Таким образом, негативная сторона современных информационных технологий такова, что инфопоток влияет на каждого человека по-разному и последствия могут сказаться на его информационном здоровье, поэтому предложенные способы способствуют эффективному противодействию информационным манипуляциям и ограждают человека от ненужной ему информации.

С.П. Дуреев,

кандидат философских наук, доцент

Сибирский государственный университет им. М. Ф. Решетнёва
(г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЧЛЕНОВ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе общественного развития в российской действительности наблюдается нестабильность в развитии общественных отношений, в результате чего существенно меняются нормы и правила социального поведения членов местного сообщества. Падение нравственности, искажение моральных принципов поведения выступают важнейшими причинами возникновения преступности в сфере жизнеутверждения местного сообщества. Не секрет, что преступность как социальное явление непосредственно связана с особенностями правового воспитания членов местного сообщества.

Моральные принципы являются первичным источником правового воспитания и формирования личности человека. Они обеспечивают регуляцию жизнедеятельности человека и общества, раскрывают стройность и законченность общественных отношений и выступают в качестве оформления его совершенства. С одной стороны, мораль относительно независима от существующей социально-экономической реальности, а с другой стороны, мораль есть результат практической деятельности общества. Выступая результатом практической деятельности, нравственным учением, мораль является отражением не только внутренних нравственных законов социального бытия, но и нравственной культуры конкретного исторического этапа общественного развития. Кроме того, в конкретно-историческом образе морали отражаются внутренние нравственные законы общества – отношения человека к миру, к обществу, к самому себе. В образах морали отражается уважение к общинному устройству социальной жизни с её внутренними нравственными законами, к человеку, к труду. В этом смысле мораль представляет собой нравственное

учение, формирующее этические характеристики членов местного сообщества: честь, достоинство, совесть, справедливость.

Справедливость пронизывает все аспекты бытия евразийского пространства – и природу, и общество, и духовный статус человека. На этом основании справедливость представляет собой этический императив, регулирующий все сферы бытия человека, общины и государства. С этой точки зрения справедливость выступает как мера самоконтроля, не позволяющая человеку нарушать установленные им же самим правила поведения.

Наличие внутренней связи в многообразии социальных норм придавали местному самоуправлению того периода внутреннюю нравственную силу или внутренний закон – внутреннюю правду. Нормы права в евразийской концепции местного самоуправления образуют внешнюю нравственную силу, внешнюю правду или внешний закон – закон как высшую форму правовых норм, основанную на внешнем принуждении. Для того чтобы сохранить существующую псевдосферу функционирования самоуправляемая община периодически обращается и к справедливости внутреннего нравственного закона, и к справедливости внешнего закона. Закон должен соответствовать внутренним потребностям общественной жизни, «закон есть отчина в каждом обществе, <...> подчинение чуждым законам есть уже явный признак падения общества. Законы должны вытекать из исторической жизни народа»¹. Противоречивое взаимодействие этих двух противоположностей (внутреннего нравственного закона и внешнего закона) обеспечивает не только воспитание и формирование личности человека, но и совершенство общественных отношений, они придают стройность, законченность и полноту бытия в сфере жизнеутверждения местного сообщества.

Представитель русского права И. Ф. Залеский акцентирует наше внимание на том, что закон – это норма права, в которой государство закрепляет требования общественной жизни. В отличие от западных представлений, согласно которым нормы права раскрывают лишь степени свободы, в русском мировоззрении правовые нормы основаны на принципе пользы и направлены на

¹ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 2011. С. 32.

воспитание наилучших качеств в народе, тем самым устанавливая новые оформления нравственности, законченности, полноты бытия, а следовательно, и новые оформления совершенства. На этом основании закон у И.Ф. Залеского выступает как высшая форма права, которая отличается «ясностью, точностью и определённой своих требований; наивысшей степенью целесообразности <...> эта форма права не только может быстро изменять своё содержание соответственно изменяющимся требованиям жизни, но и оказывает во многих случаях несомненно благотворное влияние на общество»¹. Тем не менее именно нравственность как духовное начало, согласованное с совестью и с законами правды, формирует полезные для общества правила поведения, ведущие его по пути общественного развития. Среди всех социальных норм, считает И.Ф. Залеский, нравственность выступает высшим императивом совершенства общественных отношений. При этом соблюдение внутренних законов нравственности имеет более важное значение как для воспитания личности человека, так и для совершенства общественных отношений.

Усвоение внутренних законов нравственности образует тесную связь с ограничением и мерой, которые также выступают необходимым и существенным условием воспитания и формирования личности человека. Соблюдая указанные принципы, каждый член местного сообщества, с одной стороны, в своей деятельности ограничивает себя сам, а с другой стороны, границы его деятельности ограничивают окружающие социальное и культурное пространства. При этом нравственное самоограничение, самодисциплинированность, способность к самоорганизации раскрывают степень правового воспитания членов местного сообщества и направлены на их духовное совершенствование.

Итак, нормы права и внутренние нравственные законы выступают как единое целое. При этом в основе норм права должны находиться стандарты справедливости, которые устанавливают связь между нравственностью и правом. Наиболее точно, с нашей точки зрения, эту связь раскрыл В.С. Соловьёв. Он показал, что быть нравственным – значит быть совершенным, это

¹ Залеский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. Казань, 1897. С. 293.

цель общественного развития. Поэтому нормы нравственности всегда обращены в будущее – они предполагают полноту бытия человека и общества, бесконечное совершенствование человека. В противоположность нравственности нормы права выступают как необходимое и достаточное условие существования человека и общества, они должны формировать условия для благоприятного воспитания членов местного сообщества, развития общественных отношений и их непрерывного совершенствования.

В этой связи государство призвано защищать членов местного сообщества от всякого вмешательства безнравственных людей. Для этого нормы права, дополняя нравственный закон общества, обеспечивают законченность и полноту бытия членов местного сообщества, обеспечивают совершенство общественных отношений. В.С. Соловьёв подчёркивает, что «право есть принудительное требование реализации определённого минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла, <...> нравственный интерес требует, чтобы внешние проявления личной свободы сообразовались с условиями существования общества, т. е. не с идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех. Эта безопасность, не обеспеченная безусловным законом, нравственным самим по себе, как не существующим для людей безнравственных, ограждается принудительным законом юридическим, имеющим силу и для них»¹.

Вполне очевидно, что нормы права не могут и не должны устанавливать цели общественного развития. Если в либеральной концепции местного самоуправления нормы права регулируют все сферы общественной жизни, а теоретики социальной философии либерализма вообще предполагают «отмирание» государства и замену его правом; если в консервативной концепции местного самоуправления нормы права выступают интерпретацией требований принятого к реализации общественного идеала; то в российской действительности нормы права всегда выступали как явления, имеющие временную ценность – они не определяли ни цели общественного развития и не являлись сред-

¹ Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 72-73.

ством реализации какого-либо социального проекта «совершенного общества».

Основное назначение нормы права – обеспечивать совершенство общественных отношений, они призваны минимизировать влияние безнравственности на внутреннюю жизнь местного сообщества. Нормы права предназначены устанавливать равновесие между индивидуальной свободой и нравственными законами местного сообщества.

При этом стремление нравственного совершенства общественных отношений внутри сферы жизнеутверждения местного сообщества как оформление законченности, полноты бытия местного сообщества, т.е. как оформление его совершенства. В такое совершенство государство должно вписывать совершенство правовых норм, которые охраняют местное сообщество от внешнего вмешательства и воздействия. Следовательно, основная цель норм права – служить нравственному совершенствованию членов местного сообщества. Например, П.И. Новгородцев прямо указывает: «Служить целям нравственного прогресса, помогать нравственному началу распространяться среди людей – вот высшая задача права»¹.

Итак, законы нравственности формируются и устанавливаются не органами государства, не единичным актом лица, а «всем миром» – членами местного сообщества. Если субъектом норм права выступает государство, то субъектом внутренних законов нравственности – прежде всего семья, сословия, одним словом, все члены местного сообщества. Если объектом норм права является человек и общество, то объектом внутренних законов нравственности являются и человек, и местное сообщество, и вся природа. Законы нравственности формируются и устанавливаются вековыми усилиями народа, с помощью которых упорядочивается бытие общества, создаются предметы материальной и духовной культуры. В отличие от норм права, имеющих формальный признак, формирование законов нравственности обусловлено общинными и государственными началами бытия русского народа. Поэтому законы нравственности, по сравнению с другими социальными нормами, имеют более высокое значение.

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 526-527.

Они обеспечивают реализацию потребности в совместной деятельности («всем миром», «всей землёй»), где и реализуется основная потребность – совершенствование общественных отношений между людьми, совершенствование отношений между обществом и природой. Подобный стандарт совершенства предполагает «симфонию» единства норм права с другими социальными нормами.

В данном случае стандарт совершенства отражает такое состояние общественных отношений, при котором все члены местного сообщества соединены всеобщей связью. В этом отражается целостность бытия местного сообщества, основанная на единстве внутренних законов нравственности, на основе коллективистских традиций общинного бытия. Коллективистский тип социальных связей предполагает формирование в сфере жизнеутверждения местного сообщества внутренних законов нравственности, идеалов добра, правды и справедливости, которые выступают в качестве прообраза, а образом действительности является человек, развивающийся от менее совершенного к более совершенному и утверждающий единство общества и человека. Здесь социальная интеграция достигается за счёт принципов коллективизма, самоограничения индивидуальных действий и целей. Содержание норм права тесно связано с нравственными законами местных сообществ и предполагает совершенствование общественных отношений как отношений между симфоническими (совершенными) субъектами.

Необходимо подчеркнуть, что нормы нравственности всегда выступали не только основанием для воспитания и формирования личности человека, совершенствования общественных отношений, но и вели к духовному и хозяйственному (материальному) совершенствованию России. Например, домострой показывает нам внеправовой характер отношений между членами местного сообщества. Нравственные законы регулируют отношения между членами семьи, членами местного сообщества и подчиняют каждого человека общепринятым нормам жизни не только в семье, но и в сфере жизнеутверждения местного сообщества. Домострой подчёркивает ведущую роль семьи в реализации нравственных законов как основы бытия общества и государства. В семье всегда нормы нравственности и обычаи стоят выше установ-

ленных государством норм права, а в обществе человека уважают по нравственным делам его. Следовательно, сформированные в быту внутренние нравственные законы устанавливают диалектическую связь не только с результатами хозяйственной деятельности, но и с процессом правовой социализации членов местного сообщества, усвоением ими стандартов правового поведения.

В заключение следует отметить, что наличие диалектической связи между законами нравственности и нормами права не только обеспечивает правовое воспитание и формирование личности человека, но и выступает необходимым условием противодействия преступности. Началом этого процесса является усвоение членами местного сообщества моральных принципов поведения и общения, социальных и нравственных запретов и требований.

В.Ю. Ховес,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК ФАКТОР ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Правопослушное поведение детерминировано, с одной стороны, нравственным воспитанием и правовой культурой личности, а с другой – неотвратимостью наказания за правонарушение. «Право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад. основополагающий принцип права – «не делай другому того, чего не желаешь себе»¹.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (дата обращения: 16.09.2018).

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви говорится, что профилактика преступности возможна прежде всего через воспитание и просвещение, направленные на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей. В этом деле Православная Церковь призвана к активному взаимодействию со школой, средствами массовой информации, правоохранительными органами. При отсутствии в народе положительного нравственного идеала никакие меры принуждения, устрашения или наказания не смогут остановить злой воли. Именно поэтому лучшей формой предотвращения нарушений закона является проповедь честного и достойного образа жизни, особенно в среде детей и юношества.

Православная проповедь помогает людям быть образованными в самом высоком значении этого слова. «Слово «образование» восходит к слову «образ». По образу и подобию Своему сотворил Господь человека. Задача образования и состоит в воссоздании, в восстановлении этого образа, разрушенного и оскверненного»¹.

Проповедническое слово, обращенное к душе человека, призвано способствовать благодатному ее изменению. Особенно сложна миссия пастыря, обращающегося к молодежи. Именно молодежь наиболее остро воспринимает несправедливость и лицемерие того мира, который «лежит во зле» [1 Ин. 5:19]. Священник же обращается к молодым людям с проповедью любви.

Православная проповедь способна помочь глубже прочувствовать ту истину, что именно в любви заключается возможность духовного роста, без которого нет цельности, и полноты человеческого бытия. «Бог на нас смотрит и видит *возможность* красоты, которая в нас есть, видит в нас то, чем мы можем быть, и ради того, *что* Он видит, Он нас принимает. И потому, что мы любимы, потому, что с нами случилось это чудо, что кто-то в нас увидел не дурное, а прекрасное, не злое, а доброе, не уродливое, а чудесное, — мы можем *начать расти* из изумления перед этой любовью, расти из изумления перед тем, что этой любовью нам показана наша собственная красота, о которой мы не подозрева-

¹ Мысли русских Патриархов от начала до наших дней. М.: Сретенский монастырь. Новая книга. Ковчег, 1999. С. 509.

ли. И вот нам надо помнить, что единственный способ возродить человека, единственный способ дать человеку возможность раскрыться в полноте – это его любить: любить не за его добродетели, а несмотря на то, что он несовершенен, любить просто потому, что он человек... Так относится к нам Бог»¹.

Проповедуя Евангелие как заповедь любви, пастыри, обращаясь к молодежи, и не только к молодежи, не обходят молчанием тему семьи и брака, столь важную и для человека, и для общества. Пастыри объясняют, что Церковь, высоко оценивая подвиг добровольного целомудренного безбрачия Христа ради, никогда не относится пренебрежительно к браку и семье, но благословляет их. «Семья как домашняя церковь есть единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви. Опыт семейного общения научает человека преодолению греховного эгоизма и закладывает основы здоровой гражданственности. Именно в семье, как в школе благочестия, формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит, и к своему народу, к обществу в целом. Живая преемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории»².

Молодые люди приходят в Церковь, понимая, что это Церковь глубоко патриотическая. Православие сплачивало народ, помогало ему сохранить самосознание, выстоять в тяжелейших испытаниях. Напоминая о подвигах святых подвижников Отечества, православные проповедники обогащают знания молодых прихожан, помогают утвердить в их сознании представление об историческом пути нашего народа, укрепить чувства гражданственности и патриотизма.

Во времена официальной атеистической идеологии среди молодежи насаждалось представление о православном учении как якобы чуждой рациональному познанию и далекой от актуальных вопросов повседневной жизни догматике. Церковь опровергает это представление своей социальной концепцией, делами благотворительности, в которые активно вовлекает и молодежь.

¹ Митрополит Сурожский Антоний. О любви в современном мире. Избранные фрагменты из проповедей и статей // Любовь и интимность: поиск духовного смысла. М.: Храм Трех Святителей на Кулишках, 2003. С. 311.

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

Но молодежь нуждается и в таких житейских советах со стороны Церкви, как, оставаясь православными людьми, добиваться успеха в практических делах, в работе, карьере. Молодость, здоровье, жизненная активность побуждают думать о мирской жизни; мудрость памятования смерти приходит, как правило, в более зрелом возрасте.

И православный проповедник объясняет, что Церковь, сохраняя приоритет духовно-нравственных ценностей над образованием как способом развития исключительно абстрактного, рассудочного мышления, считает важными рациональное познание и просвещение. Молодежь слышит от священника слова о необходимости быть хорошо образованным человеком, плодотворно работающим профессионалом как долге православного христианина и патриота России.

Проповедь говорит о восхождении человека к Небу, но также и о его земных обязанностях, о любви к Богу и о любви к человеку. В проповеди священник дает советы о преодолении духовных болезней: меркантильного стяжательства, гордыни, эгоизма. Вместе с тем, проповедь учит думать и делать правильный жизненный выбор.

Священник не обещает своим молодым прихожанам легкой жизни в Православии. Он напоминает о том, что жизнь православного христианина – это путь личностного развития, самоограничения, обуздания безнравственности. В проповеди священник помогает молодежи приобщиться к духовно-нравственным богатствам, выработанным человечеством.

Церковь обращает свою проповедь и к тем, кто совершил правонарушение и подвергнут законному наказанию. Правонарушение трактуется Церковью как следствие греховного помрачения человека и как злоупотребление данной человеку свободой воли. *«Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления»* [Мф. 15. 19].

Православная концепция права признает принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление. Вместе с тем Церковь верит в возможность развития, преображения человека, способного очиститься от скверны греха, от последствий правонарушения. Сам грех рассматривается как болезнь. В молитве православного священника, входящей в чин Исповеди, есть слова: «Пришел еси во врачбницу, да не неисцелен отыдеши».

Под влиянием христианского мировоззрения наказание стало рассматриваться в юриспруденции не как средство устрашения и не просто в качестве кары, но как путь к исправлению правонарушителя. В круг понятий светского права вошли смягчающие вину обстоятельства, раскаяние – покаяние, милосердие, прощение (амнистия), помилование.

Речь, разумеется, не идет о помиловании или прощении закоренелого злодея, нераскаянного грешника. Под воздействием церковного учения о смертных грехах сложилось юридическое представление о преступлениях, не имеющих срока давности и непрощительных, если человек не имеет раскаяния. Духовно окормляя осужденных, Церковь стремится к нравственному исцелению искалеченных душ.

В Красноярской Митрополии ведется большая работа, связанная с проблемами профилактики преступности и рецидивов правонарушений, в том числе в молодежной среде. Действует бессрочное соглашение о сотрудничестве между Митрополией и ГУ МВД по Красноярскому краю. Сотрудничество ГУ МВД и Церкви в Красноярском крае имеет многолетнюю историю. Священники входят в состав общественных советов при территориальных органах внутренних дел, духовно окормляют несовершеннолетних правонарушителей, занимаются духовно-нравственным просвещением сотрудников полиции. В свою очередь, полицейские помогают обеспечивать общественный порядок во время проведения богослужений и крестных ходов. Совместно организуются мероприятия спортивно-оздоровительного и социально-просветительского характера. Пастырские труды священников были высоко оценены начальником ГУ МВД по Красноярскому краю.

Патриарх Кирилл напоминает, что «молодежь — это передняя линия борьбы не только за будущее, но и за самого человека. Если мы вырываем из лап греха молодые души, то мы совершаем великое дело. Церковь не может не иметь молодежной темы в своих приоритетах именно в современных условиях. Мы делаем и будем делать все для того, чтобы изменилась жизнь человеческого общества. Чтобы такие понятия, как доброта и сила духа, стали бы притягательными для молодежи»¹

¹ Святейший Патриарх Кирилл о духовно-нравственном воспитании молодежи. URL: http://philology.ucoz.com/index/o_pравoslavii/0-26 (дата обращения: 16.09.2018).

Д.С. Загутин,

доктор философских наук, профессор

Ростовский юридический институт МВД России

ТРАНСПОРТНЫЕ ДЕВИАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Реальностью XXI века – века развития социума постиндустриального типа – стали внешние и внутренние вызовы, такие как процессы глобализации и вестернизации, перманентные социально-экономические трансформации и финансово-экономическая нестабильность, проявления мультикультурализма и продукции массовой культуры, возрастание роли мультимедийной среды и электронных СМИ, частичная деградация, дисфункция институтов социализации и снижение роли семьи как института социализации¹, что наряду с нарушением преемственности между поколениями (т.н. ценностный «разрыв» поколений) ведет к расцвету и подъему различных видов аддиктивного поведения среди молодого поколения россиян.

Большинство исследований показывают, что различные виды аддиктивного поведения, обычно ассоциирующиеся с зависимым поведением взрослых людей, уходят корнями в молодежный возраст – физиологически и социально уязвимые годы, связанные с развитием, когда личность молодого человека только формируется, вырабатываются его ценностно-смысловые жизненные ориентации, когда актуальными являются проблемы становления личности с точки зрения направленности поведения.²

¹ Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х. Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40, № 1 (40). URL: http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y_2016/3527 (дата обращения: 27.06.2018).

² Гафиатулина Н.Х. Социологический анализ социального здоровья студенческой молодежи юга России в рамках теории структурной маргинальности // Инженерный вестник Дона № 1, ч.2 (2015). URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1p2y2015/2826; Руженков В.А., Лукьянцева И.С., Руженкова В.В. Аддиктивное поведение студенческой молодежи: систематика, распространенность, клиника и профилактика // Научные ведом-

Жизненный опыт молодёжи недостаточен и представления о зависимых и девиантных формах поведения – неустойчивы и размыты. Распространение среди современной российской молодёжи девиантных форм поведения и синдрома зависимости (аддиктивного поведения), к коим по праву можно отнести и транспортные девиации, служит симптомом социального неблагополучия в обществе и сигнализирует об утрате ценности здоровья в молодёжной среде.¹

О том, что трансформирующееся общество с его рисками отражается на социальном здоровье современной молодёжи, формируя у неё отклоняющиеся формы поведения, свидетельствуют социологические исследования.²

Действительно, сегодня значительно возросло количество видов спорта и экстремального спортивного досуга в молодёжной среде, принимаемых социумом как рискованные, в которых главным является не столько ловкость и тренированность, сколько преодоление опасных для жизни ситуаций, а также поиск и переживание острых ощущений.

Как подчеркивают О.А. Ахвердова и Н.Н. Волоскова, экстремальный спорт (экстремальный спортивный досуг) представляет собой обобщенное название различных видов спорта, сопряженных с высотой, глубиной, скоростью, изначально связанных с различными опасностями, серьёзным риском, травматизмом.³ К экстремальному спортивному досугу принято относить:

мости Белгородского государственного университета. 2015. №10 (207). Вып. 30. С. 13-25.

¹ Самыгин С.И., Колесникова Г.И., Загутин Д.С. Организация научно-исследовательской и педагогической деятельности в области управления персоналом. Ростов-на-Дону, 2015.

² Руженков В.А., Лукьянцева И.С., Руженкова В.В. Аддиктивное поведение студенческой молодежи: систематика, распространенность, клиника и профилактика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 10 (207). Вып. 30. С. 13-25; Самыгин С.И., Колесникова Г.И., Загутин Д.С. Указ. соч.; Загутин Д.С. Практический опыт реализации процесса интеграции дополнительного образования и вуза // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1. С. 36.

³ Volkov Y. Y., Krotov D. V., Rachipa A. V., Zagutin D.S., Zhapuev Z.A. Definition of the subjectivity of financial capital in sociological science // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5; Загутин Д.С., Сте-

сноубординг, скейтбординг, паркур, кайтинг, рафтинг, дайвинг, сёрфинг, рискованное вождение автомобиля, трейнсёрфинг (зацепинг).

В целом причины транспортной девиации в молодёжной среде, по нашему мнению, кроются в трансформации ценностей общества в результате реформирования всех сфер личностного развития молодёжи и популяризации идей индустрии развлечений и потребления, с одной стороны, а также в отсутствии реальных возможностей у молодых людей получения желаемого в силу их возрастного и социально-экономического положения – с другой. Как подчеркивает в статье, посвященной осмыслению проблемы трейнсёрфинга (зацепинга), С.И. Ворошилин, в современных европейских странах, отдельных городах США и Австралии трейнсёрфинг из видов молодёжного хобби трансформировался в практически молодёжное экстремистское движение, основу которого составил трейнсёрфинг на поездах пригородного и местного сообщения.¹

Длительное время считалось, что корни формирования девиантного и аддиктивного поведения (различных их видов и проявлений) лежат, в первую очередь, в семье, однако исследования последних лет в данной области убедительно доказывают многочисленное распространение не только экстремальных видов спорта, но и транспортных девиаций среди молодёжи из состоятельных и вполне социально благополучных семей, и причины кроются в глубокой трансформации общества.²

панова А.А. Влияние социальных сетей на социализацию молодежи: интенсивность, уровни, последствия // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2015. №1 (39). С. 111-116.

¹ Bayramov V.D., Raydugin D.S., Kirik V.A., Starygina A.M., Zagutin D.S. Inclusion and inclusive education: interpretation conflict // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5; Загутин Д.С. Особенности учебно-воспитательной работы, направленной на развитие культуры творческой деятельности студентов, в технических ссузах // Среднее профессиональное образование. 2007. № 11. С. 17-18.

² Культурология для студентов вузов / К.В. Воденко и др. Ростов-на-Дону, 2014; Сафуанова З.С. Социальные риски в молодёжной среде: проблемы и пути решения // Вестник Башкирского университета. 2011. С. 198-200; Гафиятулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи в усло-

Специалисты (физиологи, психологи, социологи) предполагают существование некоего экстремального гена, с которым при определенных условиях формируется тяга к рискованному девиантному поведению, расширяющему границы и заставляющему преодолевать страх. Освоенный элемент или трюк (по примеру с трейнсёрфингом) переходит в разряд опыта и умения и перестаёт приносить молодым людям ощущения новизны и остроты, что заставляет их стремиться к более трудному, рискованному элементу.

Аддикция в рамках современной науки определяется как навязчивая потребность, ощущаемая человеком, подвигающая к определенной деятельности. Социально-психологическая зависимость определяется как навязчивая потребность в использовании привычных стимулов, сопровождающаяся ростом толерантности и выраженными физиологическими и психологическими симптомами, причем рост толерантности – это привыкание ко все большей величине стимула.¹

Можно выделить следующие факторы (субъективного и объективного характера), которые могут инициировать возникновение у аддиктивной молодёжи девиантных форм поведения:

– массовая культура и популяризация на современном постсоветском пространстве идей индустрии развлечений и потребления;

– негативное воздействие молодёжной субкультуры, улицы, приоритет героям и идолам прозападной массовой культуры;

– социально-экономическое положение молодёжи;

– неблагоприятная социально-психологическая атмосфера в семье, нарушенные отношения между членами семьи; неполная семья;

– низкая информированность о последствиях для здоровья и жизни экстремального вида спорта и транспортных девиаций;

– невозможность удовлетворить свои актуальные потребности в сочетании с отсутствием устойчивых позитивных увлече-

виях риска трансформирующегося общества // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. №3 (31). С. 137-142.

¹ Менделевич В.Д. Психология зависимой личности. М., 2004.

ний, склонностью к азарту и азартным играм, неспособностью к организации адекватного, социально приемлемого досуга.

Очевидно, что с таким негативным социальным явлением, как транспортные девиации среди российского молодёжного сообщества необходима борьба.

На уровне государственной молодёжной политики важно разработать мероприятия по отвлечению молодёжи от социально неприемлемых форм девиантного поведения¹ (транспортных девиаций) и направлению их в сторону участия в социально регламентированных видах экстремального спортивного досуга, где организуется необходимая тренировка. Наиболее актуальным является развитие массовой воспитательной работы с молодыми людьми в направлении формирования социально приемлемого отношения к собственной жизни и жизни окружающих людей, противостоящего доминированию гедонизма, как смысла жизни, а также созданию социально-экономических условий вовлечения молодёжи во многие сферы жизнедеятельности общества.

¹ Загугин Д.С., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской студенческой молодежи в контексте реализации институциональных механизмов социальной поддержки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 41-45.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Безруков,

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Роль полиции в реализации Конституции Российской Федерации и конституционализации правопорядка

Эффективной реализации положений федеральной Конституции способствует процесс конституционализации отраслевого законодательства, что влечет укрепление конституционного правопорядка, повышает эффективность правового регулирования и деятельности государственного аппарата, включая органы обеспечения правопорядка.¹

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации не устанавливает систему органов исполнительной власти и не содержит перечень правоохранительных органов, ее положения аккумулируют в себе исходные конституционные основы деятельности тех или иных правоохранительных органов, включая органы внутренних дел (полицию), которые конкретизируются в положениях действующего законодательства. Следовательно, органы внутренних дел присутствуют в Конституции РФ в качестве элемента исполнительной власти (ст. 10, 72, 77, 78 Конституции РФ). Поскольку деятельность полиции осуществляется исходя из положений Конституции РФ и законодательства, соответственно,

¹ См.: Безруков А.В. Конституционализация правопорядка: сущность, реализация, условия // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 12-14.

ее функционирование должно рассматриваться сквозь призму Конституции Российской Федерации и развивающих ее положений правовых актов.

Полиция является одним из основных субъектов обеспечения правопорядка, просматриваются достаточные основания для включения ее в систему конституционализации правопорядка.

В современной доктрине конституционализация правопорядка на основе судебной интерпретации конституционных положений и законодательного обеспечения их реализации рассматривается в рамках конституционной телеологии как науки о целях и задачах конституционного регулирования. Конституционная телеология базируется на конституционных ценностях и принципах, а также выводимых через интерпретацию конституционных положений в практике конституционного правосудия.¹

Конституционализация рассматривается и в таких срезах, как «идеологическая» конституционализация, означающая восприятие законодателем конституционных принципов, ценностей и целей, конструирование и интерпретацию отраслевых норм в их духе; «нормативная» конституционализация как обеспечивающая соответствие отраслевого законодательства положениям Конституций РФ, которые в нем развиваются и конкретизируются; «практическая» конституционализация, включающая конституционализацию правоприменения и конституционализацию политики.² В доктрине встречаются и иные взгляды на понимание конституционализации, ее отражение в законодательстве.³

¹ Кравец И.А. Конституционная телеология и основы конституционного строя: научно-практическое издание. Издательские решения, 2016. С. 8-9.

² Лексин И.В. Конституционное право и конституционный судебный процесс в свете представлений о конституционализации отраслей российского права // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции. Часть 1. М., 2016. С. 228-229.

³ См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016; Кравец И.А. Конституционная телеология и основы конституционного строя; Алешкова И.А. Интегративная функция конституционных предписаний как основа конституционализации отраслей российского права; Варламова Н.В. Принципы права как основа его конституционализации;

Конституционализация правопорядка как процесс претворения конституционных принципов и ценностей в механизме установления и реализации правовых предписаний всеми субъектами правоотношений, участвующими в обеспечении правопорядка является перспективным направлением эффективного обеспечения правопорядка органами власти.

Конституционализация правопорядка складывается из трех составляющих элементов: 1) правотворческий, который проявляется в конкретизации и развитии в действующем законодательстве ценностей и положений Конституции РФ; 2) организационно-функциональный, предполагающий реализацию и применение правовых предписаний всеми субъектами обеспечения правопорядка, исходя из принципов верховенства Конституции РФ, ее высшей юридической силы и прямого действия; 3) институциональный, предусматривающий включение в механизм обеспечения правопорядка всех субъектов правовых отношений в качестве составляющей процесса конституционализации правопорядка.

Таким образом, эффективная реализация конституционных принципов интегрируется в отраслевом законодательстве, укрепляя взаимосвязь и корреляцию Конституции и законодательства, в реализации которого активно участвуют правоохранительные структуры, и в первую очередь полиция, обеспечивая и укрепляя правопорядок, тем самым участвуя в процессе конституционализации правопорядка в целом.

В современных российских условиях конституционализация предполагает формирование такого правопорядка, при котором обеспечивается господство права и верховенство Конституции РФ. Степень реализации Конституции РФ и конституционного законодательства показывает качественное состояние конституционного правопорядка в государстве. Последовательное осуществление конституционализации влечет укрепление конституционного правопорядка, предопределяет и связывает эффективность реализации конституционного законодательства и дея-

Невинский В.В. Конституционализация российского права: сущность, пределы // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). Часть 1. М., 2016.

тельности органов публичной власти. Соответственно, эффективное установление и укрепление правопорядка достигается посредством формирования качественной и консолидированной его нормативно-правовой основы, которая должна быть относительно стабильной и конституционно ориентированной.

Положения Конституции РФ ориентируют полицию на реализацию важнейших конституционных принципов, которые развиваются в действующем законодательстве. В ст. 1 Федерального закона «О полиции» установлено, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, обеспечения общественной безопасности и правопорядка, охраны собственности.

Деятельность подразделений МВД России по обеспечению правопорядка, прав и свобод человека и гражданина представляет собой систему организационно-правовых форм, которые группируются в юридической литературе по нескольким (от трех¹ до семи²) сферам деятельности. Представляется оптимальным сгруппировать четыре основных блока деятельности органов внутренних дел – административно-правовую, оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и организационно-правовую деятельность. Обобщенно охарактеризуем их.

1. *Административно-правовая деятельность связана с проведением мероприятий административно-правового характера*, реализуемыми органами внутренних дел. Такая деятельность наиболее обширна и объемна, связана с обеспечением правопорядка в общественных местах, безопасности дорожного движения, включает так же производство по делам об административных правонарушениях; профилактику административных правонарушений и др. Особенно значима роль полиции по обеспечению прав и свобод че-

¹ Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук М., 2006. С. 219-220; Сыдорук И.И. Государственно-правовое обеспечение правопорядка в Российской Федерации: монография. М., 2003. С. 99-120.

² Киричѐк Е.В. Полиция и институты гражданского общества в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: устоявшиеся постулаты, реалии и перспективы взаимодействия : монография. М., 2015. С. 65-75.

ловека и правопорядка при организации и проведении публично-массовых мероприятий, выборов и референдумов.

Первостепенно такая деятельность органов внутренних дел должна осуществляться исходя из принципов и предписаний, установленных Конституцией РФ, в первую очередь при условии обеспечения конституционных прав граждан, среди которых: право на охрану достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ), право на объединение и манифестации (ст. 30, 31 Конституции РФ), избирательные права (ст. 32 Конституции РФ) и др.

Содержательно такая деятельность непосредственно обуславливает эффективность деятельности полиции по обеспечению правопорядка, в том числе за счет применения мер административного принуждения. Исходя из целей, способов обеспечения правопорядка меры административного принуждения подразделяются на меры административного предупреждения, меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения, меры административной ответственности.¹

2. Оперативно-розыскная деятельность должна осуществляться уполномоченными сотрудниками на основе Конституции РФ, положения которой конкретизируются в действующем законодательстве и реализуются оперативными подразделениями.

Законодателем она определена как деятельность, осуществляемая гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, включая органы внутренних дел, которые в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» в пределах их компетенции осуществляют оперативно-розыскные мероприятия в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

¹ См.: Бецков А.В., Елагин А.Г., Николаев А.Г. Административно-правовые средства организации деятельности подразделений полиции специального назначения при обеспечении общественного порядка. М., 2014. С. 36-48.

Конституционное содержание оперативно-розыскной деятельности во многом обусловлено как системой конституционных принципов и задач, стоящих перед государственными органами в целом, так и конституционно-правовой регламентацией охраны, защиты и допустимости ограничения прав и свобод человека правоохранительными органами. Поэтому особенно важно в этой сфере деятельности сотрудникам полиции обеспечить соблюдение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, в частности право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни и жилища (ст. 23, 25 Конституции РФ). Ограничение таких прав человека возможно только по судебному решению, строго по основаниям и в порядке, установленном федеральным законом (ст. 22-25 Конституции РФ), что необходимо соблюдать органам правопорядка.

3. *Уголовно-процессуальная деятельность* во многом ориентирована на установление и обеспечение правопорядка. Рассматриваемая деятельность осуществляется многими органами государственной власти (судами, МВД, ФСБ, СК, ССП), в ней участвуют органы юстиции, прокуратура, иные органы. Органами внутренних дел уголовно-процессуальная деятельность осуществляется посредством предварительного расследования в двух формах: предварительного следствия и дознания.

Конституция РФ в главе 2 напрямую закрепляет важнейшие принципы уголовного судопроизводства, имеющие прямое действие, которые нашли отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и, безусловно, должны соблюдаться сотрудниками органов внутренних дел при осуществлении процессуальных и следственных действий. В их числе: право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ), презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ), недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ст. 50 Конституции РФ), право не свидетельствовать против себя и своих близких (ст. 51 Конституции РФ).

Сущность предварительного расследования заключается в получении доказательств и объективном установлении обстоятельств конкретного дела, по результатам анализа которых упол-

номоченным органом или должностным лицом принимается правоприменительное решение по делу.

Эффективность работы следственных подразделений МВД России в современный период подтверждается статистическими сведениями. В 2016 году всеми правоохранительными органами были раскрыты почти один миллион двести тысяч преступлений. Более 80% из них приходится на долю органов внутренних дел. Повысилась раскрываемость ряда наиболее опасных криминальных деяний. В первую очередь, убийств и покушений на убийство, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, похищений человека, изнасилований, разбоев, грабежей. Улучшились показатели работы следственных подразделений органов внутренних дел. Возросло число уголовных дел, направленных в суд. Почти в два раза сократилось количество прекращенных дел.¹

4. *Организационно-правовая деятельность* заключается в проведении организационно-управленческой и правовой работы, направленной на слаженную организацию функционирования и качественную нормотворческую деятельность подразделений органов внутренних дел.

Органы внутренних дел осуществляют подзаконное нормотворчество посредством аналитико-творческой деятельности, направленной на создание, изменение или отмену правовых предписаний в форме принятия нормативных правовых актов (приказов, распоряжений и др.). Ключевую роль играют правовые подразделения, которые осуществляют ведомственное нормотворчество, правовую экспертизу и правовой мониторинг.

Организационная деятельность сводится к четкому выстраиванию работы подразделений, отбору кадров, расстановке сил и средств, в профессиональной подготовке и обучении сотрудников вопросам организации работы по охране правопорядка и обеспечению прав человека. При осуществлении кадровой политики руководителям подразделений МВД России следует также исходить из положений ч. 1, 4 ст. 32 Конституции РФ, за-

¹ Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 09.03.2017. Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/document> (дата обращения: 10.01.2018).

крепляющей право граждан участвовать в управлении делами государства и на равный доступ к государственной службе.

В числе проблем организации нормативно-правовой деятельности органов внутренних дел остаются такие, как обеспечение соответствия ведомственных правовых актов федеральному законодательству и правовым актам, имеющим большую юридическую силу, качественность и своевременность правового регулирования, корреляция нормативных предписаний МВД России с предписаниями других правоохранительных структур, недопущение ошибок в нормотворчестве.

Таким образом, сформированная конституционно-правовая основа деятельности правоохранительных органов развивается в действующем законодательстве и на практике, а полиция является одним из важнейших субъектов реализации положений Конституции РФ и конституционализации правопорядка в целом.

А.А. Максуров,

кандидат юридических наук, доцент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ПРОБЕЛ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Понятие пробелов в уголовном праве распространяется на случаи, когда в целом правовая регламентация существует, но отсутствуют необходимые в данной ситуации правовые нормы или отдельные правовые предписания относительно объектов правового регулирования. Здесь под пробелами понимается либо отсутствие предписаний там, где они, исходя из норм, связывающих законодателя, должны быть, либо наличие таких предписаний, которые не выявляют (собственно в законе и при его применении к отдельному деянию) материальную сторону деяния и позволяют считать или не считать его преступлением.¹ Собст-

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 118.

венно отсутствие уголовно-правового запрета или указания на признаки деяния, расширяющие данный запрет, не является, как правило, пробелом права.

Отметим, что исходя из современного правопонимания установить четкое соотношение пробельности и иных случаев недостатка нормативного ресурса уголовного права для решения актуального правового вопроса довольно сложно. В отличие от дореволюционной доктрины в современной правовой науке отсутствует четкая систематизация данных явлений. Возможны два принципиальных подхода: 1) поскольку каждую подобную ситуацию можно представить как отсутствие необходимого нормативного установления, то все такие случаи следует отнести к категории пробельности; 2) поскольку различные случаи недостатка нормативного ресурса имеют собственную специфику и подчас правильнее говорить не столько об отсутствии нормативного предписания, сколько о несогласованности нескольких нормативных предписаний или о неточности, неоднозначности какого-либо предписания, то пробельность нужно признать лишь одной из форм регулятивной недостаточности.

Мы склоняемся ко второму из указанных подходов, учитывая достаточно значительную разницу в сущности проблем, связанных с недостатком нормативного ресурса закона.

На основе такого подхода можно выделить пробел и нечеткость уголовно-правовых норм. Пробел имеет место в случае, если сложный вопрос не входит в предмет регулирования ни одной из существующих норм, не является частным аспектом смысла одной или нескольких норм. В противном случае имеет место нечеткость нормативного решения. Последняя, также находясь в зависимости от соотношения между недостающим правилом и смыслом существующих норм, может существовать в форме неясности (неконкретизированности) или противоречивости закона. В случае неконкретизированности вопрос входит в предмет регулирования общей нормы, и для его решения требуется конкретизация ее содержания. В случае противоречивости вопрос входит в предмет регулирования сразу нескольких норм, но решается в них по-разному, поэтому необходимо установить пределы их действия (по времени, по территории, по кругу лиц, по

охватываемым обстоятельствам и т.п.), в сущности, также путем своеобразной конкретизации содержания одной или обеих норм.

При указанном понимании и исходя из специфики уголовного права следует отметить, что регулятивная недостаточность в Особенной части уголовного права может существовать в форме нечеткости нормативного решения либо полного пробела – частичные пробелы, пожалуй, невозможны. Если формулировка диспозиции статьи не позволяет сделать однозначный вывод о подпадании деяния под признаки того или иного состава преступления, имеет место нечеткость нормативного изложения содержания состава преступления; если то или иное деяние не подпадает под признаки существующих составов преступлений, имеет место полный пробел. Даже в случае, если конкретная форма поведения выглядит как разновидность нарушения, иные однородные формы которого прямо запрещены уголовным законом, следует признать наличие полного, а не частичного пробела, так как нераспространение нормы на данную форму поведения с точки зрения уголовного права означает отсутствие запрета – отсутствие состава преступления для данного деяния, т.е. его неправомерность.

Нельзя считать частичным пробелом Особенной части отсутствие специальной (квалифицирующей или привилегирующей) нормы, которая представляется необходимой с учетом общественной опасности деяния и опыта регулирования сходных отношений. Например, вопреки существующему мнению¹ не является пробелом отсутствие ответственности за вымогательство предметов, имеющих особую ценность, так как данное деяние подпадает под признаки общего состава вымогательства (ст. 163 УК РФ). Дополнение уголовного закона соответствующей специальной нормой (в том числе путем введения вымогательства в качестве формы совершения преступления наряду с хищением в ст. 164 УК РФ), по аналогии с установлением ответственности за

¹ См.: Панченко П.Н. Юридическая техника как фактор совершенствования уголовного законодательства // Проблемы юридической техники. С. 559; Чупрова А.Ю. Законодательная техника и вопросы ответственности за экономические преступления // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. С. 443.

вымогательство оружия, наркотических средств, радиоактивных материалов (ст. 221, 226, 229 УК РФ), может быть признано целесообразным, но не в порядке восполнения пробела.

Существует мнение, что непризнание в уголовном законе преступным какого-либо деяния не образует пробела, поскольку в этом случае соответствующее явление лежит вне сферы уголовно-правового регулирования, а следовательно, не существует и полных пробелов Особенной части.¹ Думается, это не согласуется с реалиями жизни, отраженными в материальном понимании преступления как общественно опасного деяния, требующего объявления его преступным в силу внутренних свойств. В этом, собственно, заключается важный источник совершенствования уголовного закона. Такой пробел может существовать изначально (если законодатель не учел всех общественно опасных проявлений) либо появиться в связи с развитием общественных отношений.

Мы осознаем, что систематизация видов регулятивной недостаточности не входит в задачи данного исследования. Кроме того, осуществить такую классификацию и провести четкое различие между отдельными формами весьма трудно. Поскольку все случаи объединены общей проблемой – недостатком именно нормативного ресурса закона, а не знаний о содержании норм права, и в плане стоящей перед нами задачи важно исследовать все такие случаи, то мы предпочитаем в дальнейшем использовать более общий термин – «регулятивная недостаточность» как означающий любой недостаток нормативных ресурсов уголовного закона для решения правового вопроса, возникающего в связи с потребностями правоприменения.

Ближе всего к истине, по нашему мнению, позиция М.А. Кауфмана, который определяет пробел в уголовном праве как «полное или частичное (неполнота) отсутствие в уголовном законе (УК РФ) нормативных установлений в отношении фактических обстоятельств, нуждающихся в уголовно-правовом регулировании, а также неопределенность уголовно-правовых норм, не позволяющая однозначно толковать их содержание (неконкретизированность), свидетельствующие о недостатке норматив-

¹ См.: Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. С. 140-145.

ного ресурса для решения проблем, обусловленных объективным развитием общественной жизни и потребностями практики применения уголовного закона»¹.

Вместе с тем, несмотря на значимость определения, предложенного М.А. Кауфманом, мы считаем его нуждающимся в уточнениях как с позиций юридической техники, так и с точки зрения методологии правовых исследований.

Во-первых, в определении следует прямо указать, что пробельность в уголовном праве и пробельность в уголовном законе – это тождественные явления.

Во-вторых, можно ли говорить о пробельности в случае неудовлетворенной нуждемости в уголовно-правовом регулировании или же это явление иного порядка? Кто вообще определяет нуждемость в данном случае?

В-третьих, всегда ли неконкретизированность является следствием недостатка нормативного ресурса? Может быть, речь идет скорее о недостатке юридической техники?

В-четвертых, вряд ли может пробельность исходить из потребностей практики применения уголовного закона.

Исходя из изложенного, мы определяем пробел в уголовном праве (законе) как вызванную объективным развитием общественных отношений и недостатками юридической техники разновидность правовой неопределенности, которая выражается в отсутствии необходимой нормы в уголовном законе для регулирования общественных отношений, объективно требующих такой регуляции, либо в невозможности однозначного понимания смысла нормы уголовного закона, наличие которых негативно сказывается в краткосрочном аспекте на эффективности правового воздействия в целом.

¹ См.: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления : автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2009. С. 7.

О.И. Мамина,

кандидат юридических наук

Российский университет транспорта (г. Москва)

**ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Понятие (термин) «преюдиция», имеющий, как и многие в юриспруденции, латинское происхождение (от *praejudicialis*, или, по другим версиям, *praejudicium*, *praejudicio*), означает «предрешение»; решение, «относящееся к предыдущему судебному решению»; наказание, «налагаемое на основании предыдущего решения» или, наконец, «предрешение вопроса и обстоятельство, позволяющее судить о последствиях».

Известно, что преюдиция широко применялась в различных процессуальных аспектах регулирования правоотношений как между властью и жителями Древнего Рима и территорий, относящихся к его юрисдикции, так и между самими жителями.¹ Преюдиция – это обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвуют те же лица. Стоит отметить, что этим термином может обозначаться как определенная процессуальная категория, название соответствующего правового института, так и конкретный вид юридических конструкций или специальное правило доказывания. В любом случае речь здесь идет о предрешении вопроса в сфере судебной практики, обязательности для всех судов, рассматривающих дело, принятия без проверки и доказательств фактов, ранее установленных вступившим в законную силу судебным решением по какому-либо другому делу. При этом речь идет именно о межотраслевой «предрешенности».

В российском законодательстве понятие «преюдиция» установлено рядом норм процессуального законодательства. В част-

¹ Лопатин С.А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 44.

ности, названная именно таким образом ст. 90 имеется в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Наличие преюдиции как основания для освобождения от доказывания определяет ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Примерно аналогичная формулировка содержится и в ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. И, наконец, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в ст. 64 также определяет, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которых установлены эти обстоятельства. Несмотря на то, что в конструкциях указанных правовых норм прослеживается достаточно много вариантов междисциплинарных и межотраслевых связей, в рамках исследования права в системе противодействия преступности предлагаем уделить внимание теоретическому исследованию лишь одного из видов преюдиции, а именно – административной преюдиции в уголовном праве.

Идея ужесточения наказания в случае неоднократного совершения противоправного деяния, положенная в основу теории административной преюдиции, имеет достаточно длительную историю. Еще в Псковской судной грамоте было предусмотрено: «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды вора милую не лишать жизни, а уличив (в воровстве), наказать в соответствии с его виною; если же он будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять (так же), как вора, обокравшего Кремль». Усиление наказания за тождественные противоправные деяния усматривается и в Великокняжеском Судебнике Ивана III 1497 г. На первый взгляд, вполне очевидным представляется, что в указанных случаях имеет место регулирование института рецидива. Однако, естественно, что законодатель того времени еще не уделял достаточного внимания детализации институтов права и развития отдельных юридических дефиниций. Но, как мы видим, уже существовало понимание того, что повторное совершение

преступления опаснее первого, поскольку говорит о сформировавшейся наклонности виновного лица к совершению дальнейших противоправных деяний и пренебрежению к нормам закона, и в связи с этим подлежит применению большая, чем при первом совершении проступка, мера ответственности. Таким образом, уже на данном этапе развития права сформировалась идея ужесточения наказания за неоднократность преступлений, которая развилась в дальнейшем в институт рецидива, а позднее и в институт административной преюдиции в уголовном праве.

Представляется, что административная преюдиция в определенном смысле выросла из института рецидива, и процесс ее развития как самостоятельного явления и правового института начался с разделения противоправных деяний на преступления и проступки. По-настоящему возможным отграничение этих правовых институтов друг от друга стало после вступления в силу Свода законов Российской империи 1832 г., где для характеристики деяния, запрещенного законом под страхом наказания, впервые был применен термин «преступление». Одновременно с этим, в статье 2 выделялись *маловажные преступления* или *проступки*, которые преступлениями не являлись. Именно здесь, на наш взгляд, и по мнению других исследователей просматривается законодательное деление противоправных деяний на «преступления» и «проступки».¹ Через некоторое время процесс систематизации отечественного законодательства привел к принятию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором понятия «преступление» и «проступок» были сохранены. Отметим также, что в качестве меры наказания за «проступки» здесь предусматривались арест и денежное взыскание. Таким образом, разделение противоправных деяний на два вида прочно закрепилось в российском дореволюционном законодательстве.

К началу XX века отечественное законодательство уже уверенно использует институт ужесточения наказания за неоднократность совершенных противоправных деяний. При этом, так же как и ранее, сходным по признакам с административной пре-

¹ См.: Кирин А. В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 53-56.

юдицией в уголовном праве является институт рецидива. Законодательство данного исторического периода уже выделяет проступки в качестве «маловажных преступлений», что говорит о зародившейся основе для их дальнейшего обособления и создания отдельной отрасли права для их регулирования – административного права. Так формировался прообраз административной преюдиции, однако до тех пор, пока «маловажные» преступления не обособились в понятие административных правонарушений, нельзя было говорить и о состоявшемся значении и применении административной преюдиции.¹

В первые годы советской власти в качестве средства криминализации отдельных правонарушений в законодательстве также использовались повторность, систематичность и совершение их в виде промысла, а также административная и дисциплинарная преюдиция. Такая практика сохранилась и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Например, статьей 79 этого УК устанавливалось, что неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, карается в первый раз административными взысканиями, налагаемыми соответствующими органами власти в пределах, законом определенных. Повторный и упорный неплатеж, или отказ от исполнения работ или повинностей, или иные действия, устанавливающие злостность неплательщиков, карается лишением свободы, или принудительными работами на срок не ниже шести месяцев, или другими наказаниями.

Составов преступлений с конструктивным признаком повторности, систематичности и промысла в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. на 1 июля 1950 г. содержалось 13.² В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. круг статей с административной преюдицией уже был расширен – здесь было около пятнадцати такого

¹ См.: Мосечкин И.Н. Административная преюдиция в уголовном праве России: некоторые вопросы зарождения и развития // Наука без границ. 2017. № 5 (10). 2017. С. 50-54.

² Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Том 2. С. 186-193.

рода статей, которые предусматривали ответственность за имущественные, хозяйственные, экологические, транспортные, преступления и преступления против порядка управления.

Законодательный отказ от административной преюдиции в постсоветский период был связан с уголовно-правовой реформой конца XX – начала XXI вв. Это решение носило концептуальный характер, затрагивая саму парадигму уголовного и смежного с ним законодательства. Один из упреков заключался в размытии оснований видов юридической ответственности. Таким образом, широко распространенная в советский период административная преюдиция не была включена в первоначальный текст Уголовного кодекса РФ.

Впервые в новой России к широкому применению и возвращению «хорошо знакомого с советских времен» института административной преюдиции призвал в 2009 г. Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, отметив, что «уголовное наказание – как на уровне закона, так и на стадии его применения судами – должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего». По сути, от главы государства прозвучал призыв использовать административную преюдицию в качестве средства гуманизации уголовного законодательства и сужения уголовной ответственности. В научном мире полемика по данному вопросу разделила ученое сообщество на сторонников и противников исследуемого института.

Позже, 3 декабря 2015 г., также в Послании Федеральному собранию РФ, но уже Президент В.В. Путин обратился к проблеме широкого внедрения административной преюдиции. Он попросил Государственную Думу РФ поддержать предложения Верховного Суда России о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние. Данная позиция была поддержана законодателем, что реализовалось в принятии ряда федеральных законов. Так, например, в числе прочих была введена уголовная ответственность за совершение мелкого хищения, совершенного лицом,

подвергнутым административному наказанию. На настоящий момент в действующем российском уголовном законодательстве административная преюдиция, по сути, скрыта под видом неоднократности и нашла отражение в ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, ч. 2 ст.314.1 УК РФ. В них предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности лица после наложения административного наказания за совершение тождественного правонарушения. Однако тот факт, что использование административной преюдиции в уголовном законе никак не отражено в Общей части УК РФ, опять же вызывает некоторые сомнения у исследователей данного института, которые называют это законодательное решение неоднозначным. По их мнению, отсутствие единого подхода к регламентации преюдиции в УК РФ затрудняет правоприменение, снижая и без того сомнительный предупредительный эффект указанного института.¹

В заключение хотелось бы отметить, что историко-правовой анализ исследуемого понятия как института отечественного права и законодательства свидетельствует, что его развитие не всегда обеспечивалось исторической преемственностью. Но на определенных этапах развития российского государства правовое регулирование института межотраслевой (административной) преюдиции отличалось постепенным расширением его нормативной регламентации, а также возрастающим интересом к нему со стороны научного сообщества. На настоящем этапе развития российской правовой системы данный институт требует серьезного научного обоснования и согласования с теорией права, так как его существование без теоретического базиса может привести к серьезным нарушениям прав человека и сбоям в работе элементов государственного аппарата.

¹ См.: Маторина Ю.Н., Маторин М.А. Проблемы применения института административной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2016. Т. 1. № 8 (8). С. 15-18.

Н.А. Рябинин,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Правомерное поведение субъектов права представляет собой разновидность находящегося в сфере правового регулирования правового поведения, соответствующее правовым предписаниям. Как и любое поведение, правомерное поведение обусловлено специфическими особенностями сознания человека, социальных групп и общества в целом.

Настоящие тезисы посвящены характеристике отдельных особенностей правового сознания и правовой культуры россиян и их воздействия на качество правомерного поведения.

Теория права сформулировала основные разновидности правомерного поведения. Так, в соответствии с имеющимися в сознании индивида представлениями о праве и правовых явлениях, а также в зависимости от сформировавшихся правовых ценностей, установок, навыков и мотивов правомерное поведение может определяться как социально активное, законопослушное, конформистское, привычное и маргинальное.¹

Социально активное – это правомерное поведение, при котором субъект права ведёт себя правомерно, потому что убеждён в необходимости и социальной полезности такого поведения, в этом случае субъекты поведения одобряют нормы права, отвечающие потребностям общественного развития, многосторонним интересам общества и его отдельных индивидов (например, гражданин оказывает противодействие нарушителю, так как убеждён в необходимости, важности и правильности своего поведения по защите нарушаемых прав). Полагаем, что данный вариант правомерного поведения является для общества и государства наиболее желаемым, так как не требует дополнительной мотивации.

¹ Теория государства и права. Ч. 2. Правоведение: курс лекций. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. С. 97-98.

Законопослушное поведение характеризуется как правомерное поведение, при котором субъект права выполняет правовое предписание, потому что убеждён в необходимости исполнения закона (коротко его «формула» выглядит так «исполняю закон, потому что это закон»), например, водитель пристёгивает ремень безопасности, так как убеждён в необходимости исполнения своих обязанностей водителя, верит в правильность «закона».

Конформистское – это правомерное поведение (от лат. *conformis* – подобный, соответствующий), при котором субъект права ведёт себя правомерно потому, что так ведут себя окружающие его люди (его «формула» – «как все, так и я»), в данном случае мы не видим уважения к праву и глубокого всестороннего осознания необходимости исполнения правовых предписаний, однако внутреннее отношение человека не делает его поведение противоправным, так пешеход останавливается на запрещающий сигнал светофора потому, что это делают его друзья. В основном такой вариант поведения характерен для людей с неразвитым правосознанием и правовой культурой, не имеющих собственной точки зрения (в основном для подростков) и опасен тем, что быстро переходит из правомерного в противоправный («все пошли на красный сигнал светофора и я тоже»).

Маргинальное поведение представляет собой правомерное поведение (от лат. *marginalis* – находящийся на грани, пограничный), при котором субъект права ведёт себя правомерно, потому что боится принуждения со стороны государства за иной (противоправный) вариант поведения (например, заёмщик выплачивает кредит, так как боится санкций за его просрочку или неуплату). Данный вариант поведения также очень опасен, так как при исчезновении угрозы наказания, субъект права начинает вести себя противоправно (работник, зная о том, что работодатель не учитывает время начала рабочего дня, опаздывает на работу).

Привычное правомерное поведение – поведение, при котором субъект права ведёт себя правомерно в силу привычки, следуя усвоенным правовым ценностям, идеям и принципам, не подвергая анализу правильность требований, которые предъявляет к нему общество, и сущность совершаемого им поведения, в этом случае мотивация как таковая отсутствует, происходит процесс перерастания часто повторяющихся актов поведения субъекта

права в привычку (пешеход переходит проезжую часть в положенном месте потому, что привык так поступать и уже не задумывается, что он тем самым ведёт себя правомерно).

Необходимо отметить, что сформированные обществом, социальными группами и индивидом конкретные особенности правового сознания и правовой культуры человека могут как позитивно, так и негативно воздействовать на его правомерное поведение.

В качестве позитивных особенностей, на наш взгляд, следует выделять те, которые в результате своего проявления приводят к социально активному и законопослушному правомерному поведению. В качестве таких особенностей можно обозначить наличие у конкретного индивида специальных знаний о юридических явлениях, осознание значимости законопослушного правомерного поведения, убежденность в справедливости правовых предписаний и другие.

Полагаем, что негативными особенностями правового сознания и правовой культуры можно считать отсутствие знаний и представлений о праве, восприятие права через категорию «целесообразность», правовой инфантилизм, выполнение правовых предписаний лишь под угрозой наказания и другие.

На правомерное поведение человека в каждом конкретном случае могут воздействовать как его индивидуальные особенности его правового сознания и правовой культуры, так и особенности окружающих его социальных групп и общностей.

Объем тезисов не позволяет исследовать проявление в правомерном поведении каждой особенности правового сознания и правовой культуры, поэтому рассмотрим проявление отдельных, на наш взгляд, наиболее часто встречающихся в современной российской действительности особенностей, имеющих негативный характер в целом и отрицательно влияющих на правомерную реализацию прав и обязанностей индивида.

Во-первых, особенность, проявляющаяся в отсутствии или недостаточности у субъектов права правовых знаний (как общих, так и специальных), необходимых для полноценного осуществления ими правовой деятельности. Данная особенность может проявиться при различных жизненных ситуациях и привести к тому, что индивид, ошибочно полагая, что ведет себя правомерно, умышленно нарушает правовые предписания. Так, собственник,

имея лишь общие поверхностные знания о допустимых пределах защиты своих прав и желая защитить своё право собственности, ошибочно считает, что это допустимо любыми средствами, размещает на принадлежащем ему дачном участке капканы, способные причинить вред здоровью лица, проникшего на данный участок. Налицо превышение пределов допустимой самозащиты (ст. 14, 1066 ГК РФ).

Незнание участником правоотношения своих прав и обязанностей может привести к их неправильной реализации, в том числе и к правонарушению.

Отсутствие или недостаток у субъектов специальных юридических знаний может повлечь еще более негативные последствия. Например, если сотрудник полиции не знает особенности разграничения гражданско-правовых отношений займа и уголовно-правовых отношений, связанных с завладением чужими денежными средствами под воздействием обмана, ошибочные действия полицейского могут привести к тому, что факт совершения уголовного преступления не будет своевременно установлен, а законные права и интересы потерпевшего защищены.

Во-вторых, особое правосознание, заключающееся в противопоставлении права и справедливости, целесообразности (восприятие права через справедливость, целесообразность), состоящее в том, что содержание права в России зачастую толкуется не в соответствии с юридическими критериями, а руководствуясь интуитивным пониманием мерок справедливости, смысла правды, используя их содержательные начала – ценности. Как следствие такого правопонимания выступает характерная для реализации права в России особенность, выражающаяся в подмене требования законности требованием целесообразности (справедливости). Целесообразность в этом случае может проявляться в разных формах: в виде государственной, политической, идеологической и даже личной. Однако в любой из этих форм право, закон отодвигается на второй план, пропуская тот или иной вид целесообразности.

Так, восприятие установленного законом запрета как несправедливого, скорее всего, приведёт субъектов права (как адресатов данного запрета, так и правоприменителей) к отказу от его соблюдения. В качестве примера можно использовать достаточно известные в России запреты, связанные с потреблением табака в

определённых общественных местах. Соблюдение данных запретов «курящими» лицами носит скорее исключительный, ситуативный характер. Также в большинстве случаев отсутствует реакция со стороны правоприменителей (сотрудников полиции), обязанных следить за соблюдением данного запрета, привлекая к административной ответственности его нарушителей.

В-третьих, особенностью правового сознания и правовой культуры, проявляющейся в различных видах правового поведения и затрудняющей правомерную реализацию прав и обязанностей субъектами права, может выступать правовой пессимизм, суть которого заключается в появлении и развитии у человека уверенности в низкой эффективности, недейственности права как социального регулятора.

Так, при нарушении субъективных прав лица, убежденного в невозможности достижения необходимого правового результата с помощью юридических средств, он в силу своей убежденности не предпринимает действия по защите своих законных интересов. Например, истец отказывается от исковых требований или не предъявляет их, ссылаясь при этом на неэффективность судебного разбирательства, потерпевший от преступления не идёт в полицию, полагая, что деятельность полицейских не приведёт к раскрытию преступления.

Правовой пессимизм проявляется и в поведении лиц, использующих противоправные средства защиты своих прав. Например, при невозврате занятых денежных средств заёмщиком кредитор, убежденный в неэффективности правовых средств защиты, использует запрещенные законом способы возврата долга (угроза, шантаж, самоуправство, применение насилия и т.п.).

В заключение отметим, что основное воздействие на количественные и качественные показатели правомерного поведения индивида имеют как особенности его правового сознания и правовой культуры, так особенности правовой культуры окружающих его социальных групп и общества в целом.

Преодоление современных российских особенностей правового сознания и правовой культуры, негативно воздействующих на правомерное поведение субъектов права, обусловлено необходимостью повышения уровня правового сознания и правовой культуры отдельных индивидов и российского общества в целом.

А.А. Морозов,

кандидат исторических наук

Омская академия МВД России

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Философская культура, будучи частью культурного комплекса, представляет собой сложное духовное образование. Она не дается человеку по умолчанию. В той или иной мере каждый вменяемый человек имеет потенциальную способность к философствованию. Культура, в которой мы формируемся и существуем, подспудно содержит философские идеи, проблемы, мыслительные навыки. Однако этого недостаточно для того, чтобы констатировать наличие философской культуры. Она – результат целенаправленной работы. Важно понять цель, которую мы преследуем, обращаясь к философии. М. Мамардашвили замечает, что «философия не преследует никаких целей, помимо высказывания вслух того, от чего отказаться нельзя»¹. Она нацелена на то, чтобы человек обрел собственно человеческую сущность. Не менее ярко и точно определил цель философии И. Берлин: «Цель философии остается всегда одной и той же – помочь человеку понять самого себя и тем самым жить при свете, а не безумствовать в темноте»². Эти определения цели философии дают возможность понять, зачем может состояться обращение к философии. Но эта высокая цель не исключает и ближайшей пользы, которая может быть извлечена из занятий философией.

Представление о цели и задачах философии служит краеугольным камнем философской культуры, но далеко не исчерпывает ее. Изучение философии формирует в сознании человека знания о развитии философского знания в прошлом и настоящем. Мы узнаем о многообразии ответов на философские во-

¹ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М., 2004. С. 88.

² Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 98.

просы, о выработанных философских подходах к решению проблем бытия, сознания человека, социальной, политической, правовой жизни. Фактически философию мы познаем через историю философии.

Изучение философии не может ограничиться узнаванием имен и конкретных высказываний. В экзистенциальном плане можно вслед за К. Ясперсом выделить три шага на пути освоения философии, ведущем к формированию философской культуры: знание, видение, усвоение (К. Ясперс говорит о трех ступенях восхождения к существенному)¹. Первый – приобретение внешнего знания, узнавание фактов, концепций, их взаимосвязей и взаимовлияний. Этот шаг необходим, так как вводит человека в смысловое, категориальное, проблемное поле философии. Вне его рассуждение с малой долей вероятности станет философским. Распространенное предложение пофилософствовать о чем-либо, как правило, не означает ничего, относящегося собственно к философии. Прежде чем писать стихи, нужно хотя бы освоить язык, на котором вы собираетесь это делать. Да и рифмовать «варенье» со «стихотворение» не значит творить поэтическое произведение.

Второй шаг – видение. Это означает способность самостоятельно, независимо от чьих-либо оценок воспринять мысль или явление именно так, как они этого заслуживают, умение отличить великое от ничтожного, действенное от пустого. История философии, как, например, и история науки, полна не только важными открытиями, перспективными идеями, глубокими прозрениями, но и очевидными (сейчас) заблуждениями, ложными открытиями и даже недоразумениями. Нередко философы в течение собственной жизни успевали опровергнуть собственные утверждения, изменить направление своей мысли. Поверхностный ум воспринимает это как слабость философского способа познания, отказывает ему в доверии. Однако это скорее сильная ее сторона. Она препятствует косности мысли, догматизации философских учений. Умение признавать свои ошибки делает мысль свободной.

¹ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб., 2000. С. 121.

Третий шаг – усвоение. Он означает лишь то, что человек становится своим в мире философии. Это вовсе не значит, что он стал философом. Здесь речь идет об осмыслении и переживании философских идей, концепций, высказываний как фактов, имеющих непосредственное отношение именно к твоей жизни, к решению современных проблем. Если в изучении философии нет решимости сделать третий шаг, то польза от этих занятий будет минимальной.

Философская культура, которая в случае удачи становится результатом изучения философии, является не просто фрагментом культуры человека, она приобретает универсальный характер, преобразуя всего человека, определяя его личную жизнь и профессиональную деятельность.

Разделение культуры по профессиональному признаку оказывается вполне оправданным в силу специфики конкретной деятельности. Осуществление юридической деятельности, правотворческой, правоприменительной или правоохранительной, имеет существенные особенности. Во-первых, эта деятельность почти всегда связана с человеком, его правами, обязанностями, интересами, устремлениями. Правовые действия порождают не только юридические последствия, они могут иметь серьезные позитивные или негативные эффекты, способные изменить жизнь человека соответствующим образом. Во-вторых, деятельность юриста не просто регламентирована законом, она является практическим выражением самой идеи права. Пренебрежение правовыми предписаниями со стороны юриста выглядит не просто невыполнением должностных обязанностей, но отрицанием самой сути профессиональной деятельности. В-третьих, появление у человека властных полномочий, делегированных государством должностному лицу, требует от человека особой ответственности. Власть, которую получает сотрудник органов внутренних дел для реализации своих полномочий, может быть использована двояко. Властные полномочия нередко оказываются не только средством для достижения поставленных целей, но и большим искушением, которое далеко не каждый может преодолеть.

Основу деятельности сотрудника органов внутренних дел составляют защита прав и свобод граждан, основ государственного строя, охрана общественного порядка, обеспечение закон-

ности и общественной безопасности. Поступление на службу означает совершение серьезного жизненного выбора. Человек не просто берет на себя обязательства по исполнению служебного долга, но принимает те многочисленные требования, которые предъявляются к сотруднику. Формирование профессиональной культуры является содержанием подготовки сотрудника органов внутренних дел к исполнению своих служебных обязанностей. Профессиональная культура сотрудника помимо юридических знаний, тактико-специальной, служебной, огневой и физической подготовки включает и значительный философский компонент.

В онтологическом плане право должно быть осмыслено как особого рода реальность, в которой происходит упорядочивание межличностных связей, выстраивание смыслов бытия человека и социума. Вслед за Г.Ч. Синченко можно рассматривать право как полисубъектную мезореальность, в которой устанавливается баланс между высшими духовными соображениями и фактическим выбором, который совершают люди.¹ Право позволяет сохранить общество и человека перед серьезными опасностями, которые возникают в процессе жизни. В этом контексте право антропogenно, оно укоренено в системе отношений «мир-человек». Право не может быть воспринято юристом в качестве одного из многих частных социальных институтов, решающих узкие задачи регуляции того или иного вида общественных отношений. Оно должно быть воспринято как юридический универсум, включающий в себя не только законодательство, но и все многообразие правоотношений, общественных взаимодействий.

Гносеологическая составляющая философской культуры сотрудника органов внутренних дел позволяет соотнести закон, в соответствии с которым действует правоприменитель или правоохранитель, с определенной моделью правопонимания, лежащей в основе действующей правовой системы. В позитивном праве эта модель задается основным законом (например, Конституцией Российской Федерации). А значит, текущее законодательство должно следовать этой модели, но далеко не всегда так происходит. В практической деятельности сотрудник применяет гносео-

¹ Синченко Г.Ч. Субъект правового бытия (антропные формы) : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Омск, 2002. С. 9.

логические знания для того, чтобы понимать происходящее в правовой системе. Усвоение разных подходов к познанию юридического универсума обеспечивает его философским инструментарием для понимания закономерностей и основных тенденций развития правовой реальности.

Аксиологическое обоснование профессиональной деятельности сотрудника является чрезвычайно важным. Мир ценностей человека богат и распространяется на все сферы его жизни. Ценности создают определенную систему координат, в которой разворачивается деятельность правоохранителя. В большой пирамиде этих ценностей особое значение для сотрудника органов внутренних дел имеют закон, власть, справедливость.

В различных политико-правовых учениях подчеркивается, что закон и власть обеспечивают наличие социального порядка и жизнь человеческого общества. Происхождение и значение этих явлений различно в разных интерпретациях политико-правовой реальности. Однако важнейшей ценностной составляющей выступает то, что они противостоят разрушению и социальному хаосу, которые оказываются всякий раз неизбежным следствием беззакония и безвластия.

Закон и власть в составе права утверждают жизнь, самую возможность воспроизводства социальной жизни. В конечном счете, политико-правовые оппозиции закон и беззаконие, власть и безвластие есть отражение базовой онтологической оппозиции жизни и смерти.

Справедливость является такой философско-правовой категорией, которая раскрывается в онтологии как атрибутивное свойство права, в этике как руководящее правило, в аксиологии как безусловное благо. Последнее определяется тем, что справедливость делает человека человеком, а право – правом. Она является тем, без чего они не могут состояться. Она «есть фундаментальное стремление Я определяться относительно блага таким способом, который одновременно утверждает аналогичную возможность за любым другим Я»¹. Если мы и можем допустить на-

¹ Синченко Г.Ч. Вечер трудного дня // Синченко Г.Ч. Парадокс правоблюстителя. Философско-правовые эссе. Омск, 2010. С. 176.

личие несправедливого человека, то предположение о существовании несправедливого юриста выглядит оксюмороном.

Этическая составляющая формируется на онтологической и аксиологической основе. Этическая культура не сводится к набору моральных требований, она выстраивается на понимании обоснованности и необходимости этих требований для профессиональной самореализации личности. Профессиональная этика юриста, в том числе сотрудника органов внутренних дел, имеет ярко выраженный деонтологический характер. В понимании И. Бентама задача деонтологии – придать социальным мотивам всю силу личных мотивов, убедить, что личные интересы и обязанности перед обществом совпадают. Именно он ввел в этику понятие «деонтология». Однако этика долга в систематическом виде представлена уже в философии И. Канта.

Один из вариантов категорического императива И. Канта гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого, так же как цели, и никогда не относился к нему только как к средству» Однако сотрудники правоохранительных органов нередко оказываются в ситуации, когда либо сами становятся средством для достижения чьих-либо целей, либо используют людей в качестве средства для достижения собственных целей. Причем далеко не всегда они это осознают. Вместе с тем сформированность этической культуры является существенным показателем готовности осуществлять профессиональную деятельность.

Таким образом, философская культура сотрудника органов внутренних дел представляет собой сложное единство онтологических, гносеологических, аксиологических, этических оснований, на которых выстраивается система взглядов и убеждений специалиста. Философская культура является ядром мировоззрения сотрудника органов внутренних дел, вокруг которого формируется его профессиональная идентичность. Она служит значимым средством воспитания верного своему служебному долгу сотрудника, уважающего право и стоящего на его защите.

А.В. Курсаев,

кандидат юридических наук

Договорно-правовой департамент МВД России (г. Москва)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Государство устанавливает социально значимые границы поведения своих граждан, что выражается в их правопослушном поведении. За нарушение же правовых предписаний устанавливается юридическая ответственность. Наиболее суровыми по степени тяжести применяемых санкций формами негативно-ретроспективной юридической ответственности за совершенные правонарушения выступают уголовная и административная ответственность, которые находятся между собой в тесном взаимодействии, обеспечивая межотраслевую дифференциацию юридической ответственности. Наличие уголовной и административной ответственности свидетельствует о градации юридической ответственности в зависимости от специфики правонарушений.

При оценке административных деликтов и преступлений в сфере трудовых прав граждан следует учитывать наличие между ними общих черт: объект регулирования (право на труд и безопасность труда), относительно невысокая степень общественной опасности преступлений, бланкетность охранительно-правовых норм, отсылающих к положениям трудового законодательства. В связи с этим возможны несколько «точек соприкосновения» уголовного и административного права в сфере обеспечения трудовых прав граждан.

Преступления и административные деликты являются разновидностями правонарушений и в связи с этим имеют общие черты, обусловленные природой этих противоправных деяний. Вместе с тем они обладают и определенными отличиями, а их взаимодействие многогранно.

1. Приоритет норм административного права в охране труда.

Общая норма об ответственности за противоправные деяния в сфере охраны права на труд предусмотрена в КоАП РФ – это ст. 5.27 (Нарушение законодательства о труде и об охране

труда). Наиболее типичным будет такое деяние в сфере труда, при котором оно не обладает свойством общественной опасности и не является преступным.

В иных статьях КоАП РФ предусмотрены специальные по отношению к ст. 5.27 нормы, которые обеспечивают охрану узкоспециализированных общественных отношений: порядка заключения коллективных договоров и соглашений, защиты участников забастовки, инвалидов. Положения об ответственности за деяния в сфере труда предусмотрены и в уголовном законодательстве, которые также являются специальными нормами. Если какая-либо особенность деяния существенно повышает его опасность, то это отражается в уголовном законодательстве.

2. Определение критериев разграничения административных правонарушений и преступлений в сфере охраны права на труд.

В качестве критериев разграничения административных правонарушений и преступлений в сфере труда следует выделить:

1) характер последствий. Для преступления характерно наступление тяжких последствий, что выражается в форме причинения неосторожного вреда здоровью или смерти человека (ст. 143 УК РФ);

2) способ совершения деяния. Так, ст. 145 УК РФ, обеспечивающая безопасную работу журналистов, предусматривает, что уголовная ответственность наступает, если имеет место воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации. Таким образом, закон связывает наступление ответственности с активной деятельностью виновного (используется термин «воспрепятствование»);

3) продолжительность совершения противоправного деяния – указанный критерий является криминообразующим в составе невыплаты заработной платы и иных социальных платежей (ст. 145 УК РФ);

4) личность потерпевшего. Так, если увольнение имело место в связи с коллективным трудовым спором и объявлением забастовки, указанное образует административное правонарушение (ст. 5.34 КоАП РФ). Однако, если была уволена беременная женщина или женщина, имеющей детей в возрасте до трех лет, указанное деяние образует состав преступления, предусмотренный ст. 145 УК РФ.

Несмотря на учет законодателем указанных критериев, теоретически возможны ситуации, при которой между ними может возникнуть коллизия. Так, например, ответственность по ст. 217 УК РФ наступает за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, если это могло повлечь смерть человека.

В то же время ч. 3 ст. 9.1 КоАП РФ установлена административная ответственность в том числе за грубое нарушение требований промышленной безопасности. При этом согласно примечанию 1 к ст. 9.1 КоАП РФ под грубым нарушением требований промышленной безопасности опасных производственных объектов понимается нарушение требований промышленной безопасности, приведшее к возникновению непосредственной угрозы жизни или здоровью людей.

Предложения по тому, нормам какой отрасли права должен отдаваться приоритет при указанной коллизии, разнообразны. В частности, Н.И. Пикуров придерживается той позиции, что «уголовная противоправность поглощает все остальные виды противоправности, и последние теряют свое юридическое значение либо существуют обособленно, не сливаясь друг с другом»¹.

Иную точку зрения по данному вопросу занимает В.А. Навроцкий. Он полагает, что «при «дублировании» ответственности – когда одни и те же деяния предусмотрены и в УК РФ как преступления, и в КоАП РФ как административные правонарушения, приоритет должен отдаваться закону, предусматривающему менее суровые меры»².

Указанные споры во многом обусловлены противоречивостью самого законодательства. Например, исходя из толкования ст. 7.27 КоАП РФ (Мелкое хищение), 158 (Кража) и 158.1 (Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию) УК РФ следует, что если хищение было совершено одним из способов, указывающих на квалифицирован-

¹ Пикуров Н.И. Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1988. С. 5.

² Навроцкий В.А. Соотношение уголовно-правовых норм и норм законодательства об административной ответственности // Соотношение преступлений и административных правонарушений. М., 2003. С. 420.

ный состав, деяние независимо от размера причиненного вреда квалифицируется как преступление.

Подтверждением этому служит и п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, который к обстоятельствам, исключающим производство по делу об административном правонарушении, относит наличие постановления о возбуждении уголовного дела.

Иное правило сформулировано Верховным Судом Российской Федерации в п. 8 постановления Пленума от 12 марта 2003 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», согласно которому в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажи, несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия и т.п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности.

Однако мы полагаем, что ни о каком приоритете норм одной отрасли права над другой не может быть и речи, а все указанные коллизии обусловлены несогласованностью отдельных отраслей права между собой, которые должны быть устранены в рамках оптимизации законодательства.

3. Перевод в зависимости от изменяющихся условий административных проступков в категорию преступлений (их криминализация) либо декриминализация отдельных преступлений в сфере охраны трудовых прав граждан.

В отличие от многих иных видов прав граждан, трудовые права касаются каждого, так как именно реализация права на труд представляет собой источник средств к существованию человека. При этом для осуществления трудовых прав необходим механизм их реализации. Например, для того чтобы быть принятым на работу, человек должен обратиться с заявлением, пройти соответствующий отбор, подтверждающий его соответствие установленным квалификационным требованиям к должности, планируемой к замещению. Принятие на работу является правом, а не обязанностью работодателя, в связи с чем возможен отказ в заключении трудового договора по надуманным основаниям.

Уголовный закон устанавливает уголовную ответственность, направленную на обеспечение прав социально малозащищенных групп граждан. В настоящее время такая ответственность представлена только ст. 145 УК РФ (Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет).

Происходящая в настоящий момент реформа пенсионного законодательства, одним из базовых элементов которой выступает повышение пенсионного возраста, требует также предоставления гарантий тем гражданам пожилого возраста, интересы которых могут быть затронуты названной реформой. Применительно к уголовному праву указанное выражается, например, в криминализации необоснованного отказа в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно необоснованное увольнение с работы такого лица по тем же мотивам (ст. 144.1, вводимая в УК РФ Федеральным законом № 544570-7, принятым в третьем чтении).

Имеет место и обратная тенденция. Так, в ст. 137 УК РСФСР 1960 г. была установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной деятельности профессиональных союзов и их органов.

Часть 1 ст. 30 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» установлено, что за нарушение законодательства о профсоюзах должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, работодатели, должностные лица их объединений (союзов, ассоциаций) несут в том числе и уголовную ответственность в соответствии с федеральными законами.

Однако в УК РФ состав преступления, аналогичный статье 137 УК РСФСР 1960 г., отсутствует. Учитывая вышеизложенное, граница между уголовной и административной ответственностью достаточно мобильна и зависит от конкретных обстоятельств.

4. Введение административной преюдиции за преступления против трудовых прав граждан.

Возврат законодателя к использованию концепции административной преюдиции также открыл новые «границы» взаимодействия уголовного и административного права.

Уголовно-правовое регулирование не должно допускать избыточного установления уголовно-правовых запретов при реализации властных полномочий, которое может привести к инфляции уголовного законодательства, немотивированному расширению круга объектов уголовно-правового воздействия и усилению ответственности, вызвать снижение юридико-технического уровня уголовного законодательства, рост числа фактически недействующих норм, утрату определенности положений закона, особенно касающихся формулирования диспозиций новых составов преступлений.

Продолжение и усиление тенденций развития уголовного права в направлении криминализации новых общественных отношений и пенализации составов преступлений приводит зачастую к явной избыточности уголовной репрессии. В этих условиях следование гуманистическим концепциям прав человека позволяет отнести его гуманизацию к приоритетным направлениям деятельности государства.

Гуманное отношение к лицу, совершившему преступление, находит выражение в том числе в требовании УК РФ соблюдать принцип экономии карательных средств.

В целях дальнейшей дифференциации мер юридической ответственности законодатель предусмотрел институт административной преюдиции, сущность которой состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия. Эти последствия состоят в оценке последнего из уголовно ненаказуемых правонарушений как преступления и, соответственно, возложении на виновного уголовной ответственности.

Особенно актуальными данные выводы представляются для преступлений против трудовых прав граждан, большинство из которых относится к преступлениям небольшой тяжести. Соответственно, правоохранительные органы зачастую уделяют недостаточное внимание раскрытию и расследованию таких преступлений. Налицо недооценка уголовно-правовых запретов и их низкая эффективность. В то же время государство осознает их

степень общественной опасности и стремится создать комплекс правовых гарантий, которые позволят обеспечить конституционные права граждан в социально-экономической сфере.

Административная преюдиция в преступлениях против трудовых прав граждан позволит обеспечить реализацию принципов уголовного права, связанных с экономией мер уголовной репрессии, сократив, таким образом, численность лиц, осужденных к лишению свободы.

Введение данного института также позволит снять проблему неприменяемости отдельных статей в главе 19 УК РФ («мертвых норм» – ст. 144, 145). Таким образом, административная преюдиция является важным инструментом повышения эффективности уголовной политики¹, что, к сожалению, недостаточно учитывается законодателем при конструировании уголовно-правовых запретов.

Т.А. Гусева,

доктор юридических наук, доцент

Орловский государственный университет им. И.Т. Тургенева

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК

Актуальность проводимого исследования вызвана реформированием законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд и переходом на контрактную систему, а также тем, что сфера закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд подвержена воздействию многочисленных коррупционных рисков, причем не только правового, но и институционального, а также поведенческого характера.

Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по осуществлению закупок для государственных

¹ См. подр.: Курсаев А.В. Административная преюдиция как способ гуманизации уголовной политики в преступлениях против трудовых прав граждан // Наука. Мысль. 2017. № 3-1. С. 71-74.

и муниципальных нужд представляет собой сложный процесс, требующий четкого алгоритма действий от субъектов данных правоотношений на всех стадиях закупочного процесса.

В условиях глобального экономического кризиса возрастает роль государственного регулирования процесса расходования бюджетных средств, осуществляемого через систему управления размещением заказов на поставки товаров, оказание услуг и выполнение работ для государственных и муниципальных нужд, и направленного на сокращение и оптимизацию расходов бюджетов всех уровней.

Для государственных закупок характерно динамичное увеличение их объемов.

В 2015 г. в Единой информационной системе размещены извещения о закупках на сумму более 6,6 трлн. рублей, в 2016 г. – на сумму около 6,5 трлн. рублей. В 2015 г. общий объем заключенных контрактов без учета контрактов, сведения о которых составляют государственную тайну и не размещаются в открытом доступе, составил 5,3 трлн. рублей).

В контрактной системе функционируют более 330 тыс. государственных и муниципальных заказчиков и около 500 тыс. поставщиков, что делает ее одной из крупнейших хозяйственных систем страны. В структуре ВВП страны государственные закупки составляют более 10%.

Общая сумма по 2 481 028 размещенным извещениям за 2013 г. – 6 332 476,4 мил. руб.; общая сумма по 2 781 707 размещенным извещениям за 2014 г. – 6 022 348,2 мил. руб.; общая сумма по 3 072 330 размещенным извещениям за 2015 г. – 6 438 782,4 мил. руб.; общая сумма по 3 089 448 размещенным извещениям за 2016 г. – 6 407 478,4 мил. руб.

Государственные закупки, составляющие основную часть расходов государственных ведомств, организаций и учреждений для осуществления государственных функций, выступают в качестве одного из важных факторов формирования среды ожидания для устойчивого развития национальной экономики в долгосрочном периоде и обеспечения притока инвестиций в экономику.

Совершенствование системы управления государственными закупками с целью эффективного использования бюджетных средств, расширения возможностей для участников и обеспече-

ния гласности, прозрачности размещения заказов, развития добросовестной конкуренции и предотвращения коррупции в сфере размещения заказов, приобретает особую остроту в контексте политики развития высокотехнологичных отраслей национальной промышленности.

Вместе с тем недостаточная разработанность, с учетом происходящих изменений в глобальной экономике, вопросов функционирования системы государственных закупок и возникающих при этом системных рисках, оценки эффективности государственных закупок, а также необходимость совершенствования системы управления государственными закупками в условиях динамичного развития нормативной правовой базы обусловили выбор темы исследования.

Целью исследования является комплексный анализ основных теоретических и практических вопросов осуществления процедур закупок для государственных и муниципальных нужд в условиях перехода к контрактной системе, анализ правового регулирования данных процедур с целью противодействия коррупции в этой сфере.

В результате проведенного исследования автором сделаны следующие выводы.

1. Выделены основные принципы противодействия коррупции в организации государственных (муниципальных) закупок: эффективность, экономичность, равенство и справедливость, открытость и прозрачность, ответственность. Эти принципы должны быть заложены в основу формирования механизмов и технологий управления процессом противодействия коррупции в системе государственных и муниципальных закупок.

2. Обобщая опыт работы по Федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», Федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», выявлены способы действия заказчика, ограничивающие конкуренцию и ограничивающие количество участников при осуществлении следующих процедур:

при планировании закупки,

при подготовке документации и публикации,

при приеме заявок и проведении торгов,
при исполнении контракта.

3. К действиям заказчика, ограничивающим конкуренцию и количество участников, следует отнести следующие действия:

закупка по необоснованной цене (непроведение обоснования цены закупки), закупка ненужных товаров (работ, услуг) и предметов роскоши, разработка технического задания под конкретный товар, замена предмета закупки для изменения вида торгов, затруднение поиска заказа в базах данных, объединение в один лот разноплановых товаров/работ/услуг, просят поставить несуществующий товар/работу/услугу, проведение торгов под свою компанию, не предоставляют в полном объеме проектно-сметную информацию, размещают документацию с ошибками, требуют представления лишних документов, необоснованно дробят закупку, не разъясняют в установленные сроки документацию, отказывают в регистрации на электронной площадке, публикуют заказ не вошедший в план график.

4. Противодействовать незаконным действиям заказчиков, участникам закупок призван контроль со стороны Федеральной антимонопольной службы, Федерального казначейства, аудит Счетной палаты РФ, контрольно-счетных органов субъектов федерации, общественный контроль, ведомственный контроль.

Одним из основных сегментов экономической безопасности государства, которому коррупция наносит ощутимый урон, является финансово-бюджетная безопасность, являющаяся основополагающим условием способности государства проводить политику по защите национальных интересов. Таким образом, именно выработка механизмов по борьбе с коррупцией, обеспечивающих бюджетную безопасность Российской Федерации, будет способствовать появлению возможности укрепления безопасности страны.

5. Помимо мер административного и уголовного воздействия за нарушения в бюджетной сфере сам Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» содержит ряд антикоррупционных мер. К таким мерам можно отнести появление электронного аукциона и обязанность госзаказчиков проводить ряд закупок именно этим

способом и переход на электронные способы закупки с 1 января 2019 г.

Борьба со сговорами между участниками торгов, с одной стороны, а также между участниками и заказчиками – с другой, стала главной причиной появления электронных аукционов в сфере осуществления публичных закупок и последующего перехода на электронные торги во всех способах закупки. Прозрачные электронные процедуры сами по себе способствуют развитию состязательности на аукционах, анонимность же участников (подача первых частей заявок под номерами без указания наименований участников) содействует появлению в ходе аукциона игроков, не имеющих договоренностей с другими участниками, а также с заказчиком.

6. Одним из примеров проявления возможного сговора между заказчиком и «фаворитом», получающим право на заключение контракта, является неправильное формирование лотов (включение в один лот продукции, технологически или функционально не связанной с предметом закупки). Представляется, что на уровне постановления Правительства нужно установить запрет на включение в один лот товаров, работ, услуг, которые могут ограничить конкуренцию.

7. Институты общественного обсуждения и общественного контроля закупок призваны искоренять коррупцию в сфере закупок наряду с государственным (муниципальным) контролем.

Е.Б. Абакумова,

кандидат юридических наук

Новосибирский военный институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации;
Сибирский институт управления – филиала РАНХиГС;

Институт философии и права СО РАН

Р.Р. Маматов,

Новосибирский военный институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, ЗАМЕЩАЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблема коррупции существует во всех современных государствах, независимо от уровня экономического благополучия, политического режима и степени развитости гражданского правосознания населения. Поэтому главным оружием против этого преступного феномена является правовая система государства, опирающаяся на лучшие достижения юридической науки.

Распространенность коррупционных преступлений в России очень высока, что подтверждается и международными рейтингами, и данными социологических опросов, и количеством громких дел в этой сфере, освещаемых СМИ. Руководством страны в последнее десятилетие сделаны значительные шаги на пути создания механизма противодействия коррупции, но тем не менее достигнутые результаты пока не оправдывают ожиданий, что делает актуальным поиск и устранение правовых пробелов, дальнейшее совершенствование системы антикоррупционного законодательства.

К сожалению, в нашей стране коррупция поразила практически все сегменты общественной жизни, начиная от детских садов и заканчивая высшими органами государственной власти. Все чаще поступают сообщения о привлечении к ответственности должностных лиц, замещающих нерядовые чиновничьи должности – губернаторов, министров, депутатов и др. С одной стороны, это может говорить об определенных положительных сдвигах и повышении качества работы правоохранительных органов,

но, с другой стороны, с очевидностью свидетельствует о низкой эффективности профилактической составляющей механизма антикоррупционной борьбы, в первую очередь, в отношении лиц, замещающих государственные должности.

Надо отметить, что государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации являются конституционно-правовым институтом, их предназначение заключается в непосредственном исполнении полномочий органов государственной власти. С самого начала появления постсоветского законодательства о государственной службе эта должностная группа была выделена в особую категорию должностей, а впоследствии была вообще выведена из системы государственной гражданской службы: п. 2. ст. 1 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» было установлено, что деятельность лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, данным Федеральным законом не регулируется.

Нормативное закрепление института государственных должностей субъектов Российской Федерации связано с введением в 2008 г. соответствующей статьи в текст Федерального закона от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и изданием Указа Президента Российской Федерации от 04 декабря 2009 г. № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации».

Таким образом, государственные должности субъекта Российской Федерации – это особая специально выделенная группа должностей государственных органов, с нормативно обособленным режимом правового регулирования. Служба на государственных должностях субъекта Российской Федерации состоит не только в осуществлении государственно-управленческих функций, но и подразумевает принятие политических решений, влияющих на судьбу всего региона. Поэтому лица, замещающие государственные должности субъекта Российской Федерации, должны нести персональную ответственность не только за кон-

кретные последствия своих решений, но и за общую атмосферу законности и правопорядка в регионе, включая уровень и степень распространения коррупции, нравственную репутацию власти. При этом государство, предоставляя высокий уровень автономии указанным лицам при исполнении служебных обязанностей, обязано обеспечить соответствующую систему предотвращения злоупотреблений полномочиями и внедрения коррупционных схем. Эту задачу призваны осуществить, в частности, ограничения и запреты, налагаемые на данную категорию служащих Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Данные ограничения можно разделить на две условные группы: 1) ограничения, связанные с реализацией права доступа к службе на государственных должностях субъекта Российской Федерации; 2) ограничения, возникающие в связи с приобретением статуса лица, замещающего государственную должность субъекта Российской Федерации.

К первой группе ограничений относятся различные требования к кандидатам на замещение государственной должности в субъектах Российской Федерации (отсутствие решения суда о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, отсутствие гражданства другого государства и др.).

Вторая группа ограничений обусловлена уже обретенным конституционно-правовым статусом в связи с замещением государственной должности субъекта Российской Федерации и представлена по большей части в форме запретов: запрета замещать другие должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления; запрета заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности; запрета быть поверенным или иным представителем по делам третьих лиц в органах государственной власти и органах местного самоуправления; запрета входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений; запрета принимать вопреки установленному порядку почетные и специальные звания, награды и иные знаки отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных госу-

дарств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций; запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Кроме того, к данной группе ограничений можно отнести обязанность по предоставлению и размещению в открытом доступе в сети Интернет сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также декларирования крупных расходов по сделкам с недвижимостью, транспортными средствами, ценными бумагами.¹ Данное требование касается доходов и расходов не только самих лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, но и их супругов и несовершеннолетних детей, что означает распространение ограничения конституционного права на неприкосновенность частной жизни граждан, лично не участвующих в управлении государством и не несущих соответствующих обязанностей. Это порождает вполне закономерные ситуации, когда супруга (или супруг) отказывается предоставлять финансовую информацию либо по субъективным причинам, либо в виду необходимости соблюдения коммерческой тайны.

В отличие от государственных должностей Российской Федерации, должностей федеральной государственной службы, должностей в государственных корпорациях в отношении государственных должностей субъектов Российской Федерации, федеральное законодательство не устанавливает единообразного порядка урегулирования проблемы непредставления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супругов и несовершеннолетних детей. Следуя логике п. 11 Положения о представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и

¹ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru>. 04.08.2018 (дата обращения 29.08.2018).

лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, утвержденного Указом Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 558, в рассматриваемом случае лицо, замещающее государственную должность субъекта Российской Федерации, должно подать заявление о невозможности представить по независящим от него обстоятельствам сведения о финансовых активах и имуществе супруги и (или) несовершеннолетних детей на рассмотрение специальной комиссии. Вопрос о составе и принципах работы данной комиссии решается каждым регионом самостоятельно. Так, п. 7 постановления губернатора Новосибирской области от 28 декабря 2009 г. № 549 установлено, что в случае непредставления по объективным причинам лицом, замещающим государственную должность, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей данный факт подлежит рассмотрению на заседании комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Новосибирской области.

Однако законодательство Российской Федерации не содержит указаний на критерии, по которым какая-либо причина непредставления сведений может быть признана объективной и уважительной. В каждом конкретном случае комиссия осуществляет оценку изложенных в заявлении обстоятельств, исходя из предпосылки, что должностное лицо должно было принять все зависящие от него меры для обеспечения надлежащего исполнения им соответствующей обязанности.¹ Не трудно догадаться, что подобная произвольность допускает влияние личной заинтересованности членов комиссии на результат рассмотрения, а также порождает возможности для оказания коррупционного давления на заявителя.

Касаемо государственных должностей субъектов Российской Федерации еще одним упущением федерального законодателя выглядит правовой пробел в регулировании порядка разме-

¹ Обзор проблемных вопросов, возникающих при представлении, анализе и проверке достоверности сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера : утв. Минтрудом России 30 марта 2018 г. // СПС «Гарант».

щения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и процедуры проверки достоверности и полноты этих сведений. Указы Президента Российской Федерации, устанавливающие порядок представления и размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей, а также порядок проверки достоверности и полноты указанных сведений лишь рекомендуют органам власти субъектов Российской Федерации руководствоваться содержащимися в них положениями.¹ Это создает условия для допущения правовой неопределенности при урегулировании данных антикоррупционных процедур в регионах России, ставя под удар усилия государства в сфере противодействия коррупции.

Косвенным подтверждением сказанного служит тот факт, что согласно данным, содержащимся в докладе о деятельности в области противодействия коррупции в Новосибирской области за 2017 год², Комиссией по координации работы по противодействию коррупции не осуществлялся анализ сведений о доходах и контроль за расходами лиц, замещающих государственные должности Новосибирской области. Проведенные в отчетном году четыре проверки достоверности и полноты представленных сведений о доходах со стороны лиц, замещающих государственные должности Новосибирской области, с последующим обнаружением нарушений законодательства о противодействии коррупции были инициированы прокурором Новосибирской области.

¹ О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» : Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309 (ред. от 09.10.2017); Вопросы противодействия коррупции : Указ Президента РФ от 08.07.2013 № 613 (ред. от 15.07.2015); О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1066 (ред. от 15.05.2018) // СПС «Гарант».

² Доклад о деятельности в области противодействия коррупции в Новосибирской области за 2017 год // Официальный сайт Правительства Новосибирской области. URL: <http://www.nso.ru> (дата обращения: 04.09.2018).

В заключение следует сказать, что государственный механизм противодействия коррупции должен включать целостный комплекс мер, направленных как на преследование нарушителей, так и на профилактику коррупционных преступлений. Унификация и детальная проработка законодательства, регламентирующего деятельность лиц, замещающих государственные должности в субъектах Российской Федерации, может выступать эффективной мерой, способной существенно повысить результативность антикоррупционной борьбы.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю.Ю. Комлев,

доктор социологических наук, профессор

Казанский юридический институт МВД России

ПОСТМОДЕРНИЗМ О ДЕВИАНТНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ

Постмодернизм как особый стиль социологического воображения и теоретизирования, методология реконструкции и познания старых и новых социальных проблем, в том числе преступности и девиантности, – детище второй половины XX века. Философия постмодернизма уходит своими корнями к Ф. Ницше, М. Хайдеггеру, французской социальной мысли конца 1960-х и 1970-х годов прошлого века. Она противопоставляет себя гегельянству, подвергая резкой критике идеи западного рационализма и логоцентризма. Творцы и последователи постмодернизма в обществознании – французские философы Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, итальянский философ Дж. Ваттимо, британский социолог З. Бауман.

Исследователи описывают общество в состоянии постмодерна как эпоху отличную от периода модерн, в ходе которой на фоне ускорения технологических и социальных изменений происходит переход от классовой структуры социума к модели фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации; на широкое использование новых высоких технологий;

на оказание услуг для удовлетворения как индивидуальных потребностей, так и массового консьюмеризма. Постмодернизм в науке рассматривается как реакция на социальные изменения в постиндустриальных обществах, как рефлексия на кризис позитивистской науки («кризис детерминизма») и практики эпохи позднего модерна. Именно на этом этапе общественного развития при резком увеличении неопределенности, многовариантности, альтернативности социальных и иных явлений наблюдается обострение техногенных, экологических, криминальных проблем.

Не секрет, что позитивизм, как мейнстрим в науке эпохи модерн, опирался на убеждение о том, что в мире существуют универсальные вещи, которые могут быть обнаружены через изучение причин. Модернистская наука рассчитывала на постижение истины с помощью позитивистских знаний и эмпирических методов с целью рационального преобразования несовершенного социума (искоренение бедности, голода, преступности, невежества и других форм социального неблагополучия) путем реформ, развития демократии, обеспечения свобод, правосудия. Однако реальность общества постмодерна конца XX века и наступившего нового столетия с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами развенчала иллюзии эпохи модерн. В мире постмодерна стала очевидна ограниченность позитивистской теории и методологии для объяснения таких, во многом эфемерных, постоянно ускользающих, диффузных социальных реалий, как девиантность и преступность.

Вызванный «кризисом детерминизма» критический постмодернизм шокирует традиционных исследователей интенсивным скептицизмом по отношению к позитивистской науке, возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний. Он ставит под сомнение эффективность научно-рационалистических теорий, созданных в эпоху модерн, поддерживает плюрализм различных концепций и предлагает замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. По сути, постмодернизм представляет собой экстернизацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными

категориями постмодернистского типа мышления. В рамках постмодернизма виртуальная, сконструированная социальная реальность (симулякры и симуляции, по Ж. Бодрийяру) детерминирует реальность объективную.

Постмодернистская криминология, как критическое научное направление в девиантологии, формируется в 80-е, 90-е годы на исходе XX и в начале XXI века в работах Б.Ди Кристина, Э. Янг, Дж. Фэррела, К. Хейворда, П. Мэннинга, М. Ланье, С. Генри, Д. Миловановича, Э. Уэллса. Она выступает не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них наиболее известны: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии.¹

На фоне ускорения социальных изменений, вызванных компьютерной революцией и технологическими инновациями XXI века, глобализацией стремительно трансформируются девиантность и преступность. Наблюдается, наряду с разрастанием насильственной преступности и преступности «белых воротничков и элиты», стремительная диффузия криминальной активности в интернет-пространство.

Постмодернистская криминология – это критический ответ науки в XXI веке на новые социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна. Она более адекватно, чем традиционная позитивистская криминология, объясняет причины девиантности и преступности в условиях быстрых социальных изменений и, следовательно, предлагает более реалистичные перспективы по реконструкции и совершенствованию социального контроля и уголовного законодательства.

Большинство постмодернистских подходов в изучении девиантности и преступности опираются на положения постструктурализма и семиотики, широко используют методологию деконструктивизма. Криминологи-постмодернисты переосмысливают старые позитивистские теории преступности применитель-

¹ Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.

но к новым условиям, выдвигают новые замещающие теоретические конструкции более релевантные обществу постмодерна. Они обращаются к критическому анализу классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности норм уголовного права. В юридическом контексте, по Ж. Деррида, деконструировать – значит «освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению...»¹. Это не случайно, поскольку позитивистское уголовное право, соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях реально не обеспечивают должный правопорядок и эффективный социальный контроль над криминалом.

В 1995 г. Б. Ди Кристина предложил свой вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология».² Его теория охватывает альтернативные методы и эпистемологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем. Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные и правовые нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах. Криминолог-постмодернист феминистского направления Э. Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы» (1996) переосмыслила криминологические тексты, предлагая «прочитать криминологию не криминологически». Янг провела дискурсивный анализ, исследуя роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения.³ Она исследовала проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, подняла вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитала» и «реконструировала» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернизма в криминологии представлен в работе одного из основателей конститутивной криминологии Д. Миловановича «Криминология постмодерна» (1997). Ми-

¹ Цит по: Честнов И.Л. Постклассическая теория права : монография. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 33.

² DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston. N.Y., 1995.

³ Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations». N.Y.: Sage Publications, 1996.

лованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и реконструкции уголовного закона.

Ярким примером постмодернистской интеграции криминологических знаний являются работы Г. Барака «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что эти моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в современном мире.

Основу его интегративной модели составляют, прежде всего, посылы из конститутивной и постмодернистской криминологии. Это положение о релятивном и сконструированном характере девиантности и преступности, социального контроля. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Барак опирается на тезис о том, что преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Они – часть исторического и культурного контекстов. Открытая к изменениям интегративная модель Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мнению ученого, основную идею интегративной, но уже пост-постмодернистской криминологии.¹

В понимании криминологов-постмодернистов люди создают (конструируют) себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифици-

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P.216-232.

руют отличия, определяют категории, тем самым участвуют в социальном конструировании преступности и порядка. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Отсюда девиантность и преступность – рекурсивный результат, однообразные действия, которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве. Девиантность и преступность рассматриваются криминологами постмодернистами как релятивные социальные конструкты, а также как неопределенные, взаимосвязанные, релятивные, динамические и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество. Следовательно, в рамках постмодернистской логики анализа преступность – интегральная часть общества, результат совокупного воздействия всех его элементов, а не их отдельное влияние.

Таким образом, постмодернистский дискурс в девиантологии и криминологии проблематизирует представления о девиантности и преступности, социальном порядке и контроле в обществе постмодерна.

Постмодернистская логика анализа различных форм девиантности и, прежде всего, преступности характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных девиантологических понятий. Постмодернистская криминология – это и новые теоретические подходы, и новые методы исследования: теория нелинейных динамических систем, теория хаоса, теория катастроф, дискурсивный анализ, синергетический метод, методология деконструктивизма. Развитие современной девиантологии и криминологии как социологии преступности в постмодернистской перспективе — реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты науки о преступности в третьем тысячелетии.

Т.Н. Иванова,

доктор социологических наук, доцент

Тольяттинский государственный университет

М.М. Полинкова,

Тольяттинский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА

Многие ученые сегодня солидарны в суждении о том, что современная Россия характеризуется как общество риска. Это связано с историческими, культурными, экономическими, социальными, политическими причинами:

– неспособность адекватно осознать и отреагировать на причины социального и экономического упадка российского общества привело к заимствованию принципов реконструкции на Западе;

– в экономике все больше превалирует негативная логика производства и распространения рисков вместо позитивной логики приумножения капитала, государство не справляется со способностью поддерживать системы жизнеобеспечения человечества;

– существующий прежде социальный порядок сломлен, средний класс сокращен, трудовая этика утеряна, к государству появилось повсеместное недоверие и негативное отношение к переменам;

– государство превратилось в механизм, который обслуживает интересы «верхушек».

Вышеперечисленные причины являются факторами рисков общества России.

Угроза безопасности также является фактором риска. Терроризм как один из наиболее разрушительных видов угрозы безопасности в современной России приобрел невиданные, глобальные масштабы.

В начале XXI века многими исследователями были предприняты попытки понять феномен терроризма, особенно политического. В новой философской энциклопедии терроризм политический рассматривается как противозаконное применение насилия или угрозы насилия (взрывы, убийства, захват зданий,

заложников, самолетов и т.д.) в целях достижения политических или социальных целей на негосударственном уровне против личности или собственности в качестве запугивания гражданского населения или изменения правительственного курса.¹ Терроризм отличается тем, что в рамках политического давления использует в любой форме незаконное насилие.

Насилие означает выражение агрессии угрожающих индивидов или групп, следствие общественного давления, которое превышает потенциальное человеческое терпение.² Насилие прямо и глубоко влияет на свободу человека через физическое воздействие на него (физическое устранение, временное лишение дееспособности, ограничение свободы передвижения), что является видимым средством политического и социального господства.³ Террористам различного характера присуще использование данного рода форм насилия.

Несмотря на то, что многие специалисты и ученые изучают современный терроризм, все же нет основных сведений о закономерностях возникновения терроризма как социального и политического явления.

Очень редко исследователями анализировалась природа терроризма в контексте концепции целого мира, в котором различные части человечества общими усилиями воспроизвели это зло и, соответственно, несут ответственность за него. При этом в любой части мира наличествуют в различной мере внутренние предпосылки зарождения терроризма. Основой терроризма являются политический экстремизм и ксенофобия, которые распространены во всех цивилизованных государствах мира. Россия не исключение. В нашей стране набирает обороты такое явление, как ксенофобия.

Необходимо уточнить дефиниции. Ксенофобию трактуют практически однозначно как страхи, подозрительности, недоб-

¹ Яшлавский А.В. Терроризм политический // Новая философская энциклопедия В 4 томах. Т. 4. М., 2001. С. 57.

² Иванов В.Н. Феномен терроризма // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 63-71.

³ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социально-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С. 146.

рожелательства ко всем сторонним. Среди ученых нет единого однозначного мнения в отношении экстремизма.

В политическом экстремизме всегда есть часть ксенофобии, но он считается более узким социальным явлением. Политический экстремизм считается более организованным, чем стихийная ксенофобия. Терроризм не всегда влияет на политический экстремизм, лишь на тот, который реально использует силу, политически мотивированную против гражданского населения.

Значит, терроризм является разновидностью политического экстремизма с насильственной формой тяжести. В социальном плане, это узкое явление, в котором задействована закрытая конспиративная группа или один человек. Однако здесь невозможно использовать словосочетание «государственный терроризм». Существует другое понятие, чтобы обозначить нелегитимное государственное насилие – террор (например, «гитлеровский»).

Вызвать страх и ужас у жертв-заложников, а также у всех людей – это основная цель террористов. Террором можно назвать политическую систему устрашения, устранения противников методами насильственного характера. Цель террористов – породить хаос среди деятелей политической и экономической сфер. Террористы действуют целенаправленно: необходимо спровоцировать состояние страха в массовом сознании, создать панику в общественной среде, дезориентировать и дезорганизовать работу государственных органов.

Л. Дробижева и Э. Паин выделяют пять основных постулатов экстремизма и терроризма.

Для проявления терроризма и экстремизма характерны общества с модернизированным курсом развития, готовые к резким социальным изменениям или с выраженными признаками этносоциальных отличий. Участники террористических актов – это обычно маргиналы и неподвижные группы населения.

Резкий социальный контраст между бедными и богатыми зачастую провоцирует враждебное отношение и формирует террористические действия.

Экстремизм обычно берет обороты на начальном этапе модернизации общества. Успешные перемены влекут за собой спад экстремизма и терроризма.

Экстремизм и интолератность в обществе возникают при условиях незавершенной урбанизации, неординарных форм индустриализации, трансформации структуры общества со стороны этнодемографической области, усилившейся и неконтролируемой миграции.

Религиозный и этнический экстремизм и терроризм ярко выражены в странах исламизма, в которых преобладают авторитарные политические режимы. Для них форма разрешения политических противоречий – насилие, которое принимается как культурная норма.¹

В России терроризм развивается под влиянием экономических, политических, идеологических, социальных, правовых и этнонациональных факторов.

Терроризм, к сожалению, имеет тенденцию к динамичному развитию. Терроризм возник по одной из главных причин – образование информационного общества. С появлением прессы в XIX веке в странах Европы появился терроризм в своих современных формах. Чем больше роль отводится средствам массовой информации, чем больше влияние их на формирование общественного настроения, тем масштабнее территория терроризма.

Тенденции современного мира таковы, что разрастается поле деятельности терроризма, его воздействие на общество, увеличиваются его шансы.

Множество терактов говорит о неспособности власти обеспечить спокойствие людей, гарантировать им здоровье, жизнь, значит, она несет ответственность за это. Главное в терроризме – механизм политического шантажа, используемого террористами. Неэффективность терроризма выявляется в тех случаях, когда общество никак не отвечает на деятельность террористов согласно их программе, которую они навязывают.

Терроризм обычно проявляется в моменты кризиса модернизационного перехода. Однако при финальном этапе модернизационных переустройств терроризм не имеет места.²

¹ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социально-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С. 146.

² Основы противодействия терроризму : учебное пособие / Я.Д. Вишняков и др. М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 13.

Если хотя бы какая-то часть общества сочувствует действиям террористов, то терроризм имеет продолжение. Террористам необходима поддержка среди населения, в отличие от диверсантов – намеренно обученных профессионалов, которые способны работать в окружении врагов. Террористическая деятельность гаснет, если поддержка населения отсутствует.

Указателем кризисных процессов считается именно терроризм, который своего рода является запасным каналом обратной связи между властными структурами и обществом, а также между отдельной частью общества и обществом в целом. Этот канал указывает на неблагоприятное положение в каком-либо районе социального местоположения. В этой ситуации силовые и полицейские агенты не могут повлиять на исход решения. Чаще всего возможно только локализовать и подавить террористов, а это только часть борьбы с врагом. Существует единственный, основной и перспективный вариант, предотвращающий обращения общества к терроризму, – социальные, политические и культурные реформации. Осуществление данных реформаций возможно лишь в развитом цивилизованном гражданском обществе, но не только в одной из стран мира, а в континентальном или глобальном масштабе.

На сегодняшний день проблема терроризма в нашей стране очень актуальна, впрочем, как и во всем мире. Одной из важнейших угроз современному человечеству и его безопасности является терроризм. За последние годы увеличилось количество преступлений «террористического характера». Терроризм рассчитан на достижение конкретных политических целей. Члены террористического акта стараются оказать влияние для начала на общество и его мнение с целью навести панику среди людей. Террористы никогда не задумываются о количестве жертв. Главным актом террористов является показ всем людям существенного факта страдания людей, осуществляемого посредством СМИ.

Стоит отметить, что в России проблема терроризма усугубляется целым спектром факторов экономического, политического, правового и этнонационального характера.

Т.В. Излученко,

кандидат философских наук

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

ДЕВИАНТНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОЗНАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В настоящее время российское государство оптимизирует меры противодействия деструктивным явлениям и совершенствует законодательную базу. Особое внимание уделяется профилактике и борьбе с преступлениями экстремистской направленности. Это фиксируется в многочисленных нормативных документах. Целью комплексной работы провозглашается укрепление гражданского единства, достижение межнационального и межконфессионального согласия, формирование «в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей»¹. Под экстремистами понимаются сознательно отделившиеся от общества люди, отвергающие социально-культурные нормы и негативно относящиеся к представителям иных взглядов.

Экстремизм включает в себя не только совершение противоправных действий, указанных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», но и наличие радикальных взглядов, свидетельствующих о соответствующем мировоззрении. Исследование сознания экстремистов, предпосылок возникновения экстремистских идей и специфики функционирования представляется актуальным для выявления мотиваций и продуктивного противодействия. Целью нашей работы является обоснование возникновения экстремистских идей как результата отклонений в «нормальной» работе сознания, проявляющегося в специфичном образе поведения и мышления. При этом мы отмечаем, что признание каких-либо действий или идей экстремистскими есть правовой аспект проблемы.

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2015 года // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do>.

Идеология, претендующая на статус уникальной социально-философской концепции, действия, нарушающие социальное равновесие в социуме, и организованная форма (организации и группы) являются компонентами экстремизма. Разновидности определяются по основаниям направлений деятельности (политический, национальный, религиозный, экологический), а также указания возрастного фактора (молодёжный). Однако любой вид по существу является политическим. Религиозный, национальный или иные факторы выступают только идеологическими элементами, обосновывающими и оправдывающими совершение определённых действий.

Экстремистские объединения обладают собственными политическими целями, как правило, труднодостижимыми в ближайшем будущем. В этой связи они предоставляют свободу создания индивидуального смысла своим участникам в рамках существующей полярности, используют религиозные или национальные противоречия в качестве основ смыслотворчества. Политические идеи получают исполнителей, действующих, как они думают, на улучшение и изменение существующего несправедливого социального устройства. Принятие допустимыми насильственных действий обуславливается радикализацией мировоззрения и усиливается осознанием недоступности или ограниченности выражения своего мнения в государстве, неспособностью реализовать свои предложения и ощущением «ненужности».

В рамках деятельности экстремистского объединения каждый участник ощущает свою значимость, получает удовлетворение своих потребностей в доверии, надёжности, развитии и самореализации. В результате этого он идентифицирует себя с данным объединением. Коллективные представления определяют индивидуальные подходы на окружающий мир, формируют специфичный стиль мышления, интерпретации происходящих процессов в рамках социально-философских положений идеологии. Поведение конструируется на основе образцов, соответствие которым регулируется механизмами социального контроля объединения. Требуемое поведение и мысли противопоставляются традициям общества, которые трактуются неистинными, искажёнными заинтересованными людьми и требующими ответных мер вплоть до полного их уничтожения. При осознании свободы вы-

бора и принятия решений участник полностью становится подконтрольным объединению, его повседневная жизнь отражает положения идеологии.

Экстремистская деятельность нередко рассматривается как экстремальная. Акцент делается на её чрезвычайности, необычности и предельности. Экстремальное сознание – это сознание, носитель которого склонен к совершению действий, воспринимаемых окружением необычными и неординарными. При этом экстремальные события оказывают влияние на «нормальное» сознание, приводят к его трансформации. Стоит отметить, что для различных людей одни и те же события могут представляться как экстремальными, так и повседневными. Люди реагируют нестандартно на ситуации, в которых они оказываются. В одном случае возникают экстремистские идеи, а другом – фиксируются повседневные события. Это зависит от работы когнитивных структур и психики. Экстремистское сознание является отражением социальной действительности посредством крайних суждений относительно людей, событий, окружающего мира, не приемлет альтернатив в разрешении проблем и требует совершения соответствующих действий.

Психологическая и социальная фрустрации, вызванные неудовлетворённостью жизненных потребностей вследствие ущемления прав и свобод, обозначены А. В. Маркиным причинами возникновения экстремизма. Астенические, негативные чувства безысходности являются взаимообусловленными стеническими – ненавистью, агрессией. Это способствует возникновению радикальных поведенческих установок в отношении иных людей. Образ «врага» наделяется определёнными качествами (пол, возраст, раса, нация, религия). Ему приписывается совершение действий, ведущих к негативным последствиям для объединения и всего общества. Конечный синтез всех причин осуществляется посредством психологического фактора. Экстремистское сознание не стремится к адекватному пониманию социальной действительности, т.к. это «ослабляет веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается экстремист»¹.

¹ Маркин А. В. О некоторых аспектах формирования экстремистского сознания как основы девиантного поведения в современном обществе //

Наличие психологических нарушений на ранних стадиях детско-родительских отношений по типу параноидных или нарциссических у экстремистов отмечают Ю. М. Антонян и Е. Н. Юрасова. Данные нарушения психики выступают предпосылкой восприятия ксенофобии и националистических идей, актуализации архетипов «чужой» и «враг» и деструктивного и аутодеструктивного поведения.¹ Предоставление альтернативной версии происходящих событий ведёт к неспособности отличать истину от лжи, подлинное объяснение от интерпретации посредством выполненных ухищрений. Формируются ложные идеалы, осознание своей исключительности и, как следствие, вседозволенности.

Исследовательский коллектив под руководством Л. Агнати характеризует работу сознания и психики в контексте развития человечества. В процессе эволюции уникальные умственные способности получают расстройства в функционировании, которые приводят к беспорядкам в коллективном сознании и, как следствие, возникновению экстремистских идей, тех идей, которые отклоняются от общественной нормы. Концепция ошибочной экспансии указывает на возможные извращённые побочные эффекты от повторного использования когнитивных структур с ранее иными целями (ex-aptation). Возникшие идеи получают кодификацию, закрепляются в виде этических норм и аксиологических положений. Человеку присуще конструировать сценарии будущего и определять их вероятность, создавая ментальные образы. Выбор между сценариями осуществляется на основе нейропсихологических субстратов при учёте аффективной коннотации (вероятности вознаграждения или наказания).²

Поведение участника экстремистского объединения, выражающее стремление доказать истинность своих убеждений,

Вестник Краснодарского юридического университета МВД России. 2014. № 3. С. 96.

¹ Антонян Ю. М., Юрасова Е. Н. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 10.

² Agnati L., Marcoli M., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. P. 43-53.

сближается с фанатизмом. В этом аспекте Р. Прус даёт определение экстремизму и фанатизму как интенсивному чувству идеологического пыла, сопровождающемуся высококонцентрированным и устойчивым набором действий, которые выражают преданность к определённой системе убеждений.¹ Нередко экстремистские объединения в процессе социального контроля используют стратегии насилия в отношении своих участников и иных людей. Системы убеждений (социально-философские концепции, идеологии) культивируют чувство преданности, усиливая его приобщением к священному и указанием на исполнение священной миссии, а также требуют соблюдения предписаний, исполнения действий, в том числе и ритуального характера (социальные и религиозные ритуалы). Этим обеспечивается организованная форма совместной деятельности, осуществляется поощрение и побуждение участников к действиям в соответствии с социально-философскими положениями идеологии. Человек, принимая участие в совместной деятельности экстремистского объединения, преследует собственную цель, как правило, отличную от коллективной, о которой он может даже не знать. Внутри объединения он получает возможность стать знаменитым, совершив определённые действия, и реализоваться в кратчайшие сроки.

Девиантностью будет пониматься любая ситуация, идея, действие, которые аудиторией определяются как угроза, оскорбление, аморальность, дискредитирование и негативное поведение. Следовательно, понятие «экстремизм» выражает конкретные взгляды широких масс на заметные отличия. Поведение экстремиста невозможно объяснить только с позиции психического состояния, важным представляется анализ социального контекста. Смысл действий и мотивация содержатся в коллективных условиях и установках. В процессе взаимодействия с окружением он переживает ситуации в определённом аспекте, оказывает влияние на поведение других, а они корректируют его действия.

На основании вышеуказанного стоит подвести итог. С одной стороны, девиантность экстремистского сознания является

¹ Prus R. Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // The American Sociologist. 2005. Vol. 36, Is. 1. P. 49.

отклонением от нормального состояния когнитивной системы и психики человека. Причинами могут быть нестандартные реакции на внешние раздражители, провоцирующие возникновение устойчивых эмоционально насыщенных образов. Это вызывает чувство ненависти и агрессию в отношении иных людей по какому-либо признаку. Девиантность обуславливается ошибочным использованием когнитивных структур, изначально предназначенных для иных целей, в процессе развития личности. Наличие данных свойств в сознании, подкрепляемых соответствующими социально-философскими положениями идеологии, приводит к совершению действий экстремистской направленности. С другой стороны, определение тех или иных действий экстремистскими во многом определяется отношением аудитории к социокультурным явлениям, противоречащим устоявшемуся порядку. В этом случае экстремизм есть отклонение от традиции, способное дестабилизировать общество, т. е. представляющее угрозу для его существования на данном историческом этапе. Следовательно, не все действия, вызванные девиантностью сознания, квалифицируются экстремизмом, но все экстремистские действия обуславливаются девиантностью сознания.

Т.М. Ойдун,

кандидат социологических наук

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кызыл)

**ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ И СНИЖЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
НА ТУВИНСКОМ УЧАСТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ
И МОНГОЛИИ¹**

Приграничными регионами Сибирского федерального округа являются республики Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальский край, которые граничат с аймаками Монголии: Баян-Улгинский,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-46-170004.

Увс, Завхан, Хувгел, Булган, Сэлэнгэ, Хэнтий и Дорнод. Общая площадь российского приграничья составляет 1044,7 тыс.км², а монгольского – 522,2 тыс. км². В общей сложности на 1 января 2016 года на российско-монгольском приграничье проживали 3298,8 тыс. человек: на российской стороне 2598,1 тыс. чел и на монгольской 700,7 тыс. чел. К тувинскому участку относятся 1 313 км, на которых организованы три пункта пропуска. Через границу ведется активное двухстороннее сообщение, налажено взаимодействие по социально-экономическим, политико-правовым, культурно-образовательным вопросам. При любом уровне взаимодействия возникают ситуации, когда необходимо выяснить причины проблемы, возможные пути выхода. Поскольку в коммуникации участвуют индивиды, в нашем случае жители приграничных районов Тувы и Монголии, то наилучшим методом исследования, на наш взгляд, является социологический опрос жителей приграничных территорий, который был нами проведен летом 2017 года. Были опрошены 340 человек, в том числе 165 жителей приграничных кожуунов Тувы и 175 жителей приграничных аймаков Монголии.

Были заданы следующие вопросы: устраивает ли существующая система прохождения через границу, создается ли впечатление, что граница хорошо укреплена, какова оценка уровня защищенности себя и своей семьи от различных проявлений преступности и другие.

Криминогенная обстановка в приграничных районах с обеих сторон границы складывается по-разному. Приграничные кожууны Республики Тыва занимают одни из первых мест по уровню зарегистрированной преступности. Так, Эрзинский и Овюрский районы на 2 и 3 местах, а Тес-Хемский на 7 месте из числа 17 кожуунов республики. В Монголии 22 аймака, из которых Увс аймак на 18 и Завхан аймак на 20 местах по числу зарегистрированных преступлений в расчете на 10 тыс. населения в 2016 году.

В таблице 1 представлены данные по числу зарегистрированных преступлений на 10 тыс. человек с 2012 по 2016 годы. Во всех анализируемых приграничных районах Тувы с 2012 года число преступлений возрастает, а в монгольских аймаках сокращается. Так, в Овюрском кожууне прирост составил 53%, в Тес-Хемском – 18%, в Эрзинском – 5%. В приграничных аймаках

Монголии за период с 2012 по 2016 годы произошло сокращение: в Завхане сразу на 27%, в Увс аймаке – на 6%.

Таблица 1

ЧИСЛО ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НА 10 000 ЧЕЛОВЕК НАСЕЛЕНИЯ, ЕД.¹

Кожууны Туву	2012	2013	2014	2015	2016	Место, занимаемое в республике/стране в 2016 г.
Овюрский	108	131	137	123	165	3
Тес-Хемский	171	142	161	244	202	7
Эрзинский	153	138	140	177	160	2
Аймаки Монголии						
Завхан	78	66	69	70	57	20
Увс	70	75	80	77	66	18

По количеству преступлений тувинские районы в 2 или 3 раза опережают монгольские. При этом стоит отметить, что эти сведения носят общий характер, без конкретизации по видам преступлений и против кого они были совершены, против жителей района, против приезжих или граждан соседней страны. Такие сведения нам не удалось получить от правоохранительных органов. Но мы предложили ответить респондентам на вопрос «Как Вы считаете, каких преступлений больше совершается в Вашем районе?». Больше половины опрошенных тувинцев и монголов затруднились при выборе ответа на данный вопрос, что и отражено в таблице 2.

¹ Социально-экономические показатели городских округов и муниципальных районов Республики Тыва в 2016 году. Кызыл, 2017. С. 58.; Данные Статистической информационной службы Монголии. <http://www.1212.mn>.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ,
КАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ БОЛЬШЕ СОВЕРШАЕТСЯ В ВАШЕМ РАЙОНЕ?», %

	2017	
	Тувинцы	Монголы
Преступления против жителей своего района	23,0	28,4
Преступления против жителей другого района	4,8	1,2
Преступления против приезжих	7,3	11,1
Преступления против жителей соседней страны	1,8	1,2
Затрудняюсь ответить	63,0	58,0

Такая высокая доля затруднившихся, по нашему мнению, свидетельствует об отсутствии информации по данному вопросу. При наличии громких резонансных дел или большого количества преступлений, особенно против жителей соседней страны, распределение ответов было бы другим.

Оставшиеся ответы распределились следующим образом: 23,0% тувинцев и 2,4% монголов полагают, что больше всего преступлений совершается против жителей своего района; 7,3% тувинцев и 11,1% монголов выбрали вариант ответа «преступления против приезжих»; 4,8% тувинцев и 1,2% монголов – «преступления против жителей другого района»; 1,8% тувинцев и 1,2% монголов полагают, что в районах, где они проживают, больше всего совершается преступлений против жителей соседней страны.

Также респондентам был предложен открытый вопрос «Что, на их взгляд, необходимо предпринять властям России и Монголии, чтобы снизить на границе уровень преступности?». Большинство респондентов затруднились с формулировкой ответа либо посчитали, что на данный момент задействованы все необходимые средства. Однако были и респонденты, которые, несмотря на все усилия обеих сторон – России и Монголии – в вопросах приграничной преступности видят слабые места и предложили свои варианты.

Так, у тувинских респондентов наиболее часто встречающимся ответом стали предложения по усилению профилактических мер, а именно пропаганда и профилактика правонарушений,

разъяснение законов. На втором месте – развитие дружеских связей, общения. На третьем – ужесточение системы наказания, активизирования работы со скотокрадами. В двух ответах был предложен набор инструментов, который поможет решить проблему: «Пограничникам больше по границе с собаками ходить, побольше квадракоптеров», «Чипы на скот, чтобы чиповали, было доступно для простого животновода» (в редакции респондентов).

В предложениях и пожеланиях монгольских респондентов самыми распространенными оказались меры по ужесточению системы контроля прохождения границы, охраны рубежей, наказания за преступления, а в особенности за скотокрадство. Кроме того, необходимо ужесточить сами законы, повысить штрафы. Также монголы предлагают инструменты для решения проблемы: «Установить камеры наблюдения на границе». Меры по развитию дружественных отношений между приграничными жителями встречаются в трех анкетах, а профилактика правонарушений, разъяснение законов всего один раз.

Таким образом, мы видим какие, по мнению респондентов, существуют основные проблемные места, которые нужно решить. При этом каждой из сторон отдаются свои приоритеты. Тувинскому населению для профилактики правонарушений необходимо больше разъяснительных мер. Такая потребность вызвана трудностями перевода. Дело в том, что все законы Российской Федерации публикуются на русском языке, найти необходимые федеральные законы на тувинском языке в свободном доступе в сети интернет или в продаже не представляется возможным. Кроме того, в последние годы наблюдается усугубление негативной тенденции снижения уровня владения русским языком среди тувинского коренного населения. Эта тенденция имеет прямую зависимость от территориального удаления от столицы республики г. Кызыла: чем дальше от центра, тем степень владения русским языком понижается, а приграничные районы – это самые удаленные точки региона.

В Монголии не возникает трудностей перевода, т.к. страна говорит на одном языке, поэтому у них это предложение по разъяснительным мерам населению не получило большую поддержку. Зато у них актуальны вопросы скотокрадства, незаконного пересечения границы. В ответах нет уточнения, с какой имен-

но стороны границы идет незаконное пересечение, но, следуя логике, можно предположить, что раз население именно монгольского приграничья сильно обеспокоено данным вопросом, то, скорее всего, границу пересекают тувинцы, которые и воруют скот. Это предположение основано на результатах опроса и, к нашему сожалению, его невозможно подтвердить данными официальной статистики, поскольку подобные сведения относятся к государственной тайне и не могут быть обнародованы.

Таким образом, на тувинском участке государственной границы России и Монголии общая криминогенная ситуация носит внутренний характер для каждой из сторон. Возникающие вопросы трансграничных преступлений находятся под контролем правоохранительных органов. Но при этом результаты опроса показали, что необходимо прорабатывать вопросы профилактики правонарушений с российской стороны, обеспечивать доступ к правовым нормам для всех категорий граждан с учетом национальных особенностей местного населения Тувы.

С.С. Подгорнов,

Институт социологии и регионоведения Южного федерального
университета, (г. Ростов-на-Дону)

АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК В РАЗРЕЗЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В настоящее время складывается ситуация, в которой коррупция объясняется упрощенно, с точки зрения того, что видится поверхностно, и на то, что является следствием, часто накладывается статус причинности. Подобная обратная связь приводит к тому, что общество чаще лечит симптомы болезни, нежели ставит социальный диагноз «ее лечению». Общепринято считать коррупцию негативным фактором, влияющим и на показатели экономического роста, и на авторитет государства, и на уровень институционального доверия. Гораздо сложнее определить границы социологического анализа коррупции, того, что является ее

социальностью; того, что, воспринимаемая как социальный фактор, не вызывает социальные последствия.

В социологической мысли коррупция определенным образом воспринимается как пограничная тема: и это вполне объяснимо с точки зрения системной профилактики коррупции, применения различных методов (политико-правовых, административных, культурно-просветительных и социальных). Однако, когда мы выстраиваем многомерную модель коррупции, часто на первый план выступает государство, государственные структуры, чиновничий аппарат, что понятно в связи с тем, что именно с деятельностью государственных чиновников как обладателей должностной ренты, как распорядителей в сфере социальных услуг связывается степень коррумпированности общества.

При анализе социального производства коррупции важным представляется указать на то, что предметом исследования являются не отношения по поводу производства, распределения и потребления продукта, товара, а отношения по поводу производства человека и общества.

При изучении вопроса социального производства коррупции очень важно не отклоняться от «социального», не перейти к констатации фактов и правовой оценке. В исследованиях отечественных ученых коррупция трактуется в рамках узкой версии и не касается социального производства.

Для К. Маркса важно то, что в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, то есть сам человек в его общественных отношениях. Продукт же выступает в этом движении лишь как мимолетный момент, а сам процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются моментами, а в качестве субъектов выступают только индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в которой они обновляют создаваемый ими мир богатства.¹

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 222.

Другими словами, производство является социальным прежде всего потому, что его конечным продуктом всегда выступает социум или же производство человека как общественного существа. Если рассматривать производство применительно к обществу в целом, то именно производство индивидов в их взаимоотношениях, что, в свою очередь, неотделимо от создания людьми материальных и духовных условий жизнедеятельности и составляет основное содержание производства.

Если следовать логике К. Маркса и Ф. Энгельса, то производство сознания включается непосредственно в реальный процесс производства людьми условий и обстоятельств жизни, откуда появляется собственно духовное производство. Производство и воспроизводство условий и средств материального существования людей с самого начала было производством самого человека, способом формирования и развития его общественных свойств, качеств. Вне существования и развития производства нельзя даже представить себе возможность выделения человека как самостоятельного субъекта, активного деятеля из первоначально нерасчлененного общественного целого. Социальное производство есть динамичная система и структура. В ней то одна, то другая сторона, или факторы, выходят на первый план и становятся определяющими. Природные и социальные условия, знания, опыт в их конкретном историческом содержании характеризуют внутреннюю структуру производительных материальных и духовных сил на всех этапах развития социального производства. Между тем происходит постоянное движение этих сил в истории социального производства, и меняется само назначение по отношению друг к другу того или иного элемента производства.

В контексте вышесказанного очевидным становится, что необходимо осознать, что сам человек является основой социального производства. Человек является движущей силой и основой любого социального явления, института, структуры и самого социума. Более того, социальное производство – это процесс формирования и развития социальных качеств индивида, становления и развития личности. А так как человек является главной производительной силой социального производства, то воспроизводство человека даже в качестве культурного, духовного, эффективного работника имеет самое прямое отношение к исто-

рическим изменениям социального производства и прогрессу общества.

Развивая положения марксизма, К. Маркс указывает, что тайна социального производства заключена в «обработке людей людьми», в том, как люди производят друг друга, в характере общественной связи.¹ Это относится и к материальному и духовному производству. Ведь сознание, собственно, только там и возникает, где индивид оказывается вынужденным смотреть на самого себя как бы со стороны, как бы глазами других людей, где он должен соизмерять свои индивидуальные действия с действиями другого человека, т.е. в рамках совместно осуществляемой жизнедеятельности. Поэтому причины того или иного характера развития материальной и духовной деятельности надо искать в реальной системе общественных отношений.

Если следовать логике Э. Гидденса, коррупцию можно назвать алгоритмом практического действия, тем, что называется позицией соиздания коррупционных схем. Подчеркивая, что коррупционные практики расширяют влияние разрешающих ресурсов и в этом смысле входят в сферу практического сознания, Гидденс считает, что, осознавая опасность коррупции для общества, индивид непреднамеренно не просчитывает негативные последствия коррупции для себя.²

Размышляя о социетальности коррупции по Э. Гидденсу, можно прийти к выводу, что коррупция предполагает определенное согласие. И если в обществе коррупция опривычена, включена в схему практического действия, сложно ожидать формирования универсальной области социального контроля.³

Итак, можно констатировать, что коррупционные практики в контексте социологического знания обозначаются как следствие определенных структурных условий и асимметричности политико-институциональной сферы и сферы повседневности. В отличие от правового подхода, социологический подход подра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 249.

² Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 15.

³ Ахметова Н.А. Социальный механизм воспроизводства коррупции в условия современного российского общества. Волгоград, 2006.

зумевают, что основное внимание уделяется социальным источникам, причинам коррупции.

Коррупция не может считаться явлением, подпадающим только под влияние правового воздействия. В реальности коррупционные практики воспроизводятся, несмотря на применение штрафных правовых санкций, поэтому и представляется необходимым рассматривать степень их масштабности и влияния в соотношении со сложившимися социальными практиками, с функционированием социальных институтов и, не менее важно, с отношением массового сознания к коррупции как социальной проблеме и коррупции как способу социального взаимодействия и социального производства.

Анализируя коррупционные практики в разрезе социального производства, мы пришли к выводу, что коррупционная практика имеет характерные признаки: деятельность, выраженная в действии или бездействии; участвуют два или более субъекта; деятельность всегда вознаграждаемая; деятельность всегда имеет свою адаптированную во времени, месте, социальной, экономической, политической среде стоимость; неоднократно повторяющаяся; направлена на удовлетворение потребностей других лиц; противоречит законным интересам общества и граждан.

Исходя из этого, коррупционная практика – это услуга, то есть вознаграждаемая, неоднократно повторяющаяся деятельность должностного лица и лица, заинтересованного в коррупции, выраженная в действии или бездействии, направленная на удовлетворение потребностей других лиц или получение личной выгоды для всех участников процесса, имеющая адаптированную во времени, месте и социально-экономической среде стоимость, сопровождаемая как злоупотреблением служебным положением должностным лицом, так и выполнением законных функций в обход установленным правилам, противоречащая интересам общества и граждан.

П.В. Тепляшин,

кандидат юридических наук, доцент,

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

И.В. Тепляшин,

кандидат юридических наук, доцент,

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Механизм гарантирования правовых основ развития личности, прав граждан во всех сферах правовой жизни – один из важных аспектов стабильного развития правовой системы России. Особенности осуществления гражданами своих интересов и модернизация правовой действительности российского общества оказывают существенное влияние на изменения в такой сфере как уголовно-исполнительная. Механизм гарантирования прав осужденных выступает сегодня значимым и достаточно динамичным, что создает условия для стабилизации правовой деятельности общества и государства в пенитенциарной системе современной России.

В свою очередь, в современном развитии российской демократии наблюдаются аспекты модернизации и апробации новых средств общественного присутствия в работе органов государственной власти. Так, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» положил основу реализации института общественного контроля в российском обществе. Общественный контроль – (контроль – от фр. *controle* – «проверка») – деятельность граждан и общественных объединений, осуществляемая в установленных законом формах с целью наблюдения за деятельностью субъектов, осуществляющих публичные полномочия, а также за субъектами, не обладающими правом на осуществление публичных полномочий, в установленных законом случаях. Представляется, что контроль – это составная часть управления объектами и процессами с целью проверки соответствия наблюдаемого состояния объекта

желаемому и необходимому положению и состоянию, которые предусмотрены действующими законами и инструкциями.

Российской общественности известно, что общественный контроль предполагает деятельность граждан и их объединений по наблюдению, проверке и оценке соответствия общественным интересам деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и иных публичных структур. В свою очередь, Федеральный закон от 10 июня 2008 г. «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» определяет, что общественный контроль и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, осуществляются на основе принципов приоритета прав человека, добровольности, равноправия, объективности и законности; не допускается вмешательство в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях. Возможно информирование общественности о недостатках и упущениях в деятельности государственных структур при ознакомлении со сведениями о их работе и полученных правовых результатах. Например, это может быть связано с информацией о проведении процедур назначения или согласования между отдельными подразделениями кандидатур на замещение руководящего состава пенитенциарных органов власти. Это обусловлено гласностью подобных мероприятий и официальным доведением выявленных дефектов до всеобщего ознакомления.

Конечно, здесь важно учитывать социально-правовые интересы, инициативу и стремления общественников и заинтересованных лиц. Так, В.Е. Чиркин, справедливо отмечает возможность «встраивания» категории активность человека в механизм развития российской государственности, указывая, что «вопросы взаимных прав, обязанностей и ответственности государства и личности в наше время сравнительно успешно решаются в правовом поле (законодательстве). Человек сам должен развивать свою активность, участвовать трудом в развитии общества»¹.

¹ Чиркин В.Е. Государствоведение как отрасль знания и учебная дисциплина // Государство и право. 2008. № 4. С.18.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» граждане и общественные объединения, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений, являются лицами, участвующими в профилактике правонарушений. Данная деятельность также может осуществляться и в местах принудительного содержания соответствующих лиц, в том числе в пенитенциарной системе России.

Кроме прочего общественный контроль может развиваться как институт, направленный на формирование соответствующей концепции взаимодействия комиссий по проверке состояния пенитенциарных учреждений и государства. Речь идет о теоретической модели организации контрольных мероприятий со стороны российской общественности в отношении пенитенциарной системы. Стоит надеяться, что развитие института гражданского представительства в пенитенциарной системе современной России будет способствовать принятию закона «Об общественном (гражданском) контроле в уголовно-исполнительной системе», что расширит сферу влияния общественников на организацию и деятельность органов уголовно-исполнительной системы. В унисон принятию данного нормативного правового акта представляется целесообразной институционализация специализированных уполномоченных по контролю за состоянием прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В качестве аргументов создания в России службы Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей, выступают определенные факторы. Так, действующие на сегодняшний день правовые институты не способны эффективно разрешать поступающие к ним жалобы. Как следствие – возникает потребность либо реформировать уже существующие органы и учреждения, либо создавать новые. Обратившись к зарубежному опыту, можно отметить соответствующие положительные образцы. Например, опыт английского типа пенитенциарной системы показывает, что аналогичная для России ситуация успешно разрешилась именно благодаря созданию Уполномоченного по делам тюрем и пробации (Prison and Probation Ombudsmen).¹

¹ Scott D. Penology. London: SAGE Publications Ltd, 2008. P. 129-131.

Представляется, что общественное одобрение пенитенциарной практики и её результатов должно строиться на прозрачности (прозрачности) деятельности уголовно-исполнительной системы как для отдельных представителей общественности, так и для общества в целом. Как отмечается специалистами, такое информирование общества является способом реализации базового принципа функционирования власти в демократическом государстве.¹ При этом взаимодействие уголовной юстиции и гражданского общества должно строиться не только на широкой практике общественного контроля за содержанием осужденных в местах лишения свободы, нормативная основа которого закреплена Федеральным законом от 10 июня 2010 г. «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», но и на публичных обсуждениях проблем правосудия, благотворительности, правовом просвещении и правовой помощи, общественном сопровождении лиц, освободившихся из мест лишения свободы и других функциях гражданского общества по отношению к уголовной юстиции.

Таким образом, необходимость комплексного учета и реализации человеческого фактора, правовой инициативы граждан в пенитенциарной системе может продуктивно способствовать повышению эффективности исправления лиц, отбывающих лишение свободы, и всестороннему учету европейского опыта обращения с осужденными.

¹ Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р. Валент, 2010. С. 169; Юнусов Э.А., Жезлов Н.В. Общественный контроль в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Современное право. 2017. № 1. С. 112-116.

Т.Ф. Ящук,

доктор юридических наук, доцент

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ПРОЕКТЫ КОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ 1920-х – 1930-х годов¹

Российское уголовное законодательство является первой отраслью, нормы которой были систематизированы в форме кодекса. В 1845 г. было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, содержание которого логически вытекало из первых систематизированных сборников законодательства – Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи. Дальнейшее развитие источников уголовного права в период Российской империи связано с совершенствованием и модернизацией этого кодифицированного акта. Длительное время велась подготовка нового Уголовного уложения, завершённый проект был готов в 1903 г., но по ряду причин, прежде всего политического характера, он не получил официальной поддержки. Тесная зависимость уголовного закона от интересов государственной власти в полной мере проявлялась и в период становления советского государства.

УК РСФСР 1922 г., принятый в период перехода к нэпу, отразил стабилизацию общественных отношений, допускающих рыночный обмен, денежное обращение, многоукладную экономику. Несмотря на криминализацию отдельных деяний, прежде всего, включенных в раздел «Хозяйственные преступления», УК РСФСР 1922 г. исходил из преемственности отечественной уголовно-правовой традиции (например, в определении форм вины, понятия соучастия и др.), имел четкую структуру, логичное содержание Общей и Особенной частей, отличался высоким уровнем юридической техники.

Образование СССР потребовало внести серьезные коррективы в иерархию источников уголовного права. В 1924 г. изданы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-011-00467.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик, которые определили модель правового регулирования в условиях сложной федерации. Предложенный прием, когда базовые принципы отрасли, ее предмет и метод формулируются в союзном законе, а конкретизация норм достигается в республиканском кодексе, отражал баланс законодательных полномочий между союзным центром и республиками, и вскоре был распространен на другие отрасли. Содержание союзных основ интегрировалось в общую часть отраслевого республиканского кодекса, а особенная часть предлагалась самими республиками.

Становление тоталитарного режима сопровождалось укреплением централистского начала в управлении государством. Пересматривалась структура и объем полномочий, находящихся в исключительном ведении Союза ССР, совместном ведении и исключительном ведении республик. Если согласно Конституции СССР 1924 г. только 5 наркоматов имели статус общесоюзных, то в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. их число увеличилось в несколько раз.

Централистские тенденции проявились и в сфере законодательного регулирования. Смещение центра законодательного регулирования с республиканского уровня на союзный, признавалось официально, не вызывало возражений у юридической общественности, что подтверждается содержанием коллективного труда «История советского уголовного права», изданного в 1948 г.¹ На уровне Союза ССР принимаются акты, которые не столько дополняли нормы, содержащиеся в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик, сколько вели к серьезной деформации республиканского кодекса. Так, Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза СССР опасных преступлениях против порядка управления), утвержденное постановлением ЦИК СССР 25 февраля 1927 г., содержало прямое требование включить данный акт в уголовные кодексы союзных республик — первоначально на уровне отдельных мнений, затем поддерживаемой позиции, а в итоге в завершенных проектах, серьезно пересматривающих содержание Основных начал уголовного зако-

¹ История советского уголовного права. М., 1948. С. 318.

подательства Союза ССР и союзных республик и Уголовного кодекса РСФСР.

К концу 1928 г. под руководством Н.В. Крыленко был подготовлен проект, который предполагал существенную переработку действующего Уголовного кодекса. К обсуждению привлекли научную общественность, практических работников. Рассмотрению проекта было посвящено специальное заседание в Институте советского права, в нем приняли участие научные сотрудники института, работники органов юстиции, других заинтересованных ведомств.¹ Объективные причины для внесения изменений в действовавший кодекс, безусловно, были, и они требуют специального изучения. Однако одну из них лица, определявшие государственную уголовную политику, прямо связывали с недостатками самого УК, хотя в большей степени она проистекала не столько из содержания законодательных норм, сколько из сложившейся правоприменительной практики. Во второй половине 1920-х гг. наметился рост числа осужденных, в том числе из категории трудящихся, которые за нетяжкие преступления приговаривались к длительным срокам лишения свободы. А.Я. Эстрин считал, что этому способствует «кодекс-прейскурант, то есть тот кодекс, который у нас сейчас существует»². Утверждалось, что необходимо усилить уголовную репрессию в отношении классовых врагов и применять более мягкие меры воздействия в отношении случайных преступников из трудящихся, добиваться более рациональной систематизации и союзных Основных начал и республиканских кодексов, пересмотреть преступления с точки зрения их важности и опасности, а также меры уголовно-судебного принуждения с точки зрения их целесообразности, учитывая накопленную практику.³

Инициаторы и активные сторонники пересмотра кодекса Н.В. Крыленко и А.Я. Эстрин утверждали, что действующий УК, установивший четкую формальную связь между преступлением и

¹ АРАН (Архив российской академии наук). Ф. 360 (Институт советского строительства и права). Оп. 4. Д. 60. Л. 1.

² АРАН. Ф.360. Оп.4. Д. 60. Л. 197.

³ Винокуров А. О пересмотре Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик // Советское строительство. 1930. № 1. С. 41.

мерой наказания, не соответствует интересам революционной законности, напротив, похож на буржуазные кодексы и является устаревшим. По их мнению, нужен УК, где основные вопросы, связанные с установлением меры наказания, регулировались бы не в особенной, а в общей части.

Наиболее радикальные предложения требовали полного отказа от особенной части уголовного кодекса. Такой нормотворческий опыт, хотя в отношении и некодифицированного акта, в советском праве имелся. В условиях правового вакуума, отсутствия уголовного кодекса народный комиссариат юстиции в 1919 г. разработал документ под названием Руководящие начала по уголовному праву, который должен был стать инструкцией для советских судов при квалификации преступлений и назначении наказаний. Его можно считать прообразом уголовного кодекса без особенной части.

Однако предложения кардинально пересмотреть структуру уголовного кодекса, исключив из нее особенную часть, получили отрицательную реакцию со стороны юридической общественности. Журнал «Советское строительство» напечатал статью А. Винокурова под названием «Об уголовном кодексе без «особенной части» и без дозирования». Автор доказывал, что, рекламируя на словах уголовный кодекс без особенной части, без точных составов преступлений, его составители фактически приводят те же составы преступлений. «Только то, что прежде было в одном месте, теперь размещено в разных местах, причем подавляющее большинство статей напечатано без всяких изменений»¹.

Попытки пересмотреть республиканский Уголовный кодекс и союзные Основные начала продолжались на протяжении 1930-х гг., но не имели практического завершения. Причина неудач имела глубинные основы, заключающиеся в исторической традиции развития уголовного законодательства. За длительный период эволюции сложились и устоялись такие формы структурирования уголовного закона и систематизации включенных в него норм, которые было невозможно радикально отменить и предложить вместо них жизнеспособную законодательную альтернативу.

¹ Винокуров А. «Об уголовном кодексе без «особенной части» и без дозирования»// Советское строительство. 1930. № 10-11. С.51.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

А.В. Ростова,

кандидат социологических наук

Тольяттинский государственный университет

ОЦЕНКА УРОВНЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Проблема безопасности в современном мире стоит весьма остро. Об этом свидетельствует непрекращающаяся череда террористических актов по всему миру. За последнее время чрезвычайно выросли опасения россиян в связи с ситуацией на международной арене. Международные конфликты на протяжении достаточно длительного времени остаются для россиян одним из главных страхов¹.

Это обстоятельство обнаруживает актуальность изучения вопроса безопасности и оценки террористической угрозы. Данная проблема вызывает все больший интерес среди ученых различных областей науки. В работах затрагиваются весьма разнообразные вопросы: методологические подходы к изучению проблемы², экономические аспекты безопасности государства³, исто-

¹ Международная напряженность – снова номер один в рейтинге страхов россиян. Пресс-выпуск № 3242. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115944> (дата обращения: 06.06.2017).

² Лебедева Л.Г., Ростова А.В., Ургалкин Ю.А. Феномен терроризма сквозь призму рискологических концепций // Экономика и социология. 2014. № 21. С. 16-24.

³ Буньковский Д.В. Иностраннные инвестиции и экономическая безопасность России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических проблем. 2017. № 11. С. 32-33.

рия возникновения и распространения терроризма в современном мире¹, а также эмпирические вопросы².

В апреле-мае 2017 года нами было проведено эмпирическое исследование, включающее в себя анкетный (N=200) и экспертный опросы (N = 15). В ходе анкетирования были опрошены студенты технических и гуманитарных специальностей. В группу экспертов вошли представители силовых структур, социологи и психологи, занимающиеся проблемой терроризма и экстремизма.

Исследование включало в себя несколько блоков вопросов. В данной статье представлен анализ первого блока, включающий оценку остроты проблемы экстремизма и терроризма в современном мире. Респондентам было предложено оценить степень опасности террористических и экстремистских актов по 5-балльной шкале, где 1 балл – проблема не является острой, 5 – проблема стоит очень остро.

Отметим тот факт, что эксперты достаточно высоко оценили опасность террористических и экстремистских актов (рис. 1).

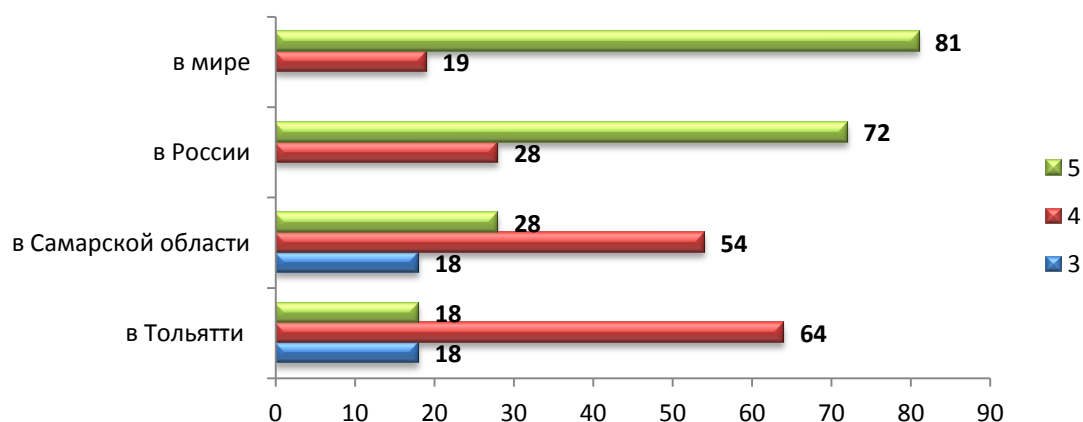

Рис. 1. Оценка экспертами остроты проблемы терроризма и экстремизма

¹ Шегаев И.С. Терроризм: история и причины возникновения // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 463-465.

² Борисов С.В., Ростова А.В. Репрезентация проблемы терроризма в российских средствах массовой информации (на основе контент-анализа печатных СМИ) // Известия Института систем управления СГЭУ. 2012. № 3(6). С. 17-22; Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) / А.И. Кирсанов // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 1. С. 85-97.

Из представленной диаграммы видно, что подавляющее большинство экспертов оценивают проблему терроризма в России и в мире как чрезвычайно острую – 72% и 81% соответственно. В то время как в Самарской области и Тольятти эта опасность несколько ниже – 28% и 18% соответственно. Также большинство экспертов высказали мнение о том, что проблема остается острой.

Примерно в этом же русле оценило террористическую угрозу и население (табл. 1). Однако следует отметить, что среди экспертов наблюдаются более согласованные оценки, нежели среди респондентов анкетирования, что означает наличие среди населения наличие всего спектра эмоционального отношения к проблеме.

Таблица 1

НАСКОЛЬКО ОСТРО СТОИТ ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА...
(ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЯ), %

Оценка	«1»	«2»	«3»	«4»	«5»	Всего
В мире	4	0	4	14	78	100
России	0	4	18	39	39	100
Самарской области	4	14	48	30	4	100
Тольятти	13	44	22	17	4	100

В ходе интервью эксперты оценили изменение ситуации. Подавляющее большинство экспертов (72%) высказали точку зрения о том, что за последние 2 года ситуация в мире, связанная с террористической угрозой, значительно ухудшилась. В России же, по мнению почти половины интервьюируемых (45%), ситуация улучшилась немного. Почти треть экспертов высказали мнение о том, что ситуация заметно хуже. Что касается оценки ситуации в Самарской области и г.о. Тольятти, ни один из экспертов не выбрал ответ «стала заметно хуже» (рис. 2.).

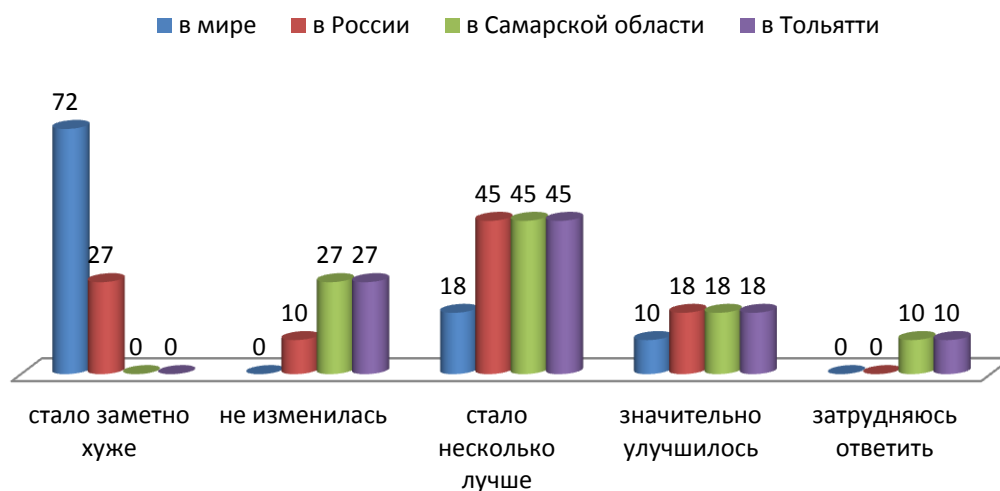

Рис. 2. Ответы экспертов на вопрос: «Как Вы считаете, изменилась ли за последние 2 года ситуация с проблемой терроризма и экстремизма?»

Среди населения преобладают в большей степени пессимистические настроения, нежели среди экспертов (рис. 3). Так, подавляющее большинство ответов респондентов смещены в сторону «ситуация заметно ухудшилась» и «ситуация не изменилась».

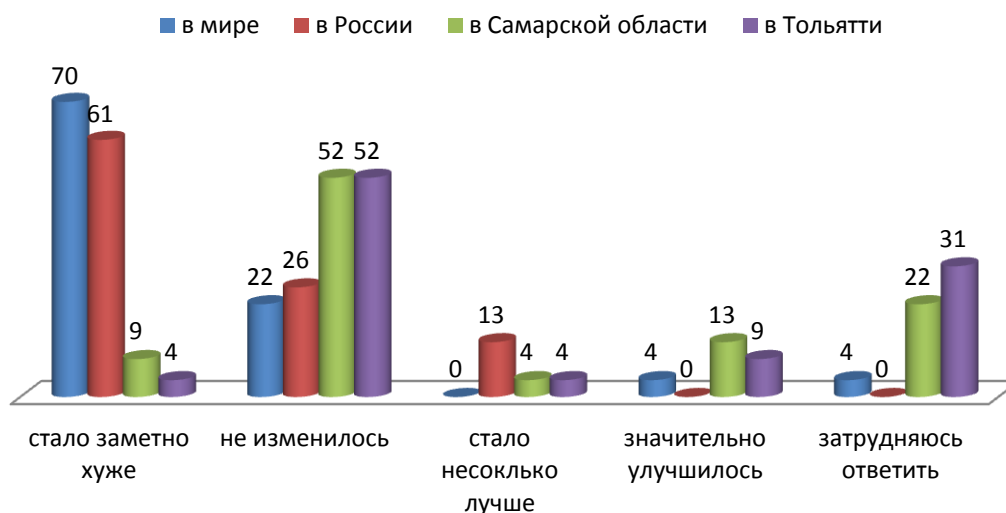

Рис. 3. Ответы населения на вопрос: «Как Вы считаете, изменилась ли за последние 2 года ситуация с проблемой терроризма и экстремизма?»

Эксперты оценивают ситуацию с террористической угрозой в России как «заметно улучшающуюся» (45%), в то время как

население оценивает в подавляющем большинстве (61%) – как ухудшающуюся. Это обстоятельство свидетельствует о высокой степени тревожности населения, неверии в возможности государства защитить граждан.

Примерно такая же ситуация обстоит и с оценкой террористической угрозы в Самарской области и г.о. Тольятти. Почти половина экспертов (45%) считают, что ситуация «стала несколько лучше», и почти столько же (52%) высказали мнение о том, что ситуация в области и городе не изменилась за последние 2 года.

Таким образом, сравнительный анализ мнений экспертов и населения свидетельствует о доминировании пессимистических оценок среди последних, которое склонно очень низко оценивать способность государства и правоохранительных органов обеспечить безопасность граждан страны.

С.Г. Еремеев,

кандидат психологических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Современная молодежь достаточно чувствительна к проблеме поликультурной коммуникации. Это одновременно актуализирует вопрос толерантности среди современной молодежи в отношении представителей других этнических групп. Более того, в основном от молодежи и зависят в самом ближайшем будущем перспективы решения вопроса противодействия ксенофобии, предотвращения терроризма, проявления экстремизма, распространения иных глобальных угроз (наркоугроза¹, киднэппинг и др.). В данном контексте приобретает важное значение не только осмысление, операционализация понятия «этническая толерант-

¹ Еремеев С.Г. Уровни профилактики наркоугрозы в современном обществе (психологический аспект) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 4 (21)

ность» в категориальном поле психологии, но и выработка необходимых психолого-педагогических технологий для его формирования в молодежной среде.

Феномен толерантности занимает особое место в общественной жизни, в системе человеческих отношений. Кроме того, он предстает не просто как «абстрактный идеал», а как универсальная общечеловеческая ценность, от реализации которой в значительной степени зависит как дальнейшее развитие личности, так и развитие государства в целом.¹

Взгляды ученых имеют много общего относительно природы толерантности в разных направлениях исследования личности. К релевантному полю понятия толерантности относится отсутствие агрессивного поведения (А. Бандура, Т. Адорно), свобода (Э. Фромм и Г. Олпорт), эмпатия (Г. Олпорт и К. Роджерс). В то же время, существуют и противоречия в этих взглядах. По Г. Олпорту, причиной толерантного поведения является дисбаланс между «я-реальным» и «я-идеальным», тогда как, по К. Роджерсу, такой дисбаланс порождается скорее интолерантным поведением, чем толерантным. В то же время взгляды всех ученых совпадают в том, что толерантность является важной личностной чертой, свойством, признаком, порождается как внутренними, так и внешними факторами, проявляясь в эмпатийном, терпимом отношении к другим.²

Отметим, что толерантность во все времена считалась человеческой добродетелью. Она имела в виду терпимость к различиям среди людей, умение жить, не мешая другим, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других. В теории современного научного познания имеют место различные подходы к пониманию феномена «толерантность» из-за его многоаспектности. Медико-биологический контекст освещает адаптацию организма к неблагоприятным воздействиям среды. Философский аспект предлагает рассмотрение толерантности

¹ Цуканова А.П. Толерантность в структуре социально-психологической адаптации личности (на примере студентов) : автореф. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2006.

² Кихтюк А.В. Психологические особенности формирования этнической толерантности у студенческой молодежи : автореф. ... канд. психол. наук. Луцк, 2010.

как готовности постоянно и с достоинством воспринимать личность, вещь или событие, как терпение, терпимость, выдержку, примирение. Политический контекст – центровка внимания на уважении к свободе другого человека, его взглядов, мыслей, поведения. Социология трактует толерантность как снисходительность, деликатность, привязанность к другому и тому подобное. В общепедагогическом контексте толерантность трактуется как готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия и взаимопонимания.¹

На современном этапе развития общества все большее значение приобретает изучение этнической толерантности. Эту проблематику исследуют специалисты различных областей наук: психологи, педагоги, философы, политологи и многие другие. Частые террористические акты, агрессия на межэтнической и межрелигиозной почве, обострение межкультурных противоречий требуют более глубокого понимания природы этнической толерантности и особенностей их влияния на мировоззрение граждан, в частности на молодежь.

Толерантность как качество личности противопоставляется стереотипности и авторитаризму, считается необходимым для успешной адаптации к новым неожиданным условиям. В связи с этим выделяются два аспекта толерантности:

– внешняя толерантность (к другим) – убеждение, что они могут иметь свою позицию, способны видеть вещи с других (разных) точек зрения, с учетом различных факторов;

– внутренняя толерантность (к неопределенности) – способность к принятию решений и размышления над проблемой, даже если неизвестны все факты и возможные последствия.

Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений.

¹ Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4.

Этническая толерантность – отношение к людям другой расы и этнической группы, к собственной этнической группе, оценка культурной дистанции.

В современной социально-психологической литературе этническая толерантность в обобщенном виде трактуется следующим образом: готовность личности терпимо воспринимать те или иные явления национальной жизни и межэтнических отношений.

Этническая толерантность предполагает не просто принятие другого этноса таким, какой он есть (это ее онтология), а избирательное отношение к другому этносу и его представителям. Она предполагает:

- готовность к сотрудничеству, взаимовыгодному партнерству на основе взаимоприемлемых ценностей;
- готовность к культурному взаимодействию и взаимообогащению;
- способность к взаимной эмпатии, нейтрализации негативных комплексов в поведении без унижения личного и социального достоинства;
- установку на диалог с целью достижения большего взаимопонимания.

Структура этнической толерантности личности может быть представлена когнитивным, аффективным и конативным компонентами. Когнитивный компонент представлен в виде знаний и представлений о психическом состоянии, национальном характере, этнических стереотипах и этнических конфликтах различных этнических групп. При этом ведущее значение приобретают именно знания как совокупность информативных единиц, основанные на объективных закономерностях межэтнического взаимодействия в мире. В то же время представления выражают субъективный опыт личности, который также влияет на общую осведомленность личности.

Аффективный компонент представлен в виде практических (удовлетворение результатом собственного взаимодействия с представителями других этнических групп), глорических (желание самоутверждения поликультурных, полинациональных ценности, их признание в мире), альтруистических (желание приносить другим людям радость независимо от их этнической при-

надлежности) и коммуникативных (желание общаться с представителями других этнических групп) эмоций.

Конативный компонент взаимосвязан с мотивационной сферой личности, включая мотивы межличностного взаимодействия с представителями других этнических групп, а также реальное толерантное поведение в отношении этих лиц. Поэтому, конативный компонент охватывает межэтнические интересы и межэтническую направленность личности в целом.

Подводя итог, следует отметить, что толерантность связана, прежде всего, со степенью развития и сформированностью ценностных ориентаций, преимущественно охватывает и обуславливает взаимосвязи толерантности с другими личностными характеристиками.

Развитие толерантности в молодежной среде видится как в развитии каждого из рассмотренных компонентов в отдельности, так и формирование гармоничной, целостной личности, имеющей потенциал профессиональной и личностной самореализации в полинациональном пространстве.

О.В. Коновалова,

доктор исторических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Древнегреческий философ Сократ считал, что «есть одно только благо – знание и одно только зло – невежество». Осознание истинной природы своего «Я» делает человека добродетельным. Отсюда, по мнению философа, следует, что «знание – главная добродетель».¹ Спустя тысячелетия, практически к таким же выводам пришел наш соотечественник, великий русский пи-

¹ URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/83098/90/Ogarev_-_50_zolotyh_ideii_v_filosofii.html.

сатель Л.Н. Толстой. В последнем произведении «Путь жизни» (1910 г.) он писал: «Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того, чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живет». Далее «то, что представляется человеку злом, есть только указание того, что человек ложно понимает свою жизнь и не делает того, что дает ему свойственное ему благо. Зла нет»¹.

Совершенно очевидно, что причины распространения национализма и религиозного экстремизма, а также других проявлений нетерпимости и неуважения людей друг к другу носят комплексный характер. Их проявление можно встретить в различных сферах общественной жизни, но все же их глубинные истоки, по нашему мнению, кроются в психической природе человека и обусловлены интеллектуальной и духовно-нравственной ограниченностью людей, отстаивающих подобные взгляды. Поэтому знакомство людей с накопленными в истории человечества философскими и духовными знаниями, опытом осмысления природы своего истинного «Я», будут способствовать преодолению узости мышления, вести к усилению нравственного самоконтроля, развитию духовного потенциала личности.

Как известно, психологическая потребность индивида в поиске смысла жизни, ответе на вопрос «зачем я живу?», а также потребность ощущать себя частью группы является естественной на протяжении всей жизни человека, однако особенно актуализируется в молодом возрасте. Молодежь, не получившая еще достаточно полного развития интеллектуального и духовно-нравственного потенциала, является, что называется «группой риска» в плане опасности распространения в ее среде радикальных и экстремистских идеологий.

Этому может способствовать состояние идеологического, духовно-нравственного кризиса самого общества. Особенно опасным, по мнению исследователей, является феномен идеологического вакуума – состояния государства и общества, характеризующиеся отсутствием объединяющей государственно-национальной идеи, ясных для каждого члена общества социаль-

¹ Толстой Л.Н. Путь жизни // ПСС: в 90 т. Т. 45. М., 1956. С. 17-18.

ных ориентиров и морально-нравственных устоев. В условиях «идеологического вакуума» человек вынужденно пребывает в состоянии постоянного поиска «глобальной, генеральной идеи», чем успешно пользуются экстремистские и террористические организации, предлагающие радикальные пути решения злободневных вопросов.¹

Все вышеперечисленные вызовы ставят новые задачи в процессе образовательной деятельности, особенно в преподавании гуманитарных дисциплин, прежде всего таких, как философия, религиоведения, ведь они напрямую связаны с формированием и развитием мировоззренческих установок обучающихся, духовно-нравственной культуры личности.

Философские искания, оформившиеся до XX в., условно можно разделить на материалистические и идеалистические. К материалистическим следует относить такие, которые за основу развития мира, человечества и общества брали материальные субстанции (вода, огонь, атом, экономика и т.п., исходя из принципа: материя первична, сознание вторично). Такой подход к осмыслению религии получил научное обоснование в марксистской парадигме, стал методологической основой для научного изучения религии в СССР и утверждения атеистического подхода. Его суть заключается в том, что ведущей сферой общественной жизни выступает экономическая, все остальные сферы обусловлены развитием социально-экономической жизни, хотя могут оказывать определенное влияние на нее. Религия рассматривалась К. Марксом и Ф. Энгельсом как исторический феномен, формы и проявления которой зависели от уровня материального производства, степени зависимости человека от природных явлений, характера формирующихся общественных отношений. Согласно этому подходу обожествление природы на ранних стадиях развития общества при первобытнообщинном строе, связано с неразвитостью материального производства, сильной сте-

¹ Шустова М.С., Егоров И.Н. Идеологический вакуум российского общества как причина экстремизма и терроризма в России // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 293-296.

пенью зависимости от природы. «...Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных», – писал Ф. Энгельс. С появлением частной собственности, классов и государств в условиях рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций религия становится орудием господства эксплуататорских классов над эксплуатируемыми, в этом случае религия – «это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков, опиум народа»¹. В контексте данной концепции предполагалось, что при создании соответственных материальных и научных предпосылок в будущем, когда большинство тайн природы будут открыты человеку, религиозное отражение действительного мира исчезнут.

В рамках философских доктрин, относящихся к идеалистическому направлению, ведущая роль отводилась сознанию (сознание первично, материя вторична). Субъективные идеалисты полагали, что человеческое сознание выступает в качестве активной составляющей действительности, благодаря идеалам, чувствам, воли, человек становится творцом собственного мира, в котором он живет. Дуалист французский философ и математик Рене Декарт в трактате «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (1637 г.) заявлял «Я мыслю, значит, я существую». «Я – субстанция, вся сущность, или природа, которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи»². При этом он не отвергал существование Бога, мира сверхъестественного. Религия в контексте идеалистических представлений рассматривалась в качестве своеобразной формы активного самоосмысления человека и мира, основой формирования глубинных, сущностных, гуманистически-нравственных начал.

¹ Цит. по : Яблоков И.Н. Религиоведение / И.Н. Яблоков. М., 2005. С.125, 126.

² URL: <http://chtooznachaet.ru/kto-skazal-ya-myslyu-sledovatelno-sushhestvuyu.html>.

Представители объективного идеализма были уверены в том, что природа, мир человека, весь материальный и духовный мир, мир видимый и невидимый – является самопроявлением, самораскрытием, саморазвитием Абсолютного Духа, Мирового Разума. Гегель считал, что великие люди – это те, кто реализует замысел Мирового Разума. Историческое развитие закономерно (в контексте открытых законов диалектики: единство и борьба противоположностей; переход количественных изменений в качественное, отрицание отрицания) и прогрессивно: высшая цель человека – стремление к истине и свободе. Носителем истины и свободы во всемирной истории является Мировой Разум. Специально религии посвящены ранние работы Гегеля «Жизнь Иисуса», «Дух христианства и его судьба», а также опубликованные после смерти «Лекции по философии религии». Самопознание человека и Бога, по мнению Гегеля, не возможно только с помощью слепой веры и религиозного чувства. Важным инструментом выступает мышление. Только в «чистом мышлении», Бог облекается в совершенно адекватную ему форму Абсолютного Духа. Хотя у религии и философии одна основа – Абсолют, Бог. Но лишь в чистом мышлении он выступает в форме адекватной содержанию. Поэтому только соединение веры и знания открывает путь к «абсолютному знанию», «самосознанию Бога в человеке». Вместе с тем, каждый человек рождается в определенном государстве, обретает «веру отцов». Поэтому с точки зрения воспитания у людей чувства долга, дисциплины и уважения к законам «религия – дело государственной важности», основа государства, – считал Гегель.¹

В философских доктринах неопозитивизма в начале XX в. наметилась тенденция к синтезу материалистических и субъективно-идеалистических установок, в признание нерасторжимого единства материальной и духовной составляющей человеческой природы, признание активной, творческой силы человеческого сознания и деятельности.

Различие в философских построениях исследователей обусловлены, на наш взгляд, определенным уровнем восприятия себя и мира. Осознание себя прежде всего как физического, мате-

¹ URL: <http://www.countries.ru/library/culturologists/hegel/gegel-bio.htm>.

риального тела приводит к преобладанию материалистического взгляда на мир. Восприятие себя как существа мыслящего, целеопределяющего, действующего в соответствии с собственными идеальными построениями и конструкциями приводит к формированию субъективно-идеалистической мировоззренческой концепции. Осознание себя как духовной сущности, части единой духовной субстанции способствует формированию объективно-идеалистических построений. Все эти мировоззренческие концепции следует признать в определенной степени истинными для своего уровня самовосприятия.

Вместе с тем установки, связанные с восприятием себя прежде всего как материального и ментального существа, отрицание общей духовной природы человечества, позволяющей осознавать духовное единство людей, несмотря на культурные, исторические, национальные, религиозные и т.п. различия между ними, могут способствовать росту коллективно-группового эгоизма. Развитие комплекса «свой-чужой», страх перед не похожими на себя, в том числе по религиозному и национальному признаку, приводят к росту экстремистских, агрессивных настроений, конфликтным отношениям, враждебному поведению в обществе и мире. Фанатичное следование религиозным догмам и культам, выхолащивание из религии ее духовно-нравственного первоначала, в угоду политическим амбициям и экономическим соображениям вполне укладывается в рамки вышеуказанной дихотомии. Поэтому не всегда религиозный человек является высокоразвитой духовной личностью.

Осознано гуманное, уважительное отношение к другому, «как к самому себе», становится естественным для человека, постигшего свою духовную природу. Как писал Толстой, важно всегда помнить, что «в каждом человеке та же душа, что во мне, и что поэтому обращаться с людьми надо со всеми одинаково, с осторожностью и уважением»¹. Эта мысль созвучна идеям Сократа, «золотому правилу нравственности» древнекитайского философа Конфуция, духовно-нравственным учениям Будды, Иисуса

¹ Толстой Л.Н. Указ. соч. См. подр.: Коновалова О.В. Идеолог неонародничества В.М. Чернов о жизни и творчестве Л.Н. Толстого // Ростовский научный журнал. 2017. Вып. 9. С. 23-25.

Христа и т.п., моральному императиву И. Канта. На разных языках, в разных национальных, религиозных культурах, в разное время звучит и повторяется одна и та же истина о духовном единстве человечества. Довести эти знания до умов молодых людей, мотивировать и направлять их духовный поиск и содействовать духовному развитию – и есть та актуальная задача, которая стоит сегодня перед преподавателями гуманитарных дисциплин. «Промедление смерти подобно».

Хромова Н.М.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Семья – это та первичная среда,
где человек должен учиться творить добро
В. Сухомлинский

В последнее десятилетие обеспечение благополучного и безопасного детства стало одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. Так, в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года, указано, что раннее предупреждение правонарушений несовершеннолетних предполагает усиление роли института семьи, повышение эффективности государственной поддержки семьи, развитие единой образовательной (воспитывающей) среды, а также меры по раннему выявлению и профилактике девиантного поведения несовершеннолетних.

Заметим, что семья всегда являлась одним из главных общественных институтов в вопросах воспитания детей. Она отражает состояние развития общества, подвержена негативному воздействию макросреды. Таким образом, семья имеет не последнее значение в предупреждении и профилактике девиантного поведения

несовершеннолетних. Я.И. Гилинский отмечал, что семейное воспитание, наличие собственной семьи, внутрисемейные отношения – важнейшие факторы формирования и существования личности.¹

В общесоциальном смысле семья должна выступать сосредоточием любви, оплотом дружбы, поддержки и взаимопомощи, однако она же может служить источником различного рода конфликтов, таких как: межличностные, гендерные и поколенческие.

Безконфликтная семья является основным антидевиантным фактором. Между тем семейные конфликты приводят к ряду негативных проявлений, и в частности, правонарушениям.

Так, исследователи выделяют следующие основные причины семейных конфликтов: трудности адаптации одного из супругов к условиям совместной жизни; конфликт интересов, потребностей ценностных ориентаций супругов; превосходство одного из супругов, навязываемое другим членам семьи; утрата интереса супругов друг к другу или одного из супругов к другому; антиобщественное поведение одного из супругов; проявление раздражительности, агрессивности по отношению к одному из супругов или членам семьи.²

Конфликты в семье прежде всего отражаются на детях. В частности, по данным психологических исследований, дети, которые в детстве и юности были лишены эмоциональной связи с родителями, впоследствии вырастают повышено агрессивными. В таких семьях проявляются грубое пренебрежение основными нуждами ребёнка, жестокое обращение, отвержение, отсутствие заботы, оскорбления, унижения, рукоприкладство и т.д.

Заметим, что жестокость и насилие в семьях влекут за собой отставание несовершеннолетних в физическом и психическом развитии. В подтверждение сказанному приведём слова Б. Спока, о том, что «преступники вырастают из детей, страдавших не от наказаний, а от недостатка любви».

¹ Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб., 2004. С. 257.

² Соболева С.К. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М.: Юридическая литература. 1976. С. 37-45.

Отметим, что в большинстве случаев лица, совершившие насильственные преступления, в детстве подвергались насилию, унижению, жестокому обращению со стороны взрослых, в том числе и родителей. Вследствие чего такие дети проецируют жестокость и агрессивность на сверстников, младших по возрасту детей или на животных, компенсируя жестокость по отношению к себе.

Между тем девиантное поведение может также являться следствием некой фиксированной установки, которая начинает формироваться с раннего детства. К примеру, если ребёнку внушать и воспитывать в нём чувства жестокости, пренебрежения к обществу, то имеет место дефект семейной социализации. Основное отличие сформированных установок от проявлений жестокости и эмоциональной отстранённости родителей заключается в том, что они проявляются лишь в определённых ситуациях, так как перестройке фиксированные установки не поддаются.

Вместе с тем такие негативные явления как скандалы, аморальность поведения родителей, пьянство, жестокое отношение к детям, педагогическая малограмотность родителей, являются наиболее типичными для формирования у детей и подростков жестокости, лицемерия, эгоизма, отчуждения от семьи и, как следствие, влечёт их безнадзорность, совершение асоциальных поступков и правонарушений.

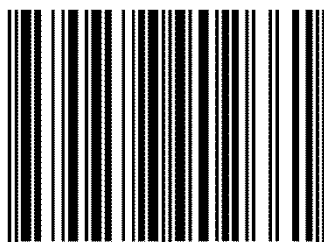
Подводя итог, отметим, что именно семья является той первичной средой, где формируются личность человека, представления о ценностях. Так, в семье могут быть сформированы как позитивные (ценность жизни, неприкосновенность собственности, толерантность и т.д.), так и негативные (ложь, воровство, нетерпимость) ценности. Если в процессе роста, развития и формирования ребёнок «видит» лишь отрицательное, то велика вероятность проявления им негативной девиации в будущем. Таким образом, то что «испорчено» семьёй и в семье трудно поддаётся исправлению обществом.

Социология, философия, право в системе противодействия преступности

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции

(Красноярск, 22 ноября 2018 года)

ISBN 978-5-7889-0266-1

9 785788 902661

Статьи печатаются в авторской редакции.
Сборник подготовлен к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать *18 октября 2018 г.*
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Академия.
Печать офсетная. Уч.изд.л. 10,1 (14,0 усл.п.л.).
Тираж 300 экз. Первый завод 100 экз. Заказ 298.

Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.